

Стэнли Джон Уаймэн

Под кардинальской мантией

Стэнли Джон Уаймен

Под кардинальской мантией

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133179

Аннотация

«– У вас крапленые карты!

Нас окружало человек двадцать, когда этот глупец, мало зная, с кем он имеет дело, и не умея проигрывать, как подобает настоящему дворянину, бросил мне в лицо эти слова. Он думал, я готов в этом присягнуть, что я тотчас начну кипятииться, кричать и выходить из себя, как петух. Но он плохо знал Жиля де Бери. В первую минуту я не удостоил его даже взглядом. Вместо ответа я осмотрел, улыбаясь, кольцо окружавших нас лиц и увидел, что мне некого бояться, кроме де Помбалия. Только тогда я поднялся с места и посмотрел на глупца с таким суровым видом, который всегда производил впечатление и на более солидных и умных людей...»

Содержание

Глава 1. В игорном доме	4
Глава 2. «Зеленый столб»	26
Глава 3. Дом в лесу	47
Глава 4. Две дамы	67
Глава 5. Мечь	86
Глава 6. Под южной вершиной	106
Глава 7. Ловкий удар	127
Глава 8. Ловкий удар (часть 2)	135
Глава 9. Вопрос	148
Глава 10. Клон	169
Глава 11. Арест	190
Глава 12. Дорога в Париж	211
Глава 13. На перекрестке	230
Глава 14. Накануне дня Святого Мартина	251
Глава 15. День Святого Мартина	262

Джон Уаймен

Под кардинальской мантией

Глава 1. В игорном доме

– У вас крапленые карты!

Нас окружало человек двадцать, когда этот глупец, мало зная, с кем он имеет дело, и не умея проигрывать, как подобает настоящему дворянину, бросил мне в лицо эти слова. Он думал, я готов в этом присягнуть, что я тотчас начну кипятился, кричать и выходить из себя, как петух. Но он плохо знал Жилия де Бери. В первую минуту я не удостоил его даже взглядом. Вместо ответа я осмотрел, улыбаясь, кольцо окружавших нас лиц и увидел, что мне некого бояться, кроме де Помбалия. Только тогда я поднялся с места и посмотрел на глупца с таким суровым видом, который всегда производил впечатление и на более солидных и умных людей.

– Крапленые карты, мосье англичанин? – сказал я с холодной усмешкой. – Но ими, я слышал, обманывают игроков, а не невоспитанных молокососов.

– А все-таки я утверждаю, что у вас крапленые карты! – горячо ответил он со своим смешным акцентом. – В послед-

ний раз у меня не было ничего, и вы как раз удвоили ставку. Очевидно вы знали это. Вы меня обманывали!

– Нетрудно вас обмануть, когда вы играете спиной к зеркалу, – насмешливо возразил я.

При этих словах вокруг раздался оглушительный хохот, который, наверное, был слышен на улице. Даже те из присутствовавших, которые до сих пор не обращали внимания на нашу ссору, заинтересовались и подошли к нашему столу. Но я сохранял прежнее суровое выражение лица. Выждав, пока в комнате опять водворилась тишина, я жестом руки отстранил заграждавших дорогу и указал на дверь.

– За церковью св. Якова есть дворик, – сказал я, надевая шляпу и застегивая плащ. – Вы, конечно, не откажетесь сопровождать меня туда?

Он тоже схватил свою шляпу.

– С удовольствием, – воскликнул он вне себя от стыда и гнева. – Хоть к самому дьяволу, если вам угодно!

Я уже считал дело улаженным, как вдруг маркиз взял молодого человека за руку и удержал его.

– Этого не будет, – сказал он, обращаясь ко мне со своим величественным видом вельможи. – Вы знаете меня, де Бетро. Дело зашло уже достаточно далеко.

– Слишком далеко, де Помбаль, – с горечью ответил я. – Но если вам угодно занять место своего друга, я ничего против этого не имею.

– Потише, пожалуйста, – презрительно ответил он. – Я

знаю вас. Я не связываюсь с людьми вашего сорта и не вижу в том надобности для этого господина!

– Конечно, – сказал я, низко кланяясь, – если он предпочитает быть избитым на улице палкой.

Это задело маркиза.

– Будьте осторожнее! Будьте осторожнее! – сердито закричал он. – Вы забываетесь, Беро!

– Де Беро, с вашего позволения, – возразил я, пристально глядя на него. – Моя фамилия имеет частицу «де» так же давно, как и ваша, де Помбаль!

Он не мог этого отрицать и ответил, все еще не выпуская руки своего друга:

– Как вам угодно. Таков, по крайней мере, мой совет. Кардинал запретил дуэль, и на этот раз он не позволит с собою шутить. Вы уже имели однажды немало хлопот, хотя и отделались счастливо. Во второй раз дело может принять худший оборот. Поэтому лучше оставьте этого господина в покое, мосье де Беро. Да, наконец, как вам не стыдно! – воскликнул он с горячностью. – Ведь он еще юноша!

Два или три человека позади меня захлопали в ладоши при этих словах. Я обернулся, посмотрел на них, и они притихли, как мыши.

– Мне нет дела до его возраста, – сурово возразил я. – Минуту тому назад он считал себя достаточно взрослым, чтобы оскорбить меня.

– И я докажу справедливость своих слов! – воскликнул

юнец, теряя терпение.

Он был очень горяч, и маркиз все это время с большим трудом сдерживал его.

– Вы мне оказываете плохую услугу, – продолжал он, сердито отстраняя руку де Помбалья. – С вашего позволения, мы с этим господином dokonчим наше дело!

– Вот это лучше, – сказал я, кивая головой, меж тем как растерявшийся маркиз, нахмутив брови, отступил в сторону. – Позвольте мне пройти вперед.

Игорный дом Затона находился в ста шагах от церкви святого Якова Мясников, и половина гостей пошла вслед за нами. Вечер был сырой, на улицах было темно, грязно и скользко. Улица св. Антуана была почти пуста, и кучка людей, которая днем неминуемо обратила бы на себя всеобщее внимание, осталась незамеченной: мы беспрепятственно вступили на мощный треугольник, расположенный позади церкви. В отдалении я увидел одного из кардинальских стражников, который медленно слонялся взад-вперед перед лесами, еще окружавшими новый дворец Ришелье. Вид его мундира заставил меня на минуту остановиться в нерешительности, но отступать было уже поздно.

Англичанин начал раздеваться. Я, наоборот, застегнулся до самого горла, так как было очень свежо. Между тем как мы делали свои приготовления и большая часть наших спутников обнаруживала желание держаться подальше от меня, я почувствовал на своем рукаве прикосновение чьей-то ру-

ки и, обернувшись, увидел маленького портного, у которого я в то время нанимал квартиру на Мыловаренной улице. Появление этого субъекта было очень несвоевременно, если не сказать больше. Дома, за неимением лучшего общества, я иногда позволял ему обращаться со мною довольно фамильярно, но я вовсе не желал, чтобы он ставил меня в неловкое положение перед благородными людьми. Я поспешил оттолкнуть его и сердито нахмурил брови, надеясь, что это заставит его хранить молчание. Но последнее оказалось невозможным, и мне волей-неволей пришлось заговорить с ним.

– После, после, – торопливо произнес я. – Я теперь занят.

– Ради Бога, не делайте этого! – воскликнул болван, снова хватаясь за мой рукав. – Не делайте этого! Вы навлечете беду на весь дом. Ведь он почти еще мальчик, и...

– Ты тоже? – закричал я, теряя терпение. – молчи, бездельник! Что ты понимаешь в спорах благородных людей? Оставь меня, слышишь?

– Но кардинал! – воскликнул он дрожащим голосом. – Кардинал, господин де Бери! Человек, которого вы недавно убили, еще не забыт. На этот раз кардинал ни за что...

– Оставь меня, слышишь? – прошипел я, потому что бесстыдство этого человека превосходило всякие границы и возбуждало во мне такое же омерзение, как и его противный голос. – Прочь! Я вижу, ты просто боишься, что он убьет меня, и ты потеряешь свои деньги.

Фризон отскочил от меня, словно получив удар бича, а

я обернулся к своему противнику, который с нетерпением ожидал конца этого разговора. Признаюсь, ужасно молодым показался он мне, когда я увидел перед собой в эту минуту его обнаженную голову и светлые волосы, ниспадавшие на его гладкий, женский лоб, настоящим мальчиком, только что выпущенным из Бургундской коллегии, если только есть у них в Англии такие коллегии. Мороз пробежал у меня по телу. Какое-то угрызение совести, страх, предчувствие пронеслись во мне. Что сказал мне этот карлик-портной? Чтобы я не... Но что он за советчик? Что он понимает в подобных вещах? Если я отступлю на этот раз, то мне придется убивать ежедневно по человеку или же оставить Париж, игорный дом и умереть где-нибудь от голода.

– Прошу извинения, – сказал я, обнажая шпагу и становясь на место. Должен же был проклятый кредитор застигнуть меня так некстати! Теперь я к вашим услугам.

Он отдал честь, и мы скрестили шпаги. С первого же момента я не сомневался в исходе нашей дуэли. Скользкие камни и слабый свет давали ему, правда, некоторый шанс, некоторую выгоду, более того, чем он заслуживал, но как только я коснулся его лезвия, я понял, что он новичок в искусстве владеть шпагой. Быть может, он взял с полдюжины уроков фехтования и затем упражнялся с каким-нибудь англичанином, таким же тяжелым и неповоротливым, как и он. Но это было все. Он сделал несколько смелых, но очень неловких нападений, и когда я удачно отпарировал их, для меня ис-

чезла всякая опасность; он был всецело в моей власти.

Я стал играть им, следя, как пот выступал у него на лбу, и ночной мрак, словно тень смерти, все гуще и гуще падал на его лицо. Мною руководила не жестокость, – Бог свидетель, что я никогда этим не грешил, но в первый раз в жизни я чувствовал странное нежелание нанести удар. Мокрые кудри прилипали к его лбу, дыхание судорожными толчками вырывалось из груди. Я слышал за своею спиной ропот, кто-то даже не удержался от громкого проклятия... И вдруг я поскользнулся, поскользнулся и в один миг очутился лежащим на правом боку, ударив правый локоть о мостовую так сильно, что рука у меня онемела до самой кисти.

Он остановился. Десяток голосов закричал:

– Ну, теперь он ваш!

Но он остановился. Он отступил назад и, опустив шпагу, ждал с сильно вздымавшейся грудью, пока я не поднялся на ноги и снова не закрылся своей шпагой.

– Довольно, довольно! – раздался позади меня грубый голос. – Неужели и после этого вы не оставите его?

– Будьте осторожны, сударь, – холодно сказал я, потому что он продолжал стоять в нерешительности. – Это была простая случайность. Не рассчитывайте на нее в другой раз.

Несколько голосов закричали:

– Как вам не стыдно?

Кто-то крикнул даже:

– Подлец!

Англичанин выступил вперед, пристально глядя на меня своими голубыми глазами, и безмолвно занял свое место. На его напряженном белом лице я читал, что он готов на все, даже на самое худшее, и его мужество приводило меня в такое восхищение, что я был бы очень рад, если бы кто-нибудь из зрителей, любой из них, занял бы его место. Но это было невозможно. Я вспомнил о том, что двери игорного дома будут теперь навсегда закрыты для меня, вспомнил об оскорблении, нанесенном мне Помбалем, о насмешках и обидах, которые я всегда смывал кровью, – и, с силой ударив по его лезвию, я пронзил англичанина насквозь.

Когда он упал на камни мостовой, вид этих полузакрытых глаз и этого лица, блевшего в темноте ночи, – не скажу, чтобы я долго смотрел на него, потому что через секунду дюжина товарищей стояла подле него на коленях, заставил мое сердце непривычно сжаться. Но это продолжалось лишь одно мгновение. Я увидел вокруг себя кольцо нахмуренных и сердитых лиц. Держась на почтительном расстоянии от меня, люди шипели, проклинали меня, угрожали, называя черною смертью и тому подобными эпитетами.

Большая часть их была негодьями, собравшимися вокруг нас в продолжение поединка и следившими из-за ограды за всем происходившим. Одни рычали на меня, как волки, называя меня «мясником», «головорезом»; другие кричали, что Бери опять принялся за свое ремесло; третьи угрожали мне гневом кардинала, тыкали мне в лицо эдиктом и злобно

заявляли, что идет стража и что меня вздернут на виселицу.

– Его кровь падет на вашу голову! – с яростью кричал один. – Он умрет через час! На виселицу вас! Ура!

– Пошел прочь! – сказал я.

– Да, в Монфокон! – насмешливо ответил он.

– Нет, в свою конуру! – ответил я, бросив на него такой взгляд, что он поспешил попятиться назад, хотя нас разделял забор.

Стоя несколько поодаль, я тщательно вытирал свою шпагу. Я отлично понимал, что в такой момент человек не может рассчитывать на особенную популярность. Те, кто пришел со мной из игорного дома, косились на меня и, когда я вздумал подойти к ним, повернулись ко мне спинами. Те же, которые присоединились к нам позже, нисколько не были вежливее их.

Но мое самообладание нелегко было сломить. Я надел шляпу набекрень и, накинув на себя плащ, вышел с таким развязным видом, что подлые щенки разбежались врассыпную, не подпустив меня и на десять шагов. Толпа у забора рассеялась так же быстро, и через минуту я был на улице. Еще минута, и я убрался бы подобру-поздорову, как вдруг раздался барабанный бой. Толпа исчезла во мраке, а меня окружили со всех сторон кардинальские стражники. Я был немного знаком с начальником отряда, и он вежливо приветствовал меня.

– Плохая история, мосье де Бери, – сказал он. – Человек

умер, сказали мне.

– Ничего подобного, – ответил я веселым тоном. – Если это вас привело сюда, то можете спокойно идти домой.

– С вами, конечно, – сказал он, усмехаясь. – И так как идет дождь, то чем скорее, тем лучше. К сожалению, мне придется попросить вашу шпагу.

– Извольте, – ответил я с философским спокойствием, которое никогда не покидало меня. – Но мой противник не умрет, имейте это в виду.

– Дай Бог, чтобы это послужило вам на пользу, – сказал он тоном, который мне не особенно понравился. – Налево, ребята! В Шатле! Шагом марш!

– Бывают и худшие места, – сказал я и подчинился судьбе.

Мне уже случалось побывать в заключении, и я знал, что есть только одна тюрьма, из которой никто не может убежать. Но когда мне сказали, что мой знакомец получил инструкции отдать меня под стражу как обыкновенного преступника, уличенного в краже или убийстве в целях грабежа, признаюсь, у меня сердце упало. «Если мне удастся добиться свидания с кардиналом, думал я, – все еще может хорошо кончиться. Но если мне не удастся, если дело будет ему представлено в ложном свете или, наконец, он сам будет в дурном настроении, тогда пиши пропало! В эдикте прямо сказано: смертная казнь!»

– Как? Опять, де Бери? – сказал он, поднимая брови. – Ну и смельчак же вы, если снова являетесь сюда. Старая исто-

рия, вероятно?

– Да, но он не умер, – спокойно ответил я. – Пустяшная царапина! Это было за церковью Св. Якова.

– Ну, а мне он показался довольно мертвым, – заметил начальник стражи, который еще стоял тут.

– Ба! – презрительно ответил я. – А вы слышали, чтобы я когда-нибудь сделал ошибку? Если я намерен убить человека, я убью его. А теперь я именно старался не убить его. Стало быть, он останется жив.

– Надеюсь, что так, – ответил начальник тюрьмы с кислой улыбкой. – И вам советую надеяться на это, господин де Бетро. Не то...

– Ну? – сказал я с некоторой тревогой. – Не то, любезнейший?

– Не то боюсь, что больше вам уже ни с кем не придется драться. Если даже он останется жив, я не очень уверен за вас, дружище. Кардинал твердо решил положить дуэлям конец.

– Мы с ним старые друзья, – сказал я уверенным тоном.

– Я слышал, – ответил он с легким смехом. – Но то же самое говорили относительно Шале, хотя я не припомню, чтобы это спасло его голову.

Это было не слишком успокоительно. Но меня ждало еще худшее.

Рано утром получено было предписание содержать меня с особенною строгостью, и мне предложили выбрать между

кандалами и одною из подземных камер. Я выбрал последнее и имел теперь полную свободу размышлять о многих вещах и, между прочим, о странном, непостоянном характере кардинала, который, как я знал, любил играть с человеком, как кошка с мышью, а также о дурных исходах, которые иногда наступают при самом легком и осторожном ранении груди. Я избавился от этих и им подобных неприятных мыслей, когда мне удалось получить на время пару костей. Так как свет, проникавший в темницу, был достаточен, чтобы различать число очков, то я по целым часам забавлялся, бросая кости, согласно некоторым мною самим выработанным правилам. Но долгий ряд метаний опроверг все мои вычисления и в конце концов привел меня к тому выводу, что самый ловкий игрок бессилен, если ему упорно не везет. Такое соображение тоже не могло быть названо успокоительным при данных обстоятельствах.

В продолжение трех дней у меня не было другого общества и другого развлечения. Но в конце третьего дня подлый тюремщик, который был приставлен ко мне и который никогда не уставал твердить мне о виселице, явился ко мне уже не со столь уверенным видом.

– Может быть, вам угодно было бы получить воды? – вежливо спросил он.

– Для чего, негодяй?

– Умыться.

– Я просил вчера, но ты не подал мне, – проворчал я. –

Впрочем, лучше поздно, чем никогда. Давай сюда! Если мне суждено быть на виселице, то я буду висеть, как порядочный человек. Но будь уверен, кардинал никогда не сыграет со старым другом такой гнусной шутки.

– А вам придется идти к нему, – возвестил он, подавая мне воду.

– Что? К кардиналу? – воскликнул я.

– Да!

– Отлично! – радостно вскричал я и тотчас принялся оправлять свое платье. – Значит все это время я был к нему несправедлив, – продолжал я. Да здравствует монсеньер! Многие лета маленькому епископу Люсонскому! Я должен был предвидеть все это!

– Не радуйтесь наперед, – осадил меня тюремщик и затем продолжал: – У меня есть еще кое-что для вас. Ваш знакомый велел передать это вам.

И он подал мне пакет.

– Совершенно верно, – сказал я, глядя прямо в его воровское лицо. – И ты держал это у себя, пока мог, пока думал, что я буду повешен? Ты посмеешь это отрицать, плут? Оставь, не смей мне лгать! Скажи мне лучше, кто из моих друзей принес это.

Сказать по правде, в те времена у меня было уж не так много друзей, а десять крон, содержащихся в пакете, говорили об очень стойком и преданном друге, – друге, которым смело можно было гордиться.

Негодяй злорадно усмехнулся.

– Маленький кривой человечек, – сказал он. – Что-то вроде портного.

– Довольно, – сказал я, но на лице моем отразилось разочарование. – Я понимаю! Честный парень, мой должник. Я очень рад, что он вспомнил о своем долге. Но когда я пойду к кардиналу, приятель?

– Через час, – мрачно ответил он.

Несомненно, он рассчитывал на одну из этих крон, но я был слишком старый воробей, чтобы дать ему что-нибудь. Если я вернусь назад, я еще успею купить его услуги; если же нет, то не стоит тратить денег.

Тем не менее, немного времени спустя, когда я шел к дому Ришелье под таким многочисленным конвоем, что я ничего не видел на улице, кроме солдат, я жалел, что не дал тюремщику денег. В такие моменты, когда все поставлено на карту и горизонт подернут тучами, ум невольно хватается за приметы и старинные суеверия и склонен думать, что крона, данная в одном месте, может помочь в другом, хотя бы последнее находилось на расстоянии ста миль.

Дворец Ришелье в то время еще строился, и нам приказано было подождать на длинной пустой галерее, где работали каменщики. Здесь я простоял битый час, с беспокойством думая о странностях и прихотях великого человека, который тогда правил Францией в качестве главного наместника короля, со всеми королевскими полномочиями, и жизнь кото-

рого мне однажды удалось спасти, своевременно предупредив его об опасности. Он сделал в свое время кое-что, чтобы отблагодарить меня за эту услугу, да и после того иногда допускал меня к себе запросто, так что мы не были незнакомы друг Другу.

Тем не менее, когда дверь, наконец раскрылась предо мной и меня ввели к кардиналу, мое самообладание подверглось сильному испытанию. Его холодный взор, который скользнул по мне, точно я был не человеком, а какой-то безличной величиной, стальной блеск его глаз заставили похолодеть мое сердце. Комната была почти пуста, пол не был покрыт ни ковром, ни подстилкой. Вокруг лежали в беспорядке свидетельства недоконченной столярной работы. Но этот человек не нуждался ни в каких декорациях. Его худощавое бледное лицо, его блестящие глаза, даже вся его фигура, — хотя он был невысокого роста и уже горбился в плечах, — могли привести в смущение самого смелого.

Я смотрел на него и вспоминал тысячу рассказов о его железной воле, холодном сердце, его непогрешимой хитрости. Он поверг брата короля, великолепного герцога Орлеанского, во прах. Он смирил королеву-мать. Двадцать голов, самых благородных во всей Франции, пошли благодаря ему на плаху. Лишь за два года перед тем он сокрушил Ла-Рошель, несколько месяцев тому назад он подавил восстание в Лангедоке, и в этом, 1630 году на всем юге, который лишился своих привилегий и еще продолжал кипеть недовольством,

никто не осмеливался поднять на него руку, – по крайней мере, открыто. В тиши, конечно, ковались тысячи заговоров, тысячи интриг против его жизни и власти, но такова, как мне кажется, судьба всякого великого человека.

Нет поэтому ничего удивительного в том, что мужество, которым я всегда гордился, мгновенно покинуло меня при виде кардинала, и я напрасно старался придать своему униженному поклону характер развязности и самообладания, приличествующих старому знакомству.

Быть может, это было к лучшему, потому что этот человек, кажется, совсем не имел сердца. В первую минуту, пока он стоял, глядя на меня и еще ничего не говоря, я считал себя безнадежно погибшим. В его глазах мелькнул огонек жестокого удовольствия, и, прежде чем он открыл рот, я знал, что он мне скажет.

– Лучшего примера не может быть, де Беро, – с гадкой улыбкой сказал он, глядя спину кошки, которая вспрыгнула на стол. – Вы старый ослушник и будете превосходным примером. Не думаю, чтобы вами дело ограничилось, но вы послужите для нас залогом для более крутых мер.

– Монсеньер сам владеет шпагой, – пролепетал я.

Комната мне показалась темнее, воздух холоднее. Еще никогда в жизни я не был так близок к страху.

– Да? – сказал он с едва заметной улыбкой. – И потому?..

– Не будет относиться слишком строго к проступку бедного дворянина.

– Бедный дворянин пострадает не более, чем богатый, – вкрадчиво ответил он, продолжая гладить кошку. – Можете утешиться этим, Беро. Это все, что вы можете сказать?

– Я оказал однажды услугу вашей эминенции, – сказал я с отчаянием.

– Вы уже не раз получали свою награду, – ответил он. – И не будь этого, я не призвал бы вас к себе.

– Помилуйте! – воскликнул я, хватаясь за соломинку, которую, казалось, он протягивал мне.

Он цинически засмеялся. Его тонкое лицо, темные усы и седеющие волосы придавали ему необыкновенно насмешливый вид.

– Я не король, – ответил он. – Притом, говорят, вы убили в дуэлях не менее шести человек. Заплатите за них королю, по крайней мере, одну жизнь... Больше нам не о чем говорить, Беро, – холодно закончил он, отворачиваясь и начиная перебирать лежавшие на столе бумаги! – Закон должен быть исполнен.

Я ожидал, что он сейчас подаст лейтенанту знак увести меня, и холодный пот выступил у меня по всей спине. Я уже видел пред собою эшафот, чувствовал на шее петлю. Еще мгновение, и было бы поздно...

– Позвольте просить у вас милости, – с отчаянием пролепетал я. – Позвольте сказать вашей эминенции пару слов наедине.

– Для чего? – спросил он, снова оборачиваясь и устрем-

ляя на меня взор, исполненный холодного неудовольствия. – Я знаю вас, ваше прошлое, – все. Это вам не поможет, мой Друг.

– Ну так что ж? – воскликнул я. – Ведь это просьба умирающего, монсеньер.

– Это, положим, правда, – задумчиво ответил он.

Но он все еще колебался, и сердце у меня неистово билось. Наконец он поднял взор на лейтенанта.

– Можете оставить нас, – коротко сказал он и, по его ухodu, продолжал: – Ну, в чем дело? Говорите скорее, что вам нужно. А главное – не думайте одурачить меня, Беро!

Но теперь, когда добился своего и остался с ним наедине, пронизательный взор его глаз до такой степени смутил меня, что я не мог найти слов и, как немой, стоял перед ним. Должно быть это польстило ему, потому что его лицо немного утратило свое жестокое выражение.

– Ну? – сказал он опять. – Это все?

– Мой противник не умер, – пробормотал я.

Он презрительно пожал плечами.

– Что ж из этого? Неужели только это вы и хотели сказать мне?

– Я однажды спас вашей эминенции жизнь, – жалобно сказал я.

– Допустим, – ответил он своим тонким, резким голосом. – Вы уже упоминали об этом. Но, с другой стороны, насколько мне известно, вы сами отняли у нас шесть жизней,

Беро. Вы вели и ведете жизнь буяна, убийцы, игрока, – вы, человек хорошего рода. Стыдитесь! Как же вы можете удивляться, что такая жизнь привела вас к этому? Впрочем, об этом я не желаю больше разговаривать, – коротко добавил он.

– Быть может, я еще когда-нибудь спас бы вашей эминенции жизнь! – воскликнул я под каким-то неожиданным наитием.

– Вам что-нибудь известно? – с живостью спросил он, устремляя на меня пристальный взор. – Но что я! – продолжал он, качая головой. – Старые штуки! У меня есть шпионы получше вас, Беро.

– Но нет лучше шпаги! – хриплым голосом закричал я. – Нет ни одной во всей вашей гвардии!

– Это правда, – медленно ответил он. – Это правда.

К моему удивлению, его тон изменился и взор опустился вниз.

– Постойте-ка, я подумаю, мой друг.

Он прошелся два или три раза взад-вперед по комнате. Кошка шла, поворачиваясь вместе с ним, и терлась о его ноги.

Я стоял, трепеща всем телом. Да, я должен сознаться, что руки и ноги у меня дрожали. Человек, для которого не существует никакая опасность, у которого сердце бьется спокойно перед лицом неизбежной смерти, почти всегда пасует перед неизвестностью. Внезапная надежда, которую пробудили во

мне его слова, так потрясла меня, что его фигура заколыхалась у меня перед глазами. Я ухватился за стол, чтобы удержаться на ногах. Никогда даже в глубине своей души я не подозревал, что надо мною так неотвратимо нависла грозная тень Монфокона и виселицы.

Однако я имел время оправиться, потому что он не сразу заговорил. Когда же он заговорил, его голос звучал резко, повелительно.

– Вы имеете славу человека верного, по крайней мере, своему хозяину, сказал он. – Молчите! Я знаю, что говорю... Ну, и я вам верю. Я намерен дать вам еще один шанс, хотя самый отчаянный. Горе вам, если вы обманете мое доверие. Вы знаете Кошфоре в Беарне? Это недалеко от Оша.

– Не знаю, ваша эминенция.

– И не знаете господина Кошфоре?

– Никак нет, ваша эминенция.

– Тем лучше, – сказал он. – Но вы, конечно, слышали о нем. Он участвовал во всех Гасконских заговорах со времени смерти покойного короля и наделал нам в прошлом году в Виваре больше хлопот, чем кто-либо другой за последние двадцать лет. В настоящее время он вместе с другими беглецами находится в Бососте, в Испании, но я получил сведения, что он очень часто навещает свою жену в замке Кошфоре, лежащем в шести милях от границы. Во время одного из этих приездов он должен быть арестован.

– Это легко, – сказал я.

Кардинал посмотрел на меня.

– Молчите! Вы не знаете, что такое Кошфоре. В замке имеются только двое или трое слуг, но вся деревня стоит за них как один человек, и это очень опасный народ. Ничтожная искра может опять поднять там целое восстание. Поэтому арест должен быть произведен тайно.

Я поклонился.

– Решительный человек, проникший в дом, – продолжал кардинал, задумчиво глядя на бумагу, лежавшую на столе, – с помощью двух или трех помощников, которых он мог бы призвать в нужную минуту, сумеет сделать это. Вопрос заключается в том, желаете ли вы быть этим человеком, мой друг?

Я сначала оставался в нерешительности, но затем отвесил поклон в знак согласия. Какой выбор был у меня?

– Нет, нет, говорите прямо, – резко сказал он. – Да или нет, мосье де Бери?

– Да, ваше эминенция, – неохотно ответил я.

Повторяю, какой выбор был у меня?

– Вы доставите его в Париж живым. Он знает кое-что, и потому он мне нужен. Вы понимаете?

– Так точно, монсеньер.

– Вы проникнете в его дом, как сумеете, – выразительно продолжал он. Для этого вам потребуется изрядный запас стратегии, и хорошей стратегии. Они ужасно подозрительны. Вы должны обмануть их. Если вам не удастся обмануть их

или ваш обман откроется не вовремя, я думаю, мне больше уже не придется иметь с вами дело или вторично нарушать свой эдикт. С другой стороны, если вы вздумаете обмануть меня, – прибавил он, и на его устах заиграла еще более тонкая улыбка, а голос понизился до какого-то мурлыканья, – то я подвергну вас колесованию, как и подобает такому неудачному игроку.

Я стойко выдержал его взгляд.

– Пусть будет так, – сказал я небрежно. – Если я не привезу господина де Кошфоре в Париж, вы можете подвергнуть меня колесованию и чему угодно.

– Прекрасно, – медленно произнес он. – Я думаю, что вы не нарушите моего доверия. Что касается денег, то вот вам сто крон. Этой суммы будет достаточно. Но если вы выполните поручение, то получите еще вдвое больше. Теперь все, кажется. Вы меня поняли?

– Точно так, монсеньер.

– Чего же вы ждете?

– А лейтенант? – робко произнес я.

Кардинал усмехнулся и, присев к столу, написал на клочке бумаги несколько слов.

– Передайте ему это, – сказал он, придя в хорошее расположение духа. Как видно, мосье де Бери, вы никогда не получите заслуженного возмездия... в этом мире.

Глава 2. «Зеленый столб»

Кошфоре лежит в холмистой местности, поросшей дубом, буком и каштаном, в стране глубоких, устланных сухими листьями котловин и высоких, одетых лесами холмов. Лесистая местность, пересеченная холмами и долами, мало населенная и еще меньше обработанная, тянется вплоть до громадных снеговых гор, составляющих в этом месте границу Франции. Она кишит всевозможной дичью, – волками, медведями, оленями, вепрями. До конца своих дней великий король, говорят, любил эту провинцию и часто вздыхал по каштановым рощам южного Беарна, когда годы и государственные дела ложились тяжелым бременем на его плечи. С террас Оша вы можете видеть, как лес, то блистая яркими красками, то утопая в тени, тянется по горам и долам к подножию снеговых вершин, и хотя я происхожу из Бретани и люблю запах соленого морского воздуха, однако я мало видел картин природы, которые могли бы сравниться с этою.

Была вторая неделя октября, когда я прибыл в Кошфоре и, спустившись с последнего лесистого склона, спокойно въехал под вечер в деревню. Я был один и целый день ехал по безмолвным лесным тропинкам, устланным красноватыми буковыми листьями, пересекая чистые, прозрачные речки и зеленые еще лужайки. Я чувствовал вокруг мирную, безмятежную деревенскую тишину, которой не знал со вре-

мени моего детства, и вот почему, а может быть и потому, что к предстоявшему мне делу у меня не лежало сердце, я немного повесил нос. Откровенно говоря, мне было поручено совсем не дворянское дело, как бы вы там на него ни смотрели.

Но для человека в моем положении выбора не было, и я знал, что мое уныние недолго будет продолжаться. В гостинице, в обществе других, под гнетом необходимости или в возбуждении охоты, раз последняя будет начата, это настроение исчезнет бесследно. Пока человек молод, он ищет уединения, когда же он имеет за плечами большую половину жизни, он стремится убежать от нее и от своих мыслей. Поэтому я направился к «Зеленому столбу», маленькой гостинице на одной из деревенских улиц. Подъехав к дверям, я стал стучать рукояткой своего хлыста, ругая хозяина за то, что он заставляет меня дожидаться.

Там и сям из дверей бедных лачуг, стоявших вдоль улицы, которая представляла собою жалкое, убогое место, недостойное своего названия, на меня подозрительно поглядывали мужчины и женщины, но я сделал вид, что не замечаю этого. Наконец показался и хозяин. Это был белокурый парень, наполовину баск наполовину француз, и я не сомневаюсь, что предварительно он хорошенько оглядел меня из какого-нибудь окошка или отверстия своего дома, потому что он посмотрел на меня с какою-то мрачною сдержанностью, не выказывая никакого удивления при виде хорошо одетого

путника, представлявшего настоящее чудо в этой глухой деревушке.

– Я, конечно, могу здесь переночевать? – спросил я, бросая поводья гнедого, который тотчас же опустил свою шею.

– Не знаю, – ответил тот с глупым видом.

Я указал на зеленый горшок, украшавший собою верхушку столба, водруженного против дверей.

– Ведь это гостиница, я полагаю? – сказал я.

– Да, – медленно ответил он, – это гостиница. Но...

– Но она полна приезжих, или у вас вышли все припасы, или ваша жена больна, или что-нибудь в этом роде? – сердито сказал я. – А все-таки я переночую здесь, и вам ничего не остается, как примириться с этим, равно как и вашей жене, если она у вас имеется.

Он почесал себе затылок, недружелюбно глядя на меня. Но так как он ничего не сказал, то я сошел с коня.

– Где я могу оставить свою лошадь? – спросил я.

– Я отведу ее, – мрачно ответил он, выступая вперед и беря лошадь под уздцы.

– Прекрасно, – сказал я. – Но я пойду с вами. Долг порядочного человека – заботиться о своей лошади, и куда бы я ни ездил, я слежу за тем, чтобы моя лошадь получала хороший корм.

– Она получит, – коротко ответил он, но не двигался с места, очевидно, ожидая, чтобы я вошел в дом. – Жена моя там, – прибавил он, глядя на меня.

– Imprimis, если вы понимаете по латыни, мой друг, – сказал я, отведите лошадь в конюшню.

Он увидел, что ничего от меня не добьется, медленно повернул гнедого и повел его на другую сторону улицы. Позади гостиницы находился сарай, который я уже раньше заметил и принял за конюшню. Меня удивило, что хозяин направился с моею лошадью не туда, а на другую сторону улицы, но я промолчал, и через несколько минут гнедой был удобно водворен в лачуге, очевидно, принадлежавшей соседу хозяина гостиницы.

После этого хозяин повел меня назад в гостиницу, неся в руках мой дорожный мешок.

– Других приезжих у вас нет? – спросил я беспечным тоном (я знал, что он внимательно следит за мной).

– Нет, – ответил он.

– Очевидно, это не особенно бойкое место?

– Да.

В действительности это было более чем очевидно, и я могу сказать, что я никогда не видел более пустынного места. Лес, одевавший крутой склон, так навис над долиной, что я с удивлением спрашивал себя, как можно было бы выбраться отсюда, не будь той тропинки, которая привела меня сюда. Деревенские домики – жалкие, низенькие лачуги – тянулись в виде неправильного двойного ряда, часто прерываемого упавшими деревьями и плохо расчищенными лугами. Посредине извивался шумный горный поток. А жители – по

большей части угольщики, свинопасы и тому подобные бедняки – были под стать своим хижинам. Напрасно я искал взором замок Кошфоре. Его нигде не было видно, а спросить о нем я не решался.

Хозяин ввел меня в общую залу гостиницы – низенькую, убогую комнату без дымовой трубы и стеклянных окон, полную копоти и грязи. Чуть ли не целое дерево дымилось и тлело на каменном очаге, поднимавшемся не более фута от пола. Большой черный горшок кипел над огнем, а у окна сидел, развалившись, деревенский парень и разговаривал с хозяйкой. В темноте я не мог различить его лица. Отдав приказание женщине, я присел к столу в ожидании ужина.

Трактирщица была гораздо молчаливее, чем большинство женщин ее полета, но это, может быть, происходило оттого, что в комнате находился ее муж. Между тем как она хлопотала, собирая для меня ужин, он прислонился к дверному косяку и устремил на меня пристальный взор, который никоим образом не мог способствовать моему успокоению.

Хозяин был высокий, коренастый малый с щетинистыми усами и светло-русой бородой, остриженной на манер Генриха IV. Об этом именно короле, и только о нем – самый безопасный предмет разговора с беарнцем мне удалось вытянуть из него несколько слов. Но и при этом в его глазах блеснул огонек подозрения, который побудил меня воздержаться от расспросов, и по мере того, как надвигалась ночь и пламя очага ярче и ярче играло на его лице, я все чаще по-

думывал о дремучем лесе, отделявшем эту глухую долину от Оша, и вспоминал предостережение кардинала, что в случае моей неудачи мне уже не придется беспокоить Париж своим присутствием.

Деревенский парень, сидевший у окна, не обращал на меня никакого внимания, да и я мало интересовался им, как только убедился, что он действительно то, чем казался на первый взгляд. Но спустя некоторое время в комнату, как бы на подмогу хозяину, явилось еще несколько человек, которые, по-видимому, не имели иной цели, как молча смотреть на меня и изредка перекидываться между собою отрывочными фразами на местном простонародном наречии. Когда мой ужин был готов, число этих плутов возросло уже до шести, и так как все они были вооружены большими испанскими ножами и были очень подозрительны, — то я почувствовал себя как человек, неосторожно всунувший голову в пчелиный улей.

Тем не менее, я сделал вид, что ем и пью с большим аппетитом, и в то же время старался не упускать из виду ничего, что происходило в кругу, освещенном тусклым светом дымной лампы. Во всяком случае, я следил за лицами и жестами этих людей не менее внимательно, чем они за мною, и ломал себе голову над тем, как обезоружить их подозрительность, или, по крайней мере, как выяснить положение вещей. То и другое, однако, оказывалось гораздо труднее и опаснее, чем я когда-либо предполагал. Вся долина положительно была

настороже для защиты одного человека, арест которого составлял мою цель.

Я нарочно привез с собой из Оша две бутылки отборнейшего арманьякского вина. Вынув их из седельных мешков, которые я принес с собою в комнату, я откупорил их и предложил кубок хозяину. Он принял его, и, когда он выпил, лицо его покраснело. Он неохотно возвратил мне кубок, и я налил ему вновь.

Крепкое вино уже начало свое действие, и спустя несколько минут он начал разговаривать более свободно и охотно, чем прежде. Однако и теперь он главным образом ограничивался вопросами – интересовался то тем, то другим, но и это было очень приятной переменой. Я рассказал ему, откуда я приехал, по какой дороге, сколько времени я пробыл в Оше и где останавливался, и лишь когда речь зашла о моем приезде в Кошфоре, я погрузился в таинственное молчание. Я только неясно намекнул, что имею дело в Испании, к друзьям, находящимся по ту сторону границы, и дал таким образом крестьянам понять, что мои интересы солидарны с интересами их изгнанного господина.

Они поддались на эту удочку, подмигнули друг другу и стали смотреть на меня более дружелюбно, особенно трактирщик. Довольный этим успехом, я не осмелился идти дальше, чтобы как-нибудь не скомпрометировать и не выдать себя. Поэтому я переменял разговор и, чтобы перевести речь на более общие предметы, начал сравнивать их провин-

цию с моею родиной.

Хозяин, который тем временем уже совсем разговорился, не замедлил принять мой вызов и очень скоро сделал мне очень интересное сообщение. Дело было так. Он хвастался большими снеговыми горами южной Франции, лесами, которые одевают их, медведями, которые блуждают там, дикими кабанами, которые кормятся желудями.

– Ну что ж, – сказал я совершенно искренне, – таких вещей у нас действительно нет. Но зато у нас на севере водятся вещи, которых у вас нет. У нас есть десятки тысяч превосходных лошадей, не таких пони, каких вы здесь разводите. На конской ярмарке в Фекампе мой гнедой затерялся бы в массе лошадей. А здесь, на юге, вы не встретите ничего подобного ему, хотя бы вы искали целый день.

– Не говорите об этом так уверенно, – ответил хозяин, глаза которого заблестели от торжества и выпитого вина. – Что вы скажете, если я покажу вам лучшую лошадь в моей собственной конюшне?

Я заметил, что при этих словах остальные присутствующие вздрогнули, а те, которые понимали наш разговор (двое или трое говорили только на своем патуа), сердито посмотрели на него. Я тотчас стал смекать, но, не желая этого выказать, презрительно засмеялся.

– Я поверю вам только тогда, когда увижу это собственными глазами, сказал я. – Я даже сомневаюсь, любезнейший, чтобы вы могли отличить хорошую лошадь от дурной.

– Я не могу отличить! – повторил он, хмурясь. – Еще бы!

– Я сомневаюсь в этом, – упрямо повторил я.

– В таком случае, пойдемте со мною, и я вам покажу, – сказал он, забыв прежнюю осторожность.

Его жена и прочие поселяне с изумлением посмотрели на него, но он, не обращая на них внимания, встал, взял в руку фонарь и отворил дверь.

– Идем, – продолжал он. – Так, по-вашему, я не могу отличить хорошей лошади от дурной? А я вам скажу, что я лучше вашего понимаю толк в лошадях.

Я несколько не был бы удивлен, если бы его товарищи вмешались в дело, но, очевидно, хозяин играл между ними первенствующую роль. Во всяком случае, они хранили молчание, и через минуту мы были на дворе. Сделав несколько шагов в темноте, мы очутились около конюшни, той самой пристройки, которую я видел позади гостиницы. Хозяин откинул щеколду и, войдя внутрь, поднял фонарь вверх. Лошадь – хорошая бурая лошадь с белыми волосами в хвосте и белым чулком на одной ноге – тихо заржала и обратила на нас свои блестящие, влажные глаза.

– Вот вам! – воскликнул хозяин с торжеством, размахивая во все стороны фонарем для того, чтобы я мог лучше разглядеть коня. – Что вы скажете на это? По-вашему, это маленький пони?

– Нет, – ответил я, нарочно умеряя свою похвалу. – Довольно недурная лошадка... для этой страны.

– Для всякой страны, – сердито ответил он. – Для всякой страны, для какой угодно. Уж я недаром говорю это. Ведь эта лошадь... Одним словом, хорошая лошадь, – отрывисто закончил он, спохватившись, и, сразу опустив фонарь, повернулся к двери. Он так спешил оставить конюшню, что чуть не вытолкнул меня из нее.

Но я понял. Я догадался, что он чуть не выдал всего, чуть не проболтался, что эта лошадь принадлежит господину де Кошфоре. Господину де Кошфоре, понимаете? Я поспешил отвернуться, чтобы он не заметил моей улыбки, и меня несколько не удивила мгновенная перемена, происшедшая в этом человеке. Когда мы вернулись в залу гостиницы, он уж совершенно протрезвился и к нему вернулась прежняя подозрительность. Ему было стыдно за свою опрометчивость, и он до того был разъярен против меня, что, кажется, охотно перерезал бы мне горло из-за всякого пустяка.

Но не в моих интересах было затевать ссору. Я сделал по-этому вид, как будто ничего не замечаю, и, вернувшись в гостиницу, стал сдержанно хвалить лошадь, как человек, лишь наполовину убежденный. Злые лица и внушительные испанские ножи, которые я видел вокруг себя, были наилучшим побуждением к осторожности, и я лыщу себя надеждой, что никакой итальянец не сумел бы притворяться искуснее меня. Тем не менее я был несказанно рад, когда вечер подошел к концу, и я очутился один на своем чердачке, отведенном мне для ночлега. Это был жалкий приют, холодный, неудоб-

ный, грязный; я взобрался туда при помощи лестницы; ложе мое, среди связок каштанов и яблок, составляли мой плащ и несколько ветвей папоротника. Но я рад был и этому, потому что здесь я был наконец один и мог на свободе обдумать свое положение.

Несомненно, господин де Кошфоре был в замке. Он оставил здесь свою лошадь и пошел туда пешком. По всей вероятности, так он делал всегда. Таким образом, в некотором отношении он был теперь для меня доступнее, чем я ожидал: лучшего времени для моего приезда не могло и быть; и все-таки он оставался столь же недостижимым для меня, как если бы я еще был Париже. Я не только не мог схватить его, но даже не смел никого спросить о нем, не смел вымолвить неосторожного слова, не смел даже свободно глядеть вокруг. Да, я не смел, – это было ясно. Малейшего намека на цель моего приезда, малейшей вспышки недоверия было бы достаточно, чтобы вызвать кровопролитие, и пролита была бы моя кровь. С другой стороны, чем дольше я останусь в деревне, тем большее подозрение навлеку на себя и тем внимательнее будут следить за мною.

В таком затруднительном положении некоторые, быть может, пришли бы в отчаяние, отказались бы от предпринятой попытки и спаслись бы за границей. Но я всегда гордился своею верностью и решил не отступать. Если не удастся сегодня, попробую завтра; не удастся завтра, попробую в другой раз. Кости не всегда ложатся одним очком кверху.

Подавив в себе малодушие, я, как только дом погрузился в тишину, подкрался к маленькому, четырехугольному, увитому паутиной и закрытому сеном слуховому окошку и выглянул наружу. Деревня была погружена в сон. Нависшие черные ветви деревьев почти закрывали от моих глаз серое, облачное небо, по которому уныло плыл месяц. Обратив свой взор книзу, я сначала ничего не мог разобрать, но, когда мои глаза привыкли к темноте (я только что погасил свой ночник), я различил дверь конюшни и неясные очертания крыши. Это меня очень обрадовало, потому что теперь я мог следить и, по крайней мере, удостовериться, не уедет ли Кошфоре в эту ночь. Если же да, то я увижу его лицо и, может быть, узнаю еще кое-что, что может быть для меня полезным в будущем.

Решившись на все, даже на самое худшее, я опустился подле окошка на пол и начал следить, готовый просидеть таким образом целую ночь. Но не прошло и часа, как я услышал внизу шепот, а затем звук шагов: из-за угла показалось несколько человек, и тогда голос заговорил громко и свободно. Я не мог разобрать слов, но голос, очевидно, принадлежал благородному человеку, и его смелый, повелительный тон не оставил во мне никакого сомнения насчет того, что это сам Кошфоре. Надеюсь узнать еще что-нибудь, я еще ближе прижал лицо к отверстию и только успел различить во мраке две фигуры – высокого, стройного мужчину в плаще и, как мне показалось, женщину в блестящем белом платье, –

как вдруг сильный стук в дверь моего чердачка заставил меня отскочить от окошка и поспешно прилечь на свою постель. Стук повторился.

– Ну? – воскликнул я, приподнимаясь на локте и проклиная несвоевременный перерыв. – Кто там? В чем дело?

Опускная дверь приподнялась на фут или около того, и в отверстии показалась голова хозяина.

– Вы звали меня? – сказал он.

Он поднял ночник, который озарил полкомнаты, и показал мне его ухмыляющееся лицо.

– Звал? В этот час ночи, дурачье! – сердито ответил я. – И не думал звать! Ступайте спать, любезнейший!

Но он продолжал стоять, глупо зевая и глядя на меня.

– А я слышал ваш голос, – сказал он.

– Ступайте спать! Вы пьяны, – ответил я, садясь на постели. – Говорю вам, что я и не думал вас звать.

– Ну что ж, может быть, – медленно ответил он. – И вам ничего не нужно?

– Ничего, только оставьте меня в покое, – недовольно ответил я.

– А-ха-ха! – зевнул он опять. – Ну, спокойной ночи!

– Спокойной ночи! Спокойной ночи! – ответил я, призывая на помощь все свое терпение.

Я услышал в этот момент стук лошадиных подков: очевидно, лошадь выводили из конюшни.

– Спокойной ночи, – повторил я опять, надеясь все-таки,

что он уберется вовремя, и я успею еще выглянуть из окошка. – Я хочу спать!

– Хорошо, – ответил он, широко осклабясь. – Но ведь еще рано, и вы успеете выспаться.

Только тогда наконец он не спеша опустил дверь, и я слышал, как он усмехался себе под нос, спускаясь по лестнице.

Не успел он добраться донизу, как я уже опять был подле окошка. Женщина, которую я видел раньше, еще стояла на том же месте, а рядом с ней находился мужчина в одежде поселянина и с фонарем в руке. Но человека, которого я хотел видеть, не было. Он исчез и, очевидно, остальные теперь не боялись меня, потому что хозяин вышел с фонарем, болтавшимся у него на руке, сказал что-то даме, а последняя посмотрела на мое окно и засмеялась.

Ночь была теплая, и дама не имела на себе ничего поверх белого платья. Я мог видеть ее высокую, стройную фигуру, ее блестящие глаза, решительные контуры ее красивого лица, которое, если уже искать в нем недостатков, грешило разве чрезмерною правильностью. Эта женщина, казалось, самой природой была предназначена для того, чтобы идти навстречу опасностям и затруднениям; даже здесь, в полночь, среди этих отчаянных людей, она не представляла собой ничего неуместного. Я мог допустить, мне казалось даже, что я угадываю это, что под этой наружностью королевы, за презрительным смехом, с которым она выслушала рассказ хозяина, в ней таилась все-таки женская душа, душа, способная

на увлечение и нежность. Но ни один внешний признак не свидетельствовал об этом, по крайней мере, в то время, когда я смотрел на нее.

Я пристально разглядывал ее и, признаться по правде, в глубине души был рад, что мадам де Кошфоре оказалась именно такой женщиной. Я был рад, что ее смех звучал так презрительно и враждебно; я был рад, что она не оказалась маленькой, нежной и кроткой женщиной, которая, подобно ребенку, не устояла бы перед первым ударом несчастья. Если мне удастся исполнить свое поручение, если я сумею... Но пустое! Женщины все одинаковы. Она скоро найдет себе утешение.

Я следил за этой группой, пока она оставалась в поле зрения. Когда же мадам де Кошфоре, в сопровождении одного из мужчин, обогнула угол гостиницы и скрылась из виду, я вернулся на свою постель, еще больше прежнего недоумевая, что мне теперь предпринять.

Было ясно, что для успешности моего дела мне необходимо проникнуть в замок, который, согласно полученным мною сведениям, охранялся лишь двумя или тремя старыми прислужниками и таким же количеством женщин. Таким образом, захватить господина де Кошфоре в замке не представлялось невозможным. Но как проникнуть туда, в этот замок, охраняемый умными женщинами и всеми предосторожностями, которые может придумать любовь? В этом заключался вопрос, и заря застала меня ломающим над ним голову и

все еще далеким от его решения.

Всю ночь я провел, как в лихорадке, и был очень рад, когда настало утро и я мог встать с постели. Мне казалось, что утренний воздух освежит мой мозг; мне было душно на маленьком чердачке. Я тихонько спустился по лестнице и умудрился пройти незамеченным через общую залу, где лежали и громко храпели несколько человек. Наружная дверь была не заперта, я отворил ее и очутился на улице.

Еще было так рано, что деревья черными громадами рисовались на красноватом небе, но горшок на столбе у дверей уже зеленел, и через несколько минут повсюду должен был пролиться серый сумрак занимающегося утра. Да и теперь вдоль дороги распространялось слабое зарево света. Я остановился подле угла дома, откуда мог видеть передний фасад его и ту сторону, к которой примыкала конюшня, и, вдыхая свежий утренний воздух, старался открыть какие-нибудь следы ночной сцены. Вдруг мой взор упал на какой-то светлый предмет, лежавший на земле в двух или трех шагах от меня. Я подошел к нему и с любопытством поднял его, ожидая увидеть какую-нибудь записку. Но это оказалось не запиской, а крошечным оранжевым саше, какие женщины часто носят у себя на груди. Он был наполнен порошком, издававшим слабое благоухание, и имел на одной стороне букву Э, вышитую белым шелком. Одним словом, это было одной из тех изящным маленьких безделушек, которые так любят женщины.

Очевидно, мадам де Кошфоре уронила его прошлой ночью. Я долго ворочал вещицу в руках, а затем, улыбнувшись, спрятал ее за пазуху, думая, что она когда-нибудь может пригодиться, хотя я не мог наперед сказать, каким образом. Только я сделал это и обернулся, чтобы осмотреть улицу, как позади меня закрипела на кожаных петлях дверь и через секунду подле меня стоял хозяин, угрюмо желая мне доброго утра.

Надо думать, что его подозрения воскресли с новой силой, потому что, начиная с этого момента, он под разными предложениями не отходил от меня до самого полудня. Мало того, с каждой минутой его обращение становилось грубее, намеки яснее, так что я уже не мог притворяться, будто не замечаю ни того, ни другого. Около полудня, последовав за мной в двадцатый раз на улицу, он дошел до того, что прямо спросил, не нужна ли мне моя лошадь.

– Нет, – ответил я. – А вам что?

– А то, – ответил он с отвратительной улыбкой, – что эти места не очень здоровы для чужеземцев.

– А! – ответил я. – Но пограничный воздух для меня очень полезен.

Это был очень удачный ответ и, в связи с моими намеками предыдущего дня, он поставил его в тупик. У него возникло предположение, что я нахожусь на стороне меньшинства и имею свои основания держаться поближе к испанской границе. Однако, прежде чем он успел почесать себе затылок и

хорошенько подумать об этом, стук подков разогнал сонную тишину деревенской улицы, и дама, которую я видел ночью, показалась из-за угла и сразу осадила свою лошадь перед гостиницей. Не глядя на меня, она подозвала трактирщика.

Он подбежал к ней, а я, лишь только он повернулся ко мне спиной, шмыгнул в сторону и скрылся за домом. Два или три парня с суровым удивлением посмотрели на меня, когда я пошел по улице, но ни один из них не тронулся с места. Две минуты спустя я был уже за деревней, на полупроезжей дороге, которая, по моим соображениям, вела в замок. Отыскать замок и разузнать все, что можно было, относительно его положения, было самой настоятельной необходимостью, и я решил удовлетворить ее, даже с риском получить удар кинжала.

Но не успел я сделать по дороге и двухсот шагов, как услышал позади себя лошадиный топот. Я поспешил спрятаться в боковые заросли и увидел мадам, которая проскакала мимо меня, сидя на своей лошади с грацией и смелостью северной женщины. Я провожал ее глазами и затем последовал за нею, уже не сомневаясь, что нахожусь на надлежащей дороге. Последняя вскоре привела меня к маленькому деревянному мостику, переброшенному через речку. Перейдя через мост, я увидел перед собой большой луг и за ним – террасу. На террасе, окруженной с трех сторон густым лесом, стояло большое серое здание с угловыми башенками, крутой высокой кровлей и круглыми балконами, которые так любили

строить во времена Франциска I.

Замок имел довольно внушительные размеры и глядел очень мрачно. Высокая тисовая изгородь, окружавшая, вероятно, аллею или лужайку, скрывала из виду нижний этаж обоих флигелей, а перед центральной частью здания находился правильный розовый цветник. Западный флигель, более низкая крыша которого тонула в смежном лесу, по всей вероятности, содержал в себе конюшни и амбары.

Я простоял здесь не более минуты, но заметил все; я заметил, как дорога подходит к замку и какие окна доступны для атаки. Затем я повернулся и поспешил назад. К счастью, по дороге между замком и деревней мне никто не повстречался, и я пошел в гостиницу с самым невинным видом.

Однако, как ни кратковременно было мое отсутствие, я нашел в гостинице перемену. У дверей сидели три незнакомца: рослые, хорошо вооруженные парни, наружность и манеры которых представляли своеобразную смесь щегольства и независимости. Полдюжины вьючных лошадей были привязаны к столбу перед наружными дверьми, а обращение хозяина из грубого и сердитого сделалось нерешительным и даже робким.

Один из незнакомцев, как я скоро узнал, был его поставщиком вина; остальные были странствующими торговцами, которые путешествовали в обществе первого для большей безопасности. Все это были состоятельные люди из Тарбеса – солидные горожане, и я очень скоро догадался, что хозяин,

боясь каких-нибудь разоблачений, и в особенности, чтобы я не упомянул о ночном приключении, сидел все время, точно на угольях.

В первую минуту я отнесся ко всему этому довольно безучастно. Но когда мы все заняли свои места для ужина, наше общество увеличилось еще на одного человека. Дверь внезапно отворилась, и человек, которого я видел ночью с мадам де Кошфоре, вошел в комнату и занял место у огня. Я был уверен, что это один из слуг замка, и его приход сразу внушил мне план, как получить давно желанный доступ в замок. Кровь хлынула к моим щекам при мысли об этом, до такой степени план показался мне многообещающим и в то же время рискованным, и тут же, не давая себе труда хорошенько подумать, я начал приводить его в исполнение.

Я велел подать две или три бутылки лучшего вина и, приняв веселый вид, стал угощать всех сидевших за столом. Когда мы распили несколько стаканов, я пустился в разговор на политическую тему и с такой беспечностью стал отстаивать сторону Лангедокской партии и недовольного меньшинства, что хозяин был вне себя от моей неосторожности.

Торговцы, принадлежавшие к классу, у которого кардинал Ришелье всегда пользовался наибольшей популярностью, сначала были изумлены, а затем рассвирепели. Но я не знал удержу; намеки и суровые взгляды пропадали для меня совершенно даром. С каждым стаканом я становился все разговорчивее, пил за здоровье жителей Ла Рошели, клял-

ся, что скоро, очень скоро они опять поднимут свои головы, и наконец, пока хозяин и его жена занимались зажиганием лампы, опять налил всем вина, предлагая каждому провозгласить свой тост.

– Для начала я сам предложу тост, – громко закричал я, – тост дворянина! Настоящий южный тост! На погибель кардиналу и за здоровье всех, кто ненавидит его!

– Мой Бог! – яростно воскликнул один из купцов, вскакивая с места. На этот тост я не согласен. Что это такое? – продолжал он, обращаясь к хозяину. – Я вижу, ваша гостиница сделалась притоном изменников, если вы допускаете подобные вещи!

– Что за вздор городите вы! – ответил я, спокойно оставаясь на месте. – В чем дело? Вам не нравится мой тост, голубчик?

– Не нравится так же, как и вы, кто бы вы там ни были, – с горячностью ответил он.

– В таком случае, я предложу вам другой, – сказал я с приторной икотой. – Быть может, это больше придется по вашему вкусу. Да здравствует герцог Орлеанский, и да будет он поскорее королем!

Глава 3. Дом в лесу

При этих безрассудных словах трое купцов чуть не лопнули от ярости. На мгновение они так уставились на меня, как будто видели перед собою привидение. Затем виноторговец ударил кулаком по столу.

– Довольно, – сказал он, поглядывая на товарищей. – Я думаю, тут уж не может быть ошибки. Это просто неслыханная измена! Я восхищен, сударь, вашей смелостью. То, чего другие не осмеливаются шептать про себя, вы произносите громко. А что касается вас, – продолжал он с усмешкой, обращаясь к хозяину, – то теперь я буду знать, каких гостей вы принимаете у себя. Я не знал, что мое вино промачивает глотки для таких речей!

Но если он был возмущен, то хозяин, видя, что вся его репутация поставлена на карту, положительно пришел в бешенство. Будучи человеком далеко не красноречивым, он выразил свой гнев именно таким образом, какой был мне желателен, и немедленно поднял кутерьму, лучше которой нельзя было и ожидать. Замычав, как бык, он бросился к столу и опрокинул мне его на голову. К счастью, женщина успела подхватить лампу и убежала с нею в угол, но оловянные кубки и тарелки полетели во все стороны, а стол прижал меня к полу посреди обломков моего стула. Воспользовавшись моим невыгодным положением (впрочем, я сначала не ока-

зывал никакого сопротивления), хозяин начал обрабатывать меня первой попавшейся ему под руку вещью и сопровождал каждый удар ругательством, называя меня изменником, мошенником, бродягой.

Слуга из замка и жена хозяина молча следили за этой сценой, а купцы, приведенные в восторг оборотом, который приняло дело, со смехом танцевали вокруг нас, то подстрекая его, то вышучивая меня вопросами: «Ну, как это нравится герцогу Орлеанскому? – Ну, как ты себя чувствуешь теперь, изменник?»

Когда я нашел, что эта история продолжается уже достаточно долго, или, вернее, когда я уже не мог более выдержать побоев трактирщика, я отбросил его в сторону и поднялся на ноги. Тем не менее я еще воздерживался от того, чтобы обнажить шпагу, хотя кровь струилась по моему лицу. Вместо того я схватил за ножку первую попавшуюся скамейку и, улучив минуту, угостил хозяина таким ударом по уху, что он мигом свалился на остатки своего собственного стола.

– Ну, – воскликнул я, размахивая своим новым оружием, – выходите! Выходите вы, торгаши, обманщики! Кукиш с маслом вам и вашему бритому кардиналу!

Краснолицый виноторговец мигом обнажил свою шпагу.

– Ах ты, пьяный дурень! – сказал он. – Брось эту скамейку, или я проткну тебя, как поросенка!

– Я покажу тебе поросенка! – закричал я, шатаясь, как будто я находился под влиянием винных паров. – И целую

свинью, если тебе угодно! Еще одно слово, и я...

Он сделал несколько яростных атак, но в один миг шпага была выбита у него из рук и полетела на пол.

– Voila! – воскликнул я, спотыкаясь, будто это было простой случайностью и я не был настолько искусен, чтобы воспользоваться своей победой. – Ну, теперь следующий! Выходи, выходи, трусливые плуты!

И, продолжая играть роль пьяного, я швырнул в них своей шпагой и, схватив ближайшего противника, стал бороться с ним. Тут все трое бросились на меня и, необузданно ругаясь, притиснули меня к двери. Виноторговец задышающим голосом закричал хозяйке, чтобы она отворила дверь, и через минуту меня вытащили на середину улицы.

Единственное, чего я боялся в этой свалке, это удара кинжалом, но мне ничего не оставалось, как подвергнуться этому риску. К счастью, эти купцы оказались порядочными людьми и, считая меня пьяным, относились ко мне довольно снисходительно. Они бросили меня в грязь, и через минуту я услышал стук захлопнувшейся двери.

Я поднялся на ноги, подошел к двери и, чтобы сыграть свою роль до конца, стал неистово стучаться в нее и кричать, чтобы меня впустили в дом. Но мне ответили насмешками, а хозяин, высунув в окно свою окровавленную голову, показал мне кулак и послал ругательство.

После этого я уселся на чурбан, находившийся в нескольких шагах от дома, и начал ожидать, что будет дальше. В изо-

рванной одежде, с окровавленным лицом, без шляпы, весь покрытый грязью, я представлял довольно печальное зрелище. К тому же было пасмурно, и ветви деревьев, колыхаясь, обдавали мою голову брызгами. Дул холодный ветер. Я продрог, и на душе у меня было очень тоскливо. Если мой план не удастся, то я совершенно напрасно лишил себя крова и ночлега, не говоря уже о том, что сделал невозможными всякие дальнейшие попытки. Это был критический момент.

Но наконец произошло то, чего я ожидал. Дверь гостиницы приотворилась, и оттуда бесшумно вышел человек. Затем дверь снова закрылась, а человек на мгновение остановился на пороге, устремив взор в темноту и, очевидно, опасаясь нападения. Но найдя путь свободным, он быстро зашагал по улице, направляясь к замку.

Я прождал еще несколько минут и затем пошел вслед за ним. В конце улицы я без всяких затруднений отыскал дорогу, но, углубившись в лес, я очутился в такой густой тьме, что тотчас сбился с пути, стал спотыкаться и падать через пни и корни, рвал на себе платье о сучья и двадцать раз выходил из себя, пока снова нашел дорогу. Кое-как мне, однако, удалось добраться до деревянного моста, а оттуда я уже увидел впереди огонек. Пройти к нему через луг и террасу было довольно легким делом, но, когда я добрался до двери и постучался в нее, я до того выбился из сил, что должен был присесть, и мне почти не нужно было притворяться или преувеличивать свое беспомощное положение.

Долгое время на мой стук не было никакого ответа. Высокое черное здание оставалось безмолвным и невозмутимым. Я слышал, вперемежку с биением моего сердца, кваканье лягушек в пруде, находившемся неподалеку от конюшен, и больше ничего. В необузданном порыве нетерпения я снова поднялся и стал колотить каблуками в тяжелую, обитую гвоздями дверь, крича не своим голосом:

– А moi! А moi!

Почти в ту же минуту я услышал отдаленный звук отворяемой двери и топот ног, как мне показалось, нескольких человек. Я возвысил свой голос и опять закричал:

– А moi!

– Кто там? – раздался голос.

– Дворянин в беде, – жалобно ответил я. – Ради Бога, отворите дверь и впустите меня. Я ранен и умираю от холода.

– Отчего вы сюда пришли? – резко спросил тот же голос.

Несмотря на его суровость, мне почудилось, что этот голос принадлежал женщине.

– Бог знает! – с отчаянием ответил я. – Я сам не могу вам сказать. Меня избили в гостинице и выбросили на улицу. Я кое-как уполз оттуда и блуждал по лесу несколько часов, пока наконец не увидел здесь свет.

Послышалось какое-то бормотание по ту сторону двери, к которой я плотно прижал свое ухо. Дело кончилось тем, что задвижка была снята, дверь наполовину отворилась, и оттуда блеснул свет, ослепивший меня. Я поспешил закрыть

глаза рукой, и мне послышалось восклицание сострадания. Но, взглянув из-под ладони, я увидел только одного человека – мужчину, который держал в руках свечу, и его вид был до того странен, до того ужасен, что я невольно сделал шаг назад.

Это был высокий и очень худой человек, бедно одетый в короткую узкую куртку и много раз чиненные брюки. Должно быть, он почему-то не мог сгибать шеи, потому что держал голову с странной неподвижностью. А эта голова... Никогда у живого человека не было головы, столь похожей на мертвую. Его лоб был совершенно лишен волос и имел желтый цвет; скулы выдавались под тонкой, напряженной кожей; нижняя часть лица западала внутрь; на месте щек были какие-то дыры, а губы и подбородок были тонки и как бы бесплотны. Его лицо хранило всегда одно и то же выражение застывшей усмешки.

Пока я стоял, глядя на это ужасное лицо, обладатель его сделал быстрое движение, чтобы снова запереть дверь, и стал улыбаться еще шире. Но я имел осторожность вставить в щель ногу, и, прежде чем он начал протестовать против этого поступка, за его спиной послышался голос:

– Как тебе не стыдно, Клон! Отойди, отойди! Слышишь? Я боюсь, мосье, что вы ранены!

Эти кроткие слова, произнесенные в такой час и среди таких обстоятельств, произвели на меня сильное впечатление, которое очень долго не могло изгладиться. Вокруг передней

тянулась широкая галерея, и, благодаря высоте комнаты и темным панелям, свет лампы почти совершенно не проникал туда. Мне казалось, что я стою у входа в огромную пещеру; скелетоподобный привратник имел вид людоеда, и только голос, сказавший мне эти приветливые слова, разогнал эту иллюзию. Я с трепетом повернулся в ту сторону, откуда он послышался, и, снова прикрыв глаза ладонью, различил женскую фигуру, стоявшую под аркой галереи. Рядом с ней обрисовывались неясные очертания другой фигуры, по всей вероятности, того самого слуги, которого я видел в гостинице.

Я молча поклонился. Зубы мои стучали. Я был близок к обмороку уже помимо всякого притворства и почувствовал какой-то необъяснимый страх при звуке голоса этой женщины.

– Один из моих слуг рассказал мне про вас, – продолжала она, оставаясь в темноте. – Мне очень жаль, что с вами случилось такое несчастье, но боюсь, что вы сами навлекли его на себя своей неуместной откровенностью.

– Я вполне заслужил его, мадам, – смиренно ответил я. – Я прошу только крова на ночь.

– Еще не наступило то время, когда бы нам приходилось отказывать в этом нашим друзьям, – ответила она с благородной любезностью. – Когда оно настанет, мы сами будем без крова, мосье.

Я содрогнулся при этих словах и старался избежать ее взгляда, потому что, если признаться по правде, я раньше

не совсем ясно представлял себе эту сцену, – я не предвидел всех ее подробностей. И теперь, когда она разыгралась, у меня проснулось тягостное сознание своей низости. Мне и прежде не нравилось это дело, но я не имел тогда выбора, как не имел его и теперь. К счастью, одежда, в которой я явился, моя усталость и несомненная рана были для меня достаточной маской, иначе я сразу навлек бы на себя подозрение. Я уверен, что если когда-нибудь в этом мире храбрый человек имел вид собаки, поджавшей хвост, если Жиль де Берио когда-нибудь падал ниже себя, то это было именно в этот момент, на пороге замка госпожи де Кошфоре, когда она ласково предлагала мне свое гостеприимство.

Один человек, кажется, питал против меня подозрения. Привратник Клон продолжал держать дверь полуотворенной и смотрел на меня со злобной улыбкой, пока его госпожа с некоторой резкостью не приказала ему запереть дверь и провести меня в назначенную для меня комнату.

– Ступай и ты с ними, Луи, – продолжала она, обращаясь к стоявшему подле нее слуге, – и присмотри, чтобы господину было по возможности удобно. Мне очень жаль, – прибавила она, обращаясь ко мне с прежним изяществом (мне даже показалось, будто она наклонила в темноте свою голову), – что при настоящих обстоятельствах мы не имеем возможности предложить вам большего гостеприимства, мосье. Тревожные времена... Но вы, конечно, извините, если заметите в чем-нибудь недостаток. До завтра, имею честь поже-

лать вам спокойной ночи.

– Спокойной ночи, мадам, – пролепетал я, дрожа.

Я не мог в темноте различить черты ее лица, но ее голос, ее прием, ее обращение лишали меня самообладания. Я был смущен и встревожен; у меня теперь не хватило бы духу ударить простую собачонку. Я последовал за обоими слугами, не соображая, куда мы идем, и только когда мы остановились перед дверью в выбеленном коридоре, я пришел в себя и заметил, что между моими проводниками происходят какие-то пререкания.

Через минуту я разобрал, что один из них, Луи, хотел поместить меня там, где мы остановились; привратник же, у которого находились ключи, не соглашался на это. Он не произнес ни слова, другой тоже молчал, и это придавало их спору странный и вместе с тем зловещий характер. Клон упорно кивал головой на дальний конец коридора и в конце концов настоял на своем. Луи пожал плечами и двинулся дальше, искоса поглядывая на меня, а я, не понимая причины их пререканий, молча последовал за ними.

Когда мы достигли конца коридора, уродливый привратник на мгновение остановился и обратил ко мне свои оскаленные зубы. Затем он повернул в узкий коридор налево и, пройдя несколько шагов, остановился перед маленькой, но массивной дверью. Заржавленный ключ завизжал в замке, но он с силой повернул его и открыл дверь.

Я вошел внутрь и увидел низкую пустую комнату с решет-

ками на окнах. Пол был довольно чист; мебели не было никакой. Желтый свет фонаря, падавший на грязные стены, сообщал комнате вид темницы. Я обернулся к своим спутникам.

– Не очень важная комната, – сказал я, – и пахнет сыростью. Другой у вас нет?

Луи нерешительно посмотрел на своего товарища, но привратник упрямо покачал головой.

– Почему он не говорит? – нетерпеливо спросил я.

– Он немой, – ответил Луи.

– Немой! – воскликнул я. – Но он слышит?

– У него есть уши, – холодно ответил слуга, – но нет языка, мосье.

Я содрогнулся.

– Как он лишился его?

– При осаде Ла Рошели. Он был шпионом, и королевские солдаты захватили его в тот самый день, когда город сдался. Они оставили его в живых, но вырезали у него язык.

– А! – протянул я.

Я чувствовал, что для большей естественности своего поведения мне необходимо сказать еще что-нибудь, но, к своему смущению, я не мог вымолвить ни слова. Взор привратника жег меня насквозь, и мой собственный язык прилип к гортани. Привратник разжал свои губы и показал мне свое зияющее горло. Я покачал головой и отвернулся от него.

– Вы можете дать мне какую-нибудь постель? – поспешно

пробормотал я, лишь бы что-нибудь сказать и избежать его взора.

– Разумеется, мосье, – ответил Луи. – Я принесу вам все необходимое.

С этими словами он удалился, думая, конечно, что Клон останется со мной. Но последний спустя минуту или две пошел вслед за ним, забрав с Собой фонарь и оставив меня одного посреди темной сырой комнаты размышлять о своем положении. Было ясно, что Клон подозревает меня. То обстоятельство, что он отвел для меня эту комнату, находившуюся в самой задней части дома и самом отдаленном крыле здания и снабженную, подобно темнице, решетками на окнах, ясно говорило об этом. Несомненно, это был опасный человек, и я должен был его остерегаться. Я положительно недоумевал, как мадам может держать у себя в доме такое чудовище. Но мне нельзя было долго раздумывать над этим вопросом, потому что вскоре я услышал его шаги. Он снова вошел в комнату, светя Луи, который нес с собой маленькую койку и стопку постельного белья.

Немой, кроме фонаря, нес в руках чашку с водой и кусок коврика. Опустив то и другое на пол, он снова вышел и вернулся со скамейкой. Затем он повесил фонарь на гвоздь, взял чашку и тряпку и пригласил меня сесть.

Мне было неприятно прикосновение его рук, но он продолжал стоять надо мной со своей мрачной улыбкой, указывая на скамейку, так что я в конце концов, во избежание

излишних пререканий, вынужден был подчиниться его желанию. Он довольно тщательно обмыл мне ноги и, действительно, облегчил мои страдания, но я понял, я отлично понял, что им руководило лишь желание удостовериться, в самом деле я ранен или только притворяюсь. С каждой минутой я боялся его все более и более и до самого его ухода положительно не решался поднять глаз, чтобы он как-нибудь не прочитал в них самых сокровенных моих мыслей.

Но когда я остался один, я не почувствовал себя лучше. Все это дело представлялось мне таким мрачным и притом так дурно начатым. Положим, я проник в замок. Но приветливый голос мадам преследовал меня, равно как и исполненный подозрения и угрозы взор немого привратника. Когда я вскоре по его уходу встал с места и подошел к двери, она оказалась запертой. Комната была наполнена сырым и затхлым воздухом, точно погреб. Сквозь решетки окон я ничего не мог различить в ночной тьме, но до меня доносился монотонный скрип древесных ветвей, и я понял, что окна моей комнаты выходили в ту сторону, где лес примыкал к самой стене дома и куда даже днем не проникал солнечный свет.

Несмотря на все, усталость в конце концов взяла свое, и я заснул.

Когда я проснулся, комната была наполнена серым светом, дверь стояла открытой настежь, и Луи со смущенным видом стоял у моей койки, держа в руках чашу с вином и блюдо с хлебом и фруктами.

– Угодно вам будет встать, сударь? – сказал он. – Уже восемь часов.

– Охотно встану, – колко ответил я, – если вы потрудились отпереть дверь.

Он покраснел.

– Это ошибка, – пробормотал он. – Клон привык запираеть эту дверь и по рассеянности запер ее вчера, забыв, что вы...

– Остался внутри?

– Так точно, мосье.

– Не думаю, чтобы эта рассеянность понравилась мадам де Кошфоре, если она узнает об этом.

– Ах, сударь, если бы вы были добры не...

– Не говорить ей об этом? – сказал я, многозначительно глядя на него. – Хорошо, если, конечно, это не повторится.

Я видел, что этот парень был не то, что Клон. У него были инстинкты фамильного слуги, и теперь, когда дневной свет разогнал его страхи, он стыдился своего поступка. Приведя в порядок мою постель, он с явным отвращением оглядел комнату и пробормотал, что мебель главных комнат увезена из замка.

– Господин де Кошфоре за границей, кажется? – спросил я, одеваясь.

– И должно быть, останется там, – равнодушно ответил он, пожимая плечами. – Мосье, без сомнения, слышал, что наш господин попал в беду. Весь дом поэтому в трауре, и мосье должен будет извинять нам многое. Мадам живет уединенно,

а дороги плохи, и гостей бывает мало.

– Когда лев болен, шакалы бросают его, – сказал я.

Луи утвердительно кивнул головой.

– Это правда, – простодушно ответил он.

Я видел, что это человек правдивый, честный и преданный, – одним словом, такой, каких я всегда люблю. Я продолжал осторожно расспрашивать его и узнал, что он, Клон и еще один человек, живший над конюшнями, составляли всю мужскую прислугу громадного дома. Мадам, ее золовка и три женщины составляли женское население замка.

Починка моего гардероба отняла у меня довольно много времени, так что было уже наверное десять часов, когда я оставил свою мрачную келью. В коридоре меня ждал Луи, который сказал мне, что мадам и мадемуазель находятся в розовом цветнике и будут рады видеть меня. Я кивнул, и он повел меня по нескольким темным коридорам в гостиную, через открытую дверь которой врывались веселые лучи солнца. Оживленный свежим и приятным утренним воздухом, я бодрой поступью вышел в сад.

Обе дамы расхаживали взад и вперед по широкой дорожке, которая делила садик на две части. Сорные травы в изобилии росли под ногами, розовые кусты, тянувшиеся по обеим сторонам дорожки, своевольно простирали свои ветви по всем направлениям, а темная тисовая изгородь была утыкана новыми побегами, не знавшими стрижки. Но я на все это не обращал внимания. Грация, благородство, велича-

вость обеих женщин, которые медленно шли мне навстречу и которые в одинаковой мере обладали этими качествами, хотя различались между собою по всем другим, лишили меня способности замечать все эти мелочи.

Мадемуазель была на целую голову ниже жены брата и представляла собой маленькую, тоненькую женщину с прекрасным лицом и светлыми волосами, настоящее воплощение женственности. Она держалась с большим достоинством, но рядом с величественной фигурой хозяйки дома казалась почти ребенком.

Интересно то, что, когда они обе подошли ко мне, мадемуазель посмотрела на меня с каким-то горестным вниманием, а мадам с серьезной улыбкой.

Я низко поклонился. Они ответили на мое приветствие.

– Это моя сестра, – сказала мадам де Кошфоре с едва заметным оттенком снисходительности. – Не будете ли вы любезны назвать нам ваше имя, сударь?

– Я – де Барт, нормандский дворянин, – экспромтом ответил я, называя имя своей матери.

Мое настоящее имя могло быть им случайно известно.

Лицо мадам приняло недоумевающее выражение.

– Мне незнакомо это имя, – задумчиво сказала она.

Очевидно, она перебирала в уме все известные ей имена участников заговора.

– Тем хуже для меня, – смиренным тоном ответил я.

– А все-таки я должна сделать вам выговор, – продолжа-

ла она, пристально глядя на меня. – Вы сами, к счастью, не очень пострадали при вашем приключении, но другие могли пострадать. И вам бы следовало это всегда иметь в виду, сударь.

– Не думаю, чтобы я причинил моему противнику сильное повреждение, пробормотал я.

– Я не об этом говорю, – холодно возразила она. – Но вам известно, или должно быть известно, что мы в настоящее время находимся в опале, что правительство и без того недоброжелательно смотрит на нас и что каждый пустяк может побудить его послать на нашу деревню войска и отнять у нас то немногое, что нам оставила война. Это вам бы следовало знать и иметь в виду, а между тем... я не хочу назвать вас тщеславным человеком, господин де Барт. Но в данном случае вы себя выказали таким.

– Мадам, я не думал об этом, – пролепетал я.

– Необдуманность причиняет много зла, – ответил она, улыбаясь. – Во всяком случае, я вам высказала свое мнение, и мы надеемся, что во время пребывания у нас вы будете осторожнее. Впрочем, мосье, – продолжала она, грациозно поднимая руку для того, чтобы я дал ей договорить, – мы не знаем, для чего вы явились сюда и каковы ваши планы. Но мы и не желаем знать этого. Этот дом к вашим услугам, пока вам будет угодно оставаться в нем, и, если мы будем в состоянии помочь вам еще чем-нибудь, мы охотно сделаем это.

– Мадам! – воскликнул я и не смог продолжать.

Запущенный розовый садик, тень, которую бросал на нас молчаливый дом, высокая тисовая изгородь, напомнившая мне ту, под которой я играл в детстве, любезность обеих дам, их доверчивость, благородный дух гостеприимства, который руководил ими, их мирная красота в этой мирной рамке – все это произвело на меня слишком сильное впечатление. Я был к этому совершенно не подготовлен и не мог дать никакого отпора. Я отвернулся и сделал вид, что избыток благодарности сковал мой язык.

– У меня нет слов... благодарить вас, – с трудом произнес я. – Я все еще не могу прийти в себя... простите меня.

– Мы оставим вас на время, – сказала мадемуазель де Кошфоре с кротким участием. – Воздух оживит вас. Луи скажет вам, когда подадут обед, господин де Барт. Идем, Элиза!

Я низко поклонился для того, чтобы скрыть свое лицо, а они ответили мне ласковым наклоном головы и в простоте души не подумали пристально посмотреть на меня. Я следил за этими двумя грациозными фигурами в светлых платьях, пока они не исчезли в дверях, и потом углубился в уединенный уголок сада, где кусты росли гуще, а тисовая изгородь бросала самую густую тень, и остановился там, чтобы подумать на свободе.

И странные мысли, Боже, приходили мне в голову. Если дуб может думать в то время, когда буря вырывает его с корнем; если колючий терновник одарен способностью мыслить

в ту минуту, когда обвал разлучает его с родимым холмом, то у них должны являться подобные мысли. Я смотрел на листья, на увядшие цветы, на темные углубления изгороди; я смотрел совершенно машинально, и душа моя была полна самых тягостных недоумений. Для чего я явился сюда? Какое дело я взялся выполнить? А главное, как мог я (Боже мой!), как мог я обмануть этих двух беспомощных женщин, которые полагались на меня, которые доверяли мне, которые открыли предо мной двери своего дома? Меня не пугали ни Клон, ни преданное лиге местное население, ни отдаленность этого захолустья, где страшный кардинал был пустым звуком, где королевские законы никем не признавались и где еще тлело восстание, давно заглушенное в других местах. Но невинная доверчивость госпожи де Кошфоре, кротость ее молодой золовки – вот чего я не мог перенести.

Я проклинал кардинала: отчего он не остался в своем Люсоне? Я проклинал олуха-англичанина, который довел меня до этого, я проклинал годы довольства и нужды, квартал Марре, игорный дом Затона, где я жил, как свинья, я проклинал...

Вдруг я почувствовал на своем рукаве чье-то прикосновение. Я обернулся. Это был Клон. Каким образом он так незаметно подкрался ко мне, как долго он пробыл подле меня, я не мог этого сказать. Но его глаза злобно сверкали в своих глубоких орбитах, а бескровные губы смеялись. Я ненавидел этого человека. При дневном свете его голова еще более по-

ходила на мертвую. Когда я взглянул на это лицо, мне показалось, что он отгадал мою тайну, и бешенство обуяло меня.

– Что такое? – закричал я с проклятием. – Не смей касаться меня своей мертвой лапой!

Он сделал какую-то гримасу и, кланяясь с насмешливой вежливостью, указал на дом.

– Подан обед, что ли? – нетерпеливо спросил я, с трудом сдерживая свой гнев. – Это ты хочешь сказать, дуралей?

Он утвердительно кинул головой.

– Хорошо, – сказал я. – Я сам найду дорогу. Можешь идти!

Он отступил, а я пошел назад по поросшей травой дорожке к той двери, через которую я прошел в сад. Я шел быстро, но его тень следовала за мной и прогоняла те необычные мысли, которые только что волновали меня. Эта тень постепенно ложилась и на мою душу. Ведь если рассудить хорошенько, Кошфоре – какое-то жалкое, глухое захолустье; люди, которые живут здесь... Я только пожал плечами. Франция, власть, удовольствия, жизнь, – одним словом, все, что было заманчиво и к чему стоило стремиться, лежало там, далеко отсюда, в большом городе. Лишь мальчишка способен погубить себя из-за прихоти; солидный, светский человек никогда не сделает такой глупости.

Когда я вошел в комнату, где обе дамы, ожидая меня, стояли около накрытого стола, я уже снова был самим Собою. А случайное замечание довершило эту перемену.

– Значит, вы все-таки поняли Клона? – ласково спросила

младшая из хозяек, когда я занял свое место.

– Да, мадемуазель, – ответил я и, заметив, что они улыбнулись друг другу, добавил: – Странное это существо, ваш Клон. Меня удивляет, как вы можете выносить его присутствие.

– Бедный! Вы не знаете его истории? – спросила мадам.

– Я слышал кое-что, – ответил я. – Луи рассказал мне.

– Действительно, я иногда не могу смотреть на него без содрогания, сказала она тихим голосом. – Он пострадал, – ужасно пострадал из-за нас. Но еще неприятнее для меня то, что он пострадал за шпионство. Шпионы необходимая вещь, но все-таки с ними неприятно иметь дело. Все, что напоминает измену или предательство, внушает отвращение.

– Луи, подай скорее коньяк, если у нас есть, – воскликнула мадемуазель. – Кажется, вы... еще нехорошо чувствуете себя, мосье?

– Нет, благодарю вас, – хрипло пробормотал я, делая усилие, чтобы оправиться. – Я совершенно здоров. Это старая рана иногда тревожит меня.

Глава 4. Две дамы

Но, признаться, не старая рана так сильно подействовала на меня, а слова госпожи де Кошфоре, которые довершили то, что начато было внезапным появлением Клона в саду. Они окончательно закалили меня. Я с горечью видел то, что, быть может, уже готов был позабыть, а именно, как велика пропасть, отделявшая меня от обеих женщин, как невозможно для нас думать одинаково, как различны не только наши взгляды, но и вся наша жизнь, наши цели и стремления. И, смеясь в душе над их выпренними чувствами – или делая вид, что смеюсь, – я в то же время смеялся над безумием, которое могло, хотя бы на мгновение, внушить мне, пожилому человеку, мысль об отступлении, – мысль рискнуть всем из-за прихоти, из-за глупой щепетильности, из-за минутного угрызения совести.

Должно быть, то, что происходило в моей душе, отразилось до некоторой степени и на моем лице, потому что в глазах госпожи де Кошфоре, устремленных на меня, блеснуло какое-то смутное беспокойство, а ее золовка порывисто заговорила о совершенно постороннем предмете. Во всяком случае, я боялся этого и поспешил принять невозмутимый вид, а дамы, угощая меня неприхотливыми кушаньями, составлявшими наш обед, скоро позабыли или сделали вид, что позабыли об этом маленьком инциденте.

Однако, несмотря на все это, этот первый обед произвел на меня странное, чарующее действие. Круглый стол, за которым мы сидели, находился недалеко от двери, открытой в сад, так что октябрьское солнце озаряло белоснежную скатерть и старинную посуду, а свежий бальзамический воздух наполнял комнату сладким благоуханием. Луи прислуживал нам с видом мажордома и подавал каждое блюдо, как будто это был фазан или какое-нибудь другое редкое кушанье. В действительности же большинство продуктов было получено из окружающего леса и огорода, а маринады и варенья приготовила собственноручно мадемуазель де Кошфоре.

Мало-помалу, пока длился обед и Луи бегал взад-вперед по полированному полу, из сада доносилось сонное жужжание последних летних насекомых, а два милovidных личика улыбались мне из полумрака (обе дамы сидели спиной к дверям), я стал отдаваться прежним мечтам. Мною снова овладело безумие, которое было для меня и удовольствием, и мучением. Горячка игорного дома и ссора с англичанином казались мне чем-то далеким-далеким. Даже мои фехтовальные успехи казались мне дешевыми и обманчивыми. Я думал о совершенно ином существовании. Я взвешивал то и другое и спрашивал себя, неужели красная мантия настолько лучше деревенского камзола и мимолетная слава предпочтительнее покоя и безопасности.

И вся моя дальнейшая жизнь в Кошфоре производила на меня такое же впечатление, как и этот обед. Каждый день,

можно даже сказать, при каждой встрече у меня возникал один и тот же ряд мыслей. В присутствии Клона или когда какое-нибудь резкое, хотя и неумышленное, замечание хозяйки напоминало мне о той пропасти, которая существовала между нами, я становился прежним человеком. Но в другое время, под влиянием этой мирной и спокойной жизни, возможной только при уединенности замка и при том особенном положении, в котором находились обе женщины, меня охватывала странная слабость. Пустынное безмолвие леса, окружавшего дом, отсутствие всяких связей с прошедшим, так что по временам моя настоящая жизнь казалась мне сном, отдаленность от светского круга – все это подрывало мою волю и затрудняло для меня мою задачу.

Однако на четвертый день моего пребывания в замке произошло нечто такое, что разрушило эти чары. Случилось так, что я опоздал к обеду. Ожидая застать дам уже за столом, я второпях вбежал в комнату без всяких церемоний и увидел, что обе дамы стоят у открытой двери, вполголоса разговаривая между собою. На их лицах было написано очевидное беспокойство, а Клон и Луи, стоявшие с опущенными головами немного поодаль, имели необыкновенно смущенный вид.

Я успел заметить все это, хотя мое появление произвело внезапную перемену. Клон и Луи засуетились и начали подавать кушанья, а дамы поспешно сели за стол и сделали очень неловкую попытку казаться в обычном расположении духа. Но лицо мадемуазель было бледно, и ее руки дрожали, а ма-

дам, хотя и держала себя более естественно, благодаря большему самообладанию, несомненно, тоже была очень взволнована. Несколько раз она сурово прикрикнула на Луи, а в остальное время находилась в мрачном раздумье; когда же она думала, что я не слежу за нею, на ее лице явственно отражалась тревога.

Я недоумевал, что все это означает, и мое недоумение увеличилось, когда после обеда обе дамы вышли с Клоном в сад и провели там около часа. После этого мадемуазель вернулась в комнату, и я могу наверное утверждать, что она плакала. Мадам пробыла еще некоторое время в саду в обществе мрачного привратника, но затем тоже вернулась в дом и исчезла. Клон не вошел вместе с нею, и, когда я пять минут спустя отправился в сад, Луи также скрылся. За исключением двух служанок, которые сидели за рукодельем у верхнего окна, в доме, по-видимому, не осталось никого. Ни один звук не нарушал послеобеденной тишины, царившей в доме и в саду, и все-таки я чувствовал, что под покровом этой тишины совершается нечто большее, чем можно предполагать. У меня пробуждалось любопытство, даже подозрение. Я пробрался мимо конюшен и, углубившись в лес, позади дома, окольным путем достиг моста, по которому пролегалла дорога в деревню.

Обернувшись назад, я с этого места мог видеть замок. Отойдя немного в сторону, где деревья были гуще, я стал глядеть на окна замка, стараясь разгадать, в чем дело. Труд-

но было предполагать, чтобы господин де Кошфоре вздумал так скоро повторить свой визит. Притом женщины, очевидно, испытывали ощущения страха и скорби, очень далекие от той радости, которую должно было бы им доставить свидание, хотя бы и тайное, с мужем и братом. Ввиду этого я отказался от своего первоначального предположения, что он неожиданно вернулся домой, и стал искать другой разгадки.

Но я ничего не мог придумать. В окнах ничего не было видно, ни одна фигура не показывалась на террасе, сад был совершенно пуст, нигде ни души, ни звука.

Я продолжал некоторое время свои наблюдения, порой проклиная свою собственную низость. Но любопытство и возбуждение минуты взяли верх, и я решил пойти в деревню посмотреть, не узнаю ли там чего-нибудь.

За эти четыре дня я уже однажды навестил гостиницу и встретил там мрачный, но учтивый прием, как лицо, которое пользуется вниманием влиятельных людей и которому поэтому нельзя отказать в гостеприимстве. Мое вторичное появления не могло заключать в себе ничего особенного, и после минутной нерешимости я отправился туда.

Дорога пролегла через лес и находилась в такой густой тени, что солнце освещало ее лишь в отдельных местах. Белка прыгала с ветки на ветку; время от времени из глубины леса доносилось хрюканье свиньи. Но за исключением этих звуков, в лесу царила полная тишина, и я уже сам не знаю, как вышло, что я застиг Клона врасплох, вместо того, чтобы

быть застигнутым им.

Устремив глаза в землю, он шел по той же дороге, что и я, но шел так медленно и так пригнув свое худое тело, что я считал бы его больным, если бы не заметил, что он равномерно поворачивал голову влево и вправо и на каждом шагу разрывал кучки листьев и комья земли. По временам он снова выпрямлялся и подозрительно оглядывался вокруг, но я поспешно прятался за дерево, так что он меня не замечал. Затем он опять принимался за свое дело, наклоняясь еще ниже и продвигаясь с еще большей осторожностью.

Я понял, что он выслеживает кого-то. Но кого? Этого я решительно не мог отгадать. Тут я положительно терялся в догадках. Я видел лишь, что моя задача усложняется, и начал чувствовать лихорадку погони. Разумеется, если это не имело отношения к Кошфоре, то мне нечего было обращать на это внимания, но я допускал, что он находится в основе всего этого, хотя и трудно было предположить, чтобы он так скоро вернулся назад. Кроме того, я чувствовал простое любопытство. Когда Клон, наконец, прибавил шагу и направился в деревню, я сам принялся за его дело. Жадным взором я оглядывал истоптанную землю и разбросанные листья. Но напрасно! Я ничего не мог найти, и в результате у меня лишь разболелась спина.

Я решил уже не идти в деревню и возвратился домой, где застал мадам, которая прогуливалась по саду. Она с живостью подняла голову, услышав мои шаги, и я понял, что при

виде меня она почувствовала разочарование, что она ожидала кого-то другого. Но она скрыла свою досаду и спокойно начала разговор. Тем не менее я заметил, что она неоднократно оглядывалась на дом и, очевидно, все время с тревожным нетерпением поджидала кого-то. Поэтому я несколько не был удивлен, когда скоро на пороге показался Клон, и она сразу оставила меня, чтобы подойти к нему. Я все более и более убеждался, что произошло что-то странное. Что такое и какое отношение это имело к господину де Кошфоре, я не мог сказать. Но что-то произошло, и чем больше меня оставляли одного, тем сильнее разгоралось мое любопытство.

Она скоро вернулась ко мне, еще более прежнего задумчивая и грустная.

– Это был, кажется, Клон? – спросил я, не сводя с нее глаз.

– Да, – сказала она.

Она отвечала рассеянно и не смотрела на меня.

– Как он разговаривает с вами? – спросил я несколько отрывисто.

Как я и ожидал, мой тон поразил ее.

– Знаками, – ответила она.

– Не находите ли вы, что он... немного сумасшедший? – решился я спросить.

Моей целью было заставить ее разговориться.

Она вдруг пристально посмотрела на меня и затем опустила глаза.

– Вы не любите его? – сказала она с оттенком вызова в

голосе. – Я заметила это.

– Я думаю, что он меня не любит, – возразил я.

– Он менее доверчив, чем все мы, – простодушно ответила она. – И это вполне естественно для него. Он лучше знает людей.

Я не нашелся, что ответить, но она, кажется, не обратила на это внимания.

– Я искал его и не мог найти, – сказал я после некоторого молчания.

– Он был в деревне.

Мне очень хотелось продолжить этот разговор, но как ни далека была она от подозрений против меня, я не решился на это. Я пустился на другую хитрость.

– Мадемуазель де Кошфоре сегодня, кажется, не совсем здорова? – сказал я.

– Нездорова? – небрежно повторила она. – Да, сказать по правде, я боюсь этого. Она слишком много беспокоится о... человеке, которого мы любим.

Последние слова она произнесла с некоторою нерешительностью и затем с живостью посмотрела на меня. Мы сидели в эту минуту на каменной скамье, спинку которой образовала стена дома, и, к счастью, нависшая над нею ветка ползучего растения до некоторой степени закрывала мое лицо. Не будь этого, мадам могла бы многое прочесть на нем, потому что оно, наверное, изменилось при этих словах.

Но голосом я мог лучше управлять и поспешил как можно

более невинным тоном ответить:

– Да, конечно.

– Он в Бососте, в Испании. Вы знали об этом, я вижу? – резко спросила она и опять пристально посмотрела мне в лицо.

– Да, – ответил я, начиная дрожать.

– Вероятно, вы слышали также, что он... что он иногда приезжает сюда? – продолжала она, понизив голос и вместе с тем придав ему оттенок настойчивости. – Или, если вы не слышали об этом, вы догадываетесь?

Я был в затруднении, что ответить, и на мгновение почувствовал себя как бы нависшим над пропастью. Не зная, насколько сведущим я могу выказать себя, я решил искать спасения в любезности. Я отвесил поклон и сказал:

– Было бы удивительно, если бы он не делал этого, находясь так близко и имея здесь подобный магнит, сударыня.

Она издала долгий судорожный вздох, вероятно, вспомнив об опасности этих свиданий, и снова облокотилась о стену. Я услышал еще один вздох, но она продолжала молчать. Через минуту она поднялась с места.

– Вечера становятся прохладны, – сказала она. – Я должна посмотреть, как чувствует себя мадемуазель. Иногда она бывает не в силах сойти к ужину. Если она не сойдет сегодня, то вам придется извинить также и мое отсутствие, мосье.

Я ответил то, что в таких случаях полагается, и задумчиво проводил ее глазами. Я чувствовал в эту минуту особенное

отвращение к своей задаче и к тому низкому, презренному любопытству, которое она посеяла в моей душе. Эти женщины... Ах, я готов был их ненавидеть за их откровенность, за их глупую доверчивость, которая делала из них такую легкую добычу!

Чего хотела эта женщина, рассказывая мне все это? Оказать мне такой прием, обезоружить меня таким образом – значило создать неравный бой, в котором преимущество было не на моей стороне. Это придавало гадкий, – да, очень гадкий отпечаток всему моему делу!

И все-таки я терялся в догадках. Что могло побудить господина де Кошфоре возвратиться так скоро, если он действительно был теперь здесь? А с другой стороны, если это не его неожиданное прибытие поставило весь дом вверх дном, то в чем же дело? Кого выслеживал Клон? И что было причиной беспокойства госпожи де Кошфоре? Спустя несколько минут мое любопытство разгорелось с прежнею силой, и так как дамы не явились к ужину, то я имел полную свободу делать всевозможные догадки и в течение целого часа придумывал сотни объяснений. Но ни одно из них не удовлетворяло меня, и тайна оставалась тайной.

Ложная тревога, поднятая в этот вечер, еще более поставила меня в тупик. Приблизительно через час после ужина я сидел в саду на той же скамье – на мне был мой плащ, и я был занят курением, – как вдруг мадам, точно привидение, вышла из дома и, не заметив меня, углубилась в темноту,

по направлению к конюшням. После некоторого колебания я последовал за нею.

Она пошла по дорожке вокруг конюшен, и сначала я не замечал ничего особенного в ее действиях, но когда она достигла западной стороны здания, она опять повернула к восточному крылу замка и таким образом вернулась в сад. Тут она пошла прямо по садовой дорожке, вступила в дверь гостиной и скрылась в комнатах, обойдя таким образом вокруг всего дома и притом ни разу не остановившись и не посмотрев ни направо, ни налево.

Признаюсь, я совершенно опешил. Я уселся на скамью, на которой раньше сидел, и сказал себе, что последнее наблюдение окончательно лишает меня надежды добраться до истины. Я был уверен, что она ни с кем не обменялась ни словом. Равным образом я был уверен и в том, что она не заметила моего присутствия. Но тогда для чего, спрашивается, она предприняла эту прогулку совершенно одна, без всякой защиты, среди ночи? Ни одна собака не залаяла, никто не пошевелился, а она ни разу не остановилась, не прислушалась, как сделал бы человек, ожидавший кого-нибудь встретить. Я ничего не понимал. И, пролежав без сна целым часом позже моего обычного времени, я так же был далек от разрешения загадки, как и прежде.

На следующий день опять ни одна из дам не явилась к обеду, и мне сказали, что мадемуазель не здорова. После скучного обеда, – отсутствие моих собеседниц было для меня бо-

лее чувствительно, чем я ожидал, – я удалился на свое любимое место и погрузился в раздумье.

Погода была восхитительная, и в саду сидеть было очень приятно. Глядя на старомодные грядки и купол темно-зеленых ветвей, вдыхая благоухание цветов, я готов был думать, что я покинул Париж не три недели, а три месяца назад. Тишина окружала меня. Мне казалось, что я никогда не стремился ни к чему иному. Дикие голуби чуть слышно ворковали в тиши, да лишь по временам крик сойки нарушал лесное безмолвие. Было около часа пополудни и довольно жарко. Я, должно быть, задремал.

Вдруг, словно во сне, я увидел лицо Клона, наблюдавшее за мной из-за косяка двери. Он посмотрел на меня, спрятал голову, и я услышал шепот. Дверь потихоньку затворилась, и снова воцарилась тишина.

Но я уже совершенно проснулся и стал рассуждать. Очевидно, обитатели дома желали удостовериться, сплю ли я и могут ли они считать себя в безопасности. Очевидно, также, что я должен был воспользоваться этим и накрыть их. Поддавшись этому искушению, я осторожно встал с места и, наклонившись так, чтобы меня не было видно из-за подоконников, пробрался к восточному крылу здания мимо высокого тисового забора. Здесь царил та же тишина; никто не шевелился. Тщательно озираясь вокруг, я обошел около дома – в направлении, обратном тому, которое приняла вчера мадам, – и добрался до конюшен. Едва я остановился на секун-

ду, как со двора вышли двое. Это были мадам и привратник.

Выйдя наружу, они остановились и стали смотреть вверх и вниз. Затем мадам сказала что-то слуге, и последний кивнул головой. Оставив его там, где он стоял, она быстрой, легкой походкой перешла через лужайку и скрылась между деревьями.

Я тотчас решил последовать за нею, и так как Клон повернулся назад и опять вошел во двор, то я мог тут же привести свой план в исполнение. Низко наклоняясь между кустов, я пустился бегом к тому месту, где мадам вступила в лес. Здесь я нашел узкую тропинку и тотчас различил впереди, между деревьями, серое платье госпожи де Кошфоре. Теперь я должен был держаться по возможности дальше от нее и никоим образом не давать ей заметить, что за нею следят. Раз или два она оглянулась, но мы были в густой буковой роще; свет, проходивший сквозь листву, напоминал скорее сумерки, а моя одежда была темного цвета. Выгода, таким образом, была на моей стороне, лишь бы только я не терял мадам из виду и в то же время держался настолько далеко от нее, чтобы она не слышала звука моих шагов.

Уверенный, что она идет на свидание с мужем, которого мое присутствие удерживало вдали от дома, я чувствовал, что развязка близка, и с каждым шагом мое возбуждение возрастало. Мне было неприятно шпионить за этой женщиной; я чувствовал к этому какое-то злобное отвращение. Но чем более я ненавидел свою задачу, тем более мне хоте-

лось покончить с нею, успешно выполнить ее, уйти отсюда и забыть обо всем. Достигши опушки буковой рощи и выйдя на маленькую прогалину, она как будто замедлила шаги. Я удвоил свою осторожность. Здесь, думал я, должно произойти свидание, и я ожидал с минуты на минуту увидеть самого господина де Кошфоре, выходящего из чащи.

Но его не было, а она опять ускорила шаги. Пройдя через прогалину, она вступила в широкую аллею, прорезанную в низких, густых порослях ольхи и карликового дуба. Поросли были так густы и так перевиты ползучими растениями, что ветви образовали по обеим сторонам аллеи сплошные стены в двадцать футов вышиной.

Она направилась по этой аллее, а я стоял и провожал ее глазами, не осмеливаясь последовать за нею. Аллея тянулась по прямой линии на четыреста или пятьсот шагов. Войти в нее значило быть тотчас замеченным, если бы она вздумала обернуться; пройти же сквозь самую чащу леса было решительно невозможно. Я стоял неподвижно, и мое бессилие грызло мне сердце. Казалось, прошла целая вечность, пока она достигла конца аллеи, но тут она сразу повернула направо и исчезла из виду.

Я не ждал более и, пустившись бежать со всех ног, углубился в зеленую аллею. Солнце ярко освещало ее, густая листва по обеим сторонам не пропускала ветерка, и я от жары и быстрого бега страшно вспотел. Немногим более чем в минуту я добежал почти до конца аллеи. Шагах в пятиде-

сяти от поворота я остановился и, осторожно пробравшись вперед, заглянул в ту сторону, куда повернула мадам.

Я увидел перед собой другую аллею, как две капли воды похожую на первую, а в расстоянии полутора шагов от меня – серое платье госпожи де Кошфоре. Я остановился, перевел дух и проклял лес, жару и осторожность мадам. Мы, наверное, прошли уже целую милю или, по крайней мере, три четверти мили. До каких же пор это будет продолжаться? Меня начинал разбирать гнев. Ведь всему есть предел! Наконец этот лес мог тянуться до самой Испании!

Вдруг она опять повернула в сторону и исчезла, и мне пришлось повторить свой маневр. Теперь уже, думал я, дело примет другой оборот. Но мои ожидания были напрасны. Новая зеленая аллея открылась передо мною с теми же высокими прямыми и непроницаемыми стенами. На середине аллеи я опять увидел фигуру мадам – единственный движущийся предмет. Я остановился, подождал некоторое время и затем опять пошел дальше, с тем, чтобы опять увидеть, как она повернула в новую аллею, более узкую, но во всех других отношениях сходную с предыдущими.

И так продолжалось еще, наверное, с полчаса. Мадам поворачивала то направо, то налево. Лесной лабиринт был нескончаем. Несколько раз мне казалось, что она сбилась с дороги и сама не знает, куда идти. Но ее неизменная, решительная походка, ее размеренный шаг доказывали определенную цель. Я заметил также, что она ни разу не оглянулась

назад и очень редко смотрела по сторонам. Одна из аллей, по которым она проходила, была устлана не зеленой травой, а серебристо-блестящими листьями какого-то ползучего растения, так что издали почва блестела, точно поверхность реки при заходе солнца. Когда она вступила на эту аллею, ее лицо, обращенное к солнцу, ее высокая фигура в сером платье производили впечатление такой чистоты и благородства, что я был поражен: она показалась мне каким-то неземным созданием. Но через миг я презрительно засмеялся над самим собою – и при следующем повороте получил свою награду. Она остановилась и села на пень, лежавший поперек аллеи.

Некоторое время я оставался в засаде, наблюдая за нею, но с каждой минутой мое нетерпение росло. Затем у меня появились странные мысли, странные сомнения. Зеленые стены темнели. Солнце опускалось за горизонт; белая снеговая вершина, видневшаяся за десятки миль и замыкавшая перспективу аллеи, вспыхнула розовым светом.

Наконец, когда мое нетерпение достигло уже высшей степени, она встала и более медленно пошла вперед. Я, как всегда, подождал немного, пока она не скрылась за первым поворотом. Тогда я поспешил за нею, осторожно обошел поворот – и очутился лицом к лицу с нею!

В одно мгновение, быстрее молнии, я понял все. Она обманула меня, она одурачила меня, она умышленно завлекла меня. Ее лицо было бледно, глаза сверкали, вся ее фигура

дрожала от гнева и презрения.

– Ах вы, шпион! – закричала она. – Ищейка! И вы – дворянин! Мой Бог, если вы действительно принадлежите к нашей партии, а не к числу этих каналов, мы вам когда-нибудь отплатим за все это. Мы сведем с вами счеты в свое время. Я не знаю, – продолжала она, и каждое ее слово точно хлестало меня по лицу, – более низкого и подлого человека, чем вы!

Я пробормотал что-то, – я сам не знаю, что. Ее слова жгли меня, – жгли мое сердце. Будь она мужчиной, она не осталась бы в живых.

– Вы думаете, что вы меня обманули вчера, – продолжала она, понизив голос, и тем давая еще более сильное выражение своему гневу, своему негодованию, своему презрению, от которого дрожали ее губы. – Интриган! Глупый обманщик! Вы думали одурачить женщину, а теперь сами попались впросак. Дай Бог, чтобы у вас хватило стыда хоть для раскаяния! Вы говорили о Клоне, но Клон по сравнению с вами кажется самым безупречным, самым честным человеком.

– Мадам! – закричал я хриплым голосом, и я знаю, что мое лицо приняло пепельно-серый цвет, – нам нужно объясниться друг с другом.

– Боже меня избави! – воскликнула она. – Я не желаю пятнать себя объяснением с вами.

– Стыдитесь, мадам, – ответил я дрожащим голосом. – Ведь вы – женщина. Мужчине это стоило бы жизни!

Она презрительно засмеялась.

– Отличные речи, – сказала она. – Я не мужчина, и если вы мужчина, то слава Богу! И вы ошибаетесь, называя меня мадам. Мадам де Кошфоре находится теперь, благодаря вашему отсутствию и вашей глупости, в обществе своего мужа. Надеюсь, что это возбудит в вас досаду, – добавила она, сжимая свои белые зубки. – Надеюсь, что это поощрит вас к дальнейшему шпионству и дальнейшей подлости, господин Мушар¹, то есть я хотела сказать, господин де Мушар!

– Вы – не мадам де Кошфоре? – воскликнул я, от этой неожиданности забыв весь свой стыд и всю свою ярость.

– Да, мосье, – злобно ответила она. – Я не мадам де Кошфоре. И позвольте мне заметить вам, что я никогда не называла себя ею. Мы очень неохотно говорим неправду. Вы сами обманули себя так искусно, что нам не было надобности дурачить вас.

– А мадемуазель, значит... – пролепетал я.

– Она и есть мадам! – воскликнула она. – Совершенно верно! А я мадемуазель де Кошфоре. И в качестве таковой я покорнейше прошу вас избавить нас от дальнейшего знакомства с вами. Когда мы встретимся снова... то есть, если мы встретимся, от чего, Боже, избави нас, то не смейте говорить со мною, иначе я прикажу своим слугам высечь вас. И не позорьте нашего крова своим дальнейшим пребыванием под ним. Можете ночевать сегодня в гостинице. Пусть не

---

¹ Mouchard – шпион.

говорят, – гордо продолжала она, – что даже за предательство Кошфоре отплатили негостеприимством, и я отдам соответственные приказания. Но завтра ступайте назад к своему господину, как избитый щенок. Шпион!

С этими словами она оставила меня. Мне хотелось сказать ей что-нибудь, – мне кажется, я нашел бы в своем сердце слова, которые заставили бы ее остановиться и выслушать меня. Я был, наконец, сильнее ее и мог бы сделать с нею, что угодно. Но она так бесстрашно прошла мимо меня, словно мимо какого-нибудь придорожного калеки, что я окаменел. Не глядя на меня, не оборачивая головы, чтобы удостовериться, иду ли я за нею или остаюсь на месте, она быстро пошла назад, и скоро деревья, тень и надвигающийся сумрак скрыли ее от меня, и я остался один.

Глава 5. Месть

Я остался один, но злоба душила меня. Если бы эта женщина ограничилась одними упреками или, обратившись ко мне в момент моего торжества, наговорила все то, что мне пришлось выслушать в минуту своего поражения, я бы еще мог это перенести. В каких выражениях она ни стыдила бы меня, я подавил бы свой гнев и простил бы ее.

Но теперь я стоял один в надвигавшихся сумерках, осмеянный, одураченный, уничтоженный, – и кем? Женщиной! Она противопоставила моей осторожности свою хитрость, моей опытности – свою женскую волю и одержала надо мной победу. А в заключение она еще насмеялась надо мной. Думая обо всем этом и представляя все более или менее отдаленные последствия этого эпизода, и в особенности то, что теперь все мои дальнейшие попытки сделались невозможными, я начинал ненавидеть ее. Она обманула меня своими грациозными манерами и величавой улыбкой. Что сделал я такого, на что не согласился бы всякий другой? Мой Бог, – теперь я уже ни перед чем не остановлюсь! Она будет жалеть о произнесенных ею словах! Она будет еще валяться у моих ног!

Как ни велика была моя злоба, спустя какой-нибудь час ко мне вернулось мое самообладание. Но это было ненадолго. Когда я пустился в обратный путь, мною вновь овладела

ярость, потому что я не мог выпутаться из лабиринта аллей и тропинок, в которые она завлекла меня. Целый час блуждал я по лесу, и, хотя я прекрасно знал, в каком направлении нужно искать деревню, я нигде не видел тропинки, которая бы вела туда. То и дело я натыкался на чащу, совершенно преграждавшую дальнейший путь, и в такие минуты мне казалось, что я слышу из-за кустов ее смех. Стыд и бессильная злоба лишали меня рассудка. Я падал в темноте и с проклятием поднимался на ноги; я царапал себе руки о шипы и колючки; я рвал и пачкал свою одежду, которая и без того находилась в незавидном состоянии. Наконец, когда я уже почти готов был подчиниться судьбе и провести ночь в лесу, я увидел вдали огонек. Весь дрожа от гнева и нетерпения, я бросился по этому направлению и несколько минут спустя стоял на деревенской улице.

Освещенные окна гостиницы виднелись в пятидесяти шагах, но самолюбие не позволило мне явиться туда в таком виде. Я остановился и начал чистить и приводить в порядок свою одежду, стараясь в то же время принять по возможности спокойный вид. Лишь после этого я подошел к двери гостиницы и постучался. Тотчас послышался голос хозяина:

– Войдите, сударь!

Я поднял щеколду и вошел. Хозяин был один и, сидя на корточках у очага, грел себе руки. На углях кипел черный горшок. При моем появлении хозяин приподнял крышку горшка и заглянул в него. Затем он обернулся и молча

устремил на меня взор.

– Вы ожидали меня? – вызывающим тоном спросил я, подходя к очагу и ставя на него один из своих промокших сапог.

– Да, – коротко ответил он. – Я знал, что вы сейчас придете. Ваш ужин готов!

При этих словах он насмешливо улыбнулся, так что я с трудом сдержал свою злобу.

– Мадемуазель де Кошфоре сказала вам? – промолвил я равнодушным тоном.

– Да, мадемуазель... или мадам, – ответил он, опять ухмыляясь.

Значит, она все рассказала ему: куда она завела меня и как одурачила! Она сделала меня посмешищем всей деревни! У меня заклокотала кровь в жилах и, глядя на смеющееся лицо этого идиота, я невольно сжал кулаки.

Он прочел угрозу в моих глазах и, вскочив на ноги, положил руку на кинжал, торчавший у него за поясом.

– Не начинайте опять, мосье! – закричал он на своем грубом патуа. – У меня еще до сих пор болит голова. Но попробуйте теперь поднять на меня руку, и я проткну вас, как поросенка!

– Садитесь, дуралей! – ответил я. – Я не стану трогать вас. Где ваша жена?

– Она занята.

– Кто же подаст мне ужин?

Он нехотя двинулся с места и, достав тарелку, положил

туда немного похлебки и овощей. Затем он вынул из шкафа черный хлебец и кружку вина и также подал их на стол.

– Ужин вас ждет, – лаконически сказал он.

– Довольно жалкий ужин, как я вижу, – заметил я.

При этих словах он вдруг распалился необычайным гневом. Опершись обеими руками о стол, он приблизил к самому моему носу свою морщинистую физиономию и налитые кровью глаза. Его усы вздрагивали, борода тряслась.

– Послушайте! – закричал он. – Будьте и этим довольны! У меня есть свои подозрения, и, если бы не строгий приказ госпожи, я бы вместо ужина угостил вас кинжалом. Вы ночевали бы не в моем доме, а на улице, и никто об этом не печалился бы. Будьте же довольны тем, что для вас делают, и держите язык за зубами. Завтра, когда вашей ноги не будет в Кошфоре, можете ворочать им, сколько хотите.

– Рассказывайте вздор! – сказал я, но, признаюсь, на душе у меня было немного беспокойно. – Кому угрожают, тот долго живет, бездельник вы этакий!

– В Париже, – многозначительно заметил он, – но не здесь, мосье.

При этих словах он выпрямился и, внушительно потрянув головой, вернулся к огню. Мне ничего не оставалось, как пожать плечами и приняться за еду, делая вид, что я позабыл о его присутствии. Дрова на очаге едва дымились, не давая никакого света. Жалкая масляная лампа, стоявшая посередине комнаты, еще резче оттеняла окружающий мрак. Низенькая

комната со своим земляным полом была пропитана дымом и затхлостью. Во всех углах висели вонючие, грязные платья. Я невольно вспомнил о Кошфоре, об изящно убранном столе, о сельской тишине и горшках с благоухающими растениями, и, хотя я был слишком старый солдат, чтобы есть без аппетита немытой ложкой, тем не менее такая перемена была для меня чувствительна и увеличивала мой гнев. Хозяин, который украдкой следил за мною, должно быть, прочитал мои мысли.

– Поделом вору и мука, – пробормотал он, презрительно усмехаясь. Посади нищего на коня, и он поедет... обратно в гостиницу.

– Повежливей, пожалуйста! – огрызнулся я на него.

– Вы кончили? – спросил он.

Не устаивая его ответом, я поднялся с места и, подойдя к огню, стащил с себя свои сапоги, которые были мокры насквозь. Хозяин проворно убрал в шкаф остатки вина и хлеба и затем, взяв тарелку, вышел через заднюю дверь, оставив последнюю полуоткрытой. Проникший в комнату сквозной ветер заколыхал пламя светильника, отчего грязная, жалкая трущоба получила еще более непривлекательный вид. Я сердито поднялся с места и направился к двери, чтобы захлопнуть ее.

Но, достигши порога, я увидел нечто такое, что заставило меня опустить уже поднятую руку. Дверь вела в маленькую пристройку, которую хозяйка употребляла для мытья посу-

ды и тому подобных надобностей. Я был поэтому несколько удивлен, заметив там в эту пору свет, и еще более удивился, когда увидел, чем была занята хозяйка.

Она сидела на грязном полу сарая, перед потайным фонарем, а по обе стороны ее лежали две громадные кучи всякого мусора и тряпья. Она выбирала вещи из одной кучи и перекладывала их в другую, встряхивая и осматривая каждый предмет, перед тем, как положить его, и проделывала это с таким старанием, с таким терпением и настойчивостью, что я стал в тупик. Некоторые из этих предметов – обрывки и тряпки – она держала на свет, другие ощупывала, третьи буквально рвала на клочки. А ее муж все это время стоял подле нее, жадным взором следя за нею и продолжая держать мою тарелку в руке, словно странное занятие жены очаровало его.

Я тоже, наверное, с полминуты стоял, не сводя с нее глаз, но затем хозяин, оторвав на мгновение свой взор от жены, заметил меня. Он вздрогнул и быстрее молнии задул фонарь, оставив сарай в полной темноте.

Я, смеясь, вернулся к своему месту у очага, а он последовал за мною с лицом, черным от ярости.

– Послушайте! Нет, послушайте! – воскликнул он, наступая на меня. Разве человек не может делать у себя в доме, что ему угодно?

– По-моему, может, – спокойно ответил я, пожимая плечами. – Точно так же, как и его жена. Если ей приятно перебирать по ночам грязные тряпки, это ее дело.

– Шпион! Собака! – кричал он с пеной бешенства на губах.

Внутренне я тоже кипел от ярости, но не в моих интересах было затевать ссору с ним, и потому я лишь прикрикнул на него, чтоб он не забывался.

– Ваша госпожа дала вам приказания, – презрительно сказал я. Исполняйте же их.

Он плюнул на пол, но потом, видимо, опомнился.

– Вы правы, – сердито ответил он, – К чему выходить из себя, когда все равно завтра в шесть часов утра вы уедете отсюда. Вашу лошадь прислали сюда, а ваши вещи наверху.

– Я пойду туда, – сказал я, – чтобы не быть в вашем обществе. Посветите мне!

Он нехотя повиновался, а я, радуясь возможности избавиться от него, стал подниматься по лестнице, все еще недоумевая, чем это могла заниматься его жена и отчего он так разъярился, увидев меня у дверей. До сих пор он еще не мог уgomониться. Он посылал мне вслед самые отборные ругательства, а когда я влез на свой чердак и захлопнул дверь, он стал кричать еще громче, чтобы я не забыл уехать в шесть часов, – и так он бесновался до тех пор, пока не выбился из сил.

Вид моих пожитков, которые я несколько часов тому назад оставил в Кошфоре разбросанными по полу, по-настоящему должен был бы опять рассердить меня. Но у меня просто уже не было сил. Оскорбления и неудачи, которые выпа-

ли мне на долю в этот день, сломили, наконец, мое присутствие духа, и я смиренно стал укладывать вещи. Я, конечно, жаждал мести, но обдумать план и время ее можно было и на следующий день. Далее шести часов утра моя мысль вперед не простиралась, и если в чем я чувствовал недостаток, то это в бутылочке доброго арманьякского вина, которое я так напрасно потратил на этих продувных купцов. Вот когда оно пришлось бы мне кстати!

Я лениво завязал один из своих дорожных мешков и уже почти уложил второй, как вдруг я нечаянно натолкнулся на вещь, которая на мгновение пробудила во мне прежнюю ярость. Это было маленькое оранжевое саше, которое мадемуазель обронила в ту ночь, когда я увидел ее в первый раз, и которое, как помнит читатель, я поднял. С тех пор оно мне не попадалось на глаза, и я совершенно забыл о нем. Теперь же, когда я стал складывать свою вторую фуфайку (одна была на мне), оно выпало из ее кармана.

При виде его я вспомнил все – ту ночь и лицо мадемуазель, озаренное светом фонаря, и мои великолепные планы, и неожиданный конец их – и в порыве ребяческого гнева, уступив долго сдерживаемой страсти, я схватил саше, разорвал его на куски и швырнул их на пол. Облако тонкой едкой пыли поднялось на воздух, а вместе с кусками саше на пол упало что-то более тяжелое, издав при этом отчетливый звук. Я посмотрел вниз (быть может, я уже сожалел о своей вспышке), но сначала ничего не мог различить. Пол был

грязный и неприглядный, света было мало.

Но бывает такого рода настроение, когда человек проявляет особенное упорство в мелочах. Я взял светильник и поднес его к полу. Какая-то светящаяся точка, искорка, блеснувшая на полу среди грязи и мусора, привлекла мое внимание. Через секунду она уже потухла, но я не сомневался, что видел ее. Я был изумлен. Я повернул светильник и вновь увидел блеск, но на этот раз в другом месте. Я опустился на колени и тотчас нашел маленький кристалл. Рядом с ним лежал другой, а немного дальше – еще один. Каждый из них был величиною с крупную горошину. Подобрал все три кристалла, я поднялся на ноги и поднес светильник к кристаллам, которые лежали у меня на ладони.

Это были бриллианты! Настоящие, дорогие бриллианты! Я был в этом убежден. Двигая светильник в разные стороны и видя, как в них играет и переливается целое море огня, я знал, что держу в своих руках богатство, которого достаточно, чтобы десять раз купить эту ветхую гостиницу со всем ее содержимым. Это были чудесные камни столь чистой воды, что руки у меня дрожали, кровь прилила к моим щекам и сердце мое неистово билось. На мгновение мне показалось, что я вижу сон, что все это игра моего воображения. Я нарочно закрыл глаза и простоял в таком положении целую минуту. Но, раскрыв их, я снова увидел у себя на ладони эти тяжелые, осязаемые многогранные кристаллы. Убедившись, наконец, в том, что это действительность, но еще витая меж-

ду радостью и страхом, я подкрался на цыпочках к двери и забаррикадировал ее своим седлом, дорожными мешками и верхним платьем.

Тогда, все еще тяжело дыша, я вернулся назад и, вооружившись светильником, начал терпеливо, пядь за пядью исследовать пол, вздрагивая всем телом при каждом скрипе ветхих половиц. Никогда поиски не увенчивались столь блестящим успехом. В лоскутках саше я нашел шесть мелких бриллиантов и два рубина. Семь крупных бриллиантов оказалось на полу. Один из них, самый большой, который я нашел позже всех, видимо, откатился при падении и лежал у стены в самом дальнем углу комнаты.

Целый час я трудился, пока выследил этот бриллиант, но и после того я не менее часа ползал на четвереньках и прекратил свои поиски лишь тогда, когда убедился, что собрал все, что содержалось в саше. Тогда я сел на свое седло у опускной двери и при последних неверных лучах светильника любовался своим сокровищем – сокровищем, достойным сказочной Голконды.

Я все еще не решался верить своим чувствам. Припомнив те драгоценности, которые носил английский герцог Букингемский во время своего посещения Парижа в 1625 году и о которых так много говорили, я решил, что мои бриллианты не хуже их, хотя и уступают им численно. Стоимость моей находки я оценивал приблизительно в пятнадцать тысяч крон. Пятнадцать тысяч крон! И все это сокровище я дер-

жал на ладони своей руки, я, у которого не было за душою и десяти тысяч су!

Догоревший светильник положил конец моему восхищению. Когда я остался в темноте с этими драгоценными крупинками в руке, моей первой мыслью было спрятать их как можно подальше, и с этою целью я заложил их за внутреннюю обшивку сапога. Затем мои мысли обратились на то, каким образом они попали туда, где я нашел их, – в душистый порошок мадемуазель де Кошфоре.

Минутное размышление привело меня очень близко к разрешению этой загадки и вместе с тем пролило свет на некоторые другие темные вопросы. Я понял теперь, что искал Клон на лесной тропинке между замком и деревней, что искала хозяйка гостиницы среди сора и тряпья, – (они искали это саше). Я понял также, что было причиной столь неожиданного и ясного беспокойства, которое я подметил в обитателях замка: причиной была потеря саше.

Но тут я снова стал в тупик, впрочем, только на короткое время. Еще одна ступень умственной лестницы – и я понял все. Я догадался, каким образом драгоценные камни попали в саше, и решил, что не мадемуазель, а сам господин де Кошфоре обронил его. Последнее открытие показалось мне столь важным, что я стал осторожно расхаживать по комнате, так как от волнения не мог оставаться неподвижным.

Несомненно, он обронил драгоценности, благодаря поспешности, с какой в ту ночь покидал замок. Несомненно

также, что, увозя их с собою, он положил их в саше для безопасности, справедливо рассчитывая, что разбойники, если он попадет к ним в руки, не тронут этой безделушки, не подозревая в ней ничего ценного. Все увидят в ней простой знак памяти и любви – работу его жены.

Мои догадки не остановились на этом. Я решил, что эти камни Составляют фамильную драгоценность, последнее достояние семьи, и де Кошфоре намеревался увезти их за границу либо для того, чтобы спасти от конфискации, либо для того, чтобы продать их и таким путем добыть деньги, нужные, может быть, для какой-нибудь последней, отчаянной попытки. Первые дни по отъезду из Кошфоре, пока горная дорога и ее опасности отвлекали его мысли, он не замечал своей потери, но затем он хватился драгоценной безделушки и вернулся домой по горячим следам.

Чем более я размышлял об этом, тем более убеждался, что напал на разгадку тайны, и всю эту ночь я не ложился и не смыкал глаз, соображая, что мне теперь предпринять. Так как эти камни были без всякой оправы, то я, конечно, мог не бояться, что кто-нибудь признает их и предъявит свои права. Путь, которым они попали ко мне, был никому неизвестен. Камни были мои (мои!), и я мог делать с ними, что хотел! У меня в руках было пятнадцать, может быть даже двадцать тысяч крон, и на следующее утро в шесть часов я волей-неволей должен был уехать. Я мог отправиться в Испанию с этими драгоценностями в кармане. Почему нет?

Признаюсь, я испытывал искушение. Но и то сказать, эти камни были так восхитительны, что многие честные, в обычном значении этого слова, люди, я думаю, продали бы за них свое вечное спасение. Но чтобы Берио продал свою честь? Нет! Повторяю, у меня было искушение. Но, благодаря Богу, человек может быть доведен судьбой до того, чтобы жить игрой в карты и кости, чтобы даже слышать от женщины обидное «шпион» и «подлец» и все-таки не сделаться вором. Искушение скоро оставило меня – я ставлю себе это в заслугу – и я начал обдумывать различные способы воспользоваться своею находкой. Сначала мне пришло в голову отвезти бриллианты к кардиналу и купить ими себе помилование. Затем я подумал, нельзя ли воспользоваться ими как средством для поимки Кошфоре; затем...

Но, чтобы не перечислять всего, скажу, что только в пять часов утра, когда я все еще сидел на своей убогой постели и первые лучи дня уже пробирались сквозь затканное паутиной окно, мне пришел в голову настоящий план, план из планов, по которому я и решил действовать.

Этот план привел меня в восхищение. У меня слюнки потекли при мысли о нем, и я чувствовал, что мои глаза расширяются от наслаждения. Пусть он был жесток, пусть он был низок, я не заботился об этом. Мадемуазель торжествовала свою победу надо мною; она хвалилась своим умом, своей хитростью, смеялась над моею глупостью. Она сказала, что прикажет своим слугам высечь меня. Она обошлась со мною,

как с презренной собакой. Хорошо, посмотрим же теперь, кто умнее, кто хитрее, кто одержит окончательную победу!

Единственное, что требовалось для моего плана, это еще раз увидеться с нею. Лишь бы увидеться с нею, а там я знал, что могу положиться на себя и на свое новое оружие. Но как добиться этого свидания? Предвидя здесь некоторые затруднения, я решил сделать утром вид, как будто я намерен уехать из деревни, и затем, под предлогом, что мне нужно оседлать коня, ускользнуть пешком в лес и скрываться там до тех пор, пока мне не удастся увидеть мадемуазель.

Если бы мне не удалось достигнуть цели таким способом – вследствие ли бдительности трактирщика или по какой-либо другой причине – то я все еще мог добиться своего. Я мог отъехать от деревни на расстояние мили или около того, привязать свою лошадь в лесу и пешком возвратиться к деревянному мостику. Оттуда я мог следить за садом и передними окнами замка, пока время и случай не дадут мне возможности, которой я искал.

Таким образом, мой путь был для меня ясен, и когда бездельник грубо крикнул мне снизу, что уже шесть часов и что мне пора ехать, я не полез в карман за ответом. Я ответил сердитым тоном, что я готов, и после приличного промедления, забрав седло и дорожные мешки, я спустился вниз.

При свете холодного утра общая комната гостиницы имела еще более грязный, непривлекательный и убогий вид. Хозяйки не было видно. На очаге не горел огонь. Для меня не

было приготовлено ничего. Даже прощальная чаша не ждала меня, чтобы согреть мое сердце.

Я оглянулся, вдыхая запах копоти, сохранившийся с вечера, и досада взяла меня.

– Вы, кажется, хотите отпустить меня с пустым желудком? – сказал я, притворяясь более рассерженным, нежели был на самом деле.

Хозяин в это время стоял у окна, наклонившись над парю старых, потрескавшихся сапог, которые он щедро мазал жиром.

– Мадемуазель не заказывала для вас завтрака, – насмешливо ответил он.

– Ну, да, впрочем, это неважно, – надменно сказал я. – В полдень я уже доберусь до Оша.

– Это как знать, – ответил он, опять усмехнувшись.

Я не понял этого замечания. Мои мысли были заняты другим, и я, отворив дверь, вышел из комнаты, чтобы пройти на конюшню. Но тут во мгновение ока я все понял. Холодный воздух, пропитанный лесными испарениями, пронизывал меня до костей, но не он вызвал дрожь в моем теле. Снаружи, на улице, стояли два всадника. Один из них был Клон; другой, державший на поводу неоседланную лошадь (мою лошадь), был тот парень, которого я видел однажды в гостинице, здоровенный, грубый малый с большой кудлатой головой. Оба были вооружены, а Клон, кроме того, был в сапогах. Его товарищ был бос, но к одной ноге у него была привязана

заржавленная шпора.

При первом взгляде на них в моей душе возникло опасение, которое и заставило меня задрожать. Но я ничего не сказал им. Я вернулся назад и затворил за собой дверь. Хозяин в это время надевал свои сапоги.

– Что это значит? – хриплым голосом спросил я, хотя я отлично понимал, что они затевают. – Зачем эти люди здесь?

– Приказано, – лаконически ответил он.

– Кем приказано? – продолжал я.

– Кем? – повторил он. – Ну, сударь, это уж мое дело! Довольно вам знать, что мы поедем с вами. Мы должны убедиться, что вы уехали отсюда.

– А если я не захочу уехать? – воскликнул я.

– Вы захотите, – спокойно возразил он. – Теперь у нас в деревне нет чужих людей, – добавил он с многозначительной улыбкой.

– Что же, вы намерены упрятать меня? – воскликнул я с яростью.

Но за этой яростью скрывалось нечто другое: не назову это страхом, потому что храбрые не знают страха, но нечто, очень близкое к нему. Мне всю жизнь приходилось иметь дело с грубыми людьми, но эти три негодяя имели зловещий вид, который пугал меня. Вспоминая о темных тропинках, узких ущельях и крутых спусках, по которым нам предстояло ехать, я начинал трепетать.

– Упрятать вас, мосье? – равнодушным тоном повторил

он. – Это зависит от того, как смотреть на вещи. Одно во всяком случае несомненно, продолжал он, поднимая аркебузу и ставя ее прикладом на скамью, – если вы вздумаете оказать нам малейшее сопротивление, мы будем знать, как положить ему конец, здесь ли, или на дороге, все равно.

Я глубоко вздохнул, но близость угрожавшей мне опасности вернула мне самообладание. Я переменял тон и громко засмеялся.

– Так вот ваш план? – сказал я. – В таком случае, чем скорее мы тронемся в путь, тем лучше. И чем скорее я увижу Ош и ваши спины, тем будет для меня приятнее.

– Мы готовы следовать за вами, мосье, – сказал он.

Я не мог удержаться от легкой дрожи. Его необычная вежливость беспокоила меня больше, чем все его угрозы. Я знал этого человека и все его привычки и понимал, что у него на уме что-то дурное.

Но у меня не было пистолетов, и, имея только шпагу и кинжал, я знал, что всякое сопротивление в данный момент будет бесполезно. Поэтому я пошел вперед, а хозяин последовал за мною, неся мое седло и мешки.

Улица была пуста, и, за исключением двух всадников, которые сидели в своих седлах, мрачно глядя перед собою, никого не было видно. Солнце еще не взошло, и в воздухе чувствовалась сырость. От серого облачного неба веяло холодом.

Мои мысли невольно устремились к тому утру, когда я на-

шел маленькое саше на этом самом месте, почти в этот самый час, и при воспоминании о пакетике, лежавшем у меня в сапоге, кровь снова на мгновение хлынула к моим щекам. Но насмешливое обращение трактирщика, мрачное молчание обоих его товарищей, которые упорно избегали моего взора, заставили опять похолодеть мое сердце. Побуждение отказаться сесть на коня, отказаться ехать с ними, на мгновение было почти непреодолимо, но, поняв вовремя все безумие такого поступка, который только доставил бы этим людям желанный случай, я подавил в себе это искушение и медленно направился к своему коню.

– Меня удивляет, что вы не требуете моей шпаги, – саркастически заметил я, вскакивая на седло.

– Она не страшна нам, – серьезно ответил трактирщик. – Можете оставить ее у себя... до поры до времени.

Я ничего не ответил, что мог сказать я в ответ? И мы потихоньку поехали по улице, я с трактирщиком – впереди, Клон с кудластым парнем – в арьергарде. Тихий темп нашей езды, отсутствие всякой поспешности или торопливости, равнодушие моих спутников к тому, видит ли их кто-нибудь или нет, все это должно было действовать на меня угнетающим образом и усиливать во мне сознание опасности. Я чувствовал, что они подозревают меня, что они почти отгадали цель моего приезда в Кошфоре, и я опасался, что они не сочтут нужным держаться в границах предписаний мадемуазель. Особенно зловещей казалась мне наружность Клона. Его тощее

злое лицо, его впалые глаза и немота усиливали мое уныние. На пощаду здесь рассчитывать было нельзя.

Мы ехали довольно медленно, так что прошло не менее получаса, пока мы достигли холма, с которого я в первый раз увидел Кошфоре. Среди дубовой рощи, откуда я когда-то созерцал долину, мы остановились покормить лошадей, и можно себе представить, с каким странным чувством я теперь смотрел на покидаемую деревню. Но у меня не было времени предаваться этим чувствам или размышлениям. Несколько минут отдыха, и мы снова тронулись в путь.

В четверти мили от места нашего привала дорога, ведущая по направлению к Ошу, спускалась в долину. Мы уже были на половине спуска, когда трактирщик вдруг протянул руку и придержал мою лошадь.

– Сюда! – сказал он, указывая на боковую дорогу, простую, едва заметную и почти непроезженную тропинку, которая вела неизвестно куда. Я остановил свою лошадь.

– Это почему? – сердито воскликнул я. – Или вы думаете, что я не знаю дороги? Вот это дорога к Ошу!

– К Ошу, да! – ответил он. – Но мы вовсе не туда едем.

– А куда же? – сердито спросил я.

– Скоро увидите, – ответил он с улыбкой.

– Да, но я хочу знать теперь, – сказал я, поддаваясь своему гневу. Ведь до сих пор я не отказывался ехать с вами. Вам будет легче справиться со мною, если вы мне сообщите ваши планы.

– Вы с ума сошли! – закричал он.

– Ничуть не бывало, – ответил я. – Я только спрашиваю, куда я еду?

– В Испанию, – сказал он. – Довольно вам этого?

– И что вы думаете там сделать со мною? – спросил я, чувствуя, что у меня сердце похолодело.

– Передать вас некоторым из наших друзей, если вы будете хорошо вести себя, – ответил он. – Если же нет, то у нас есть другой способ, который избавит нас от излишней поездки. Подумайте, мосье! Что вы выбираете из двух?

Глава 6. Под южной вершиной

Вот какой был у них план! В двух или трех часах пути к югу, над каймой бурых лесов, тянулась в обе стороны белая блестящая стена. За нею лежала Испания. Переправив через границу, они легко могли задержать меня в качестве военнопленного, – если бы со мной не случилось чего-нибудь худшего, – потому что в то время Франция держала сторону Италии и воевала с Испанией; или могли меня отдать в руки одной из тех диких шаек не то разбойников, не то контрабандистов, которые бродили в горных проходах; или, наконец, что еще хуже, меня отдали бы во власть французских эмигрантов, которые легко могли признать меня и перерезать мне горло.

– Это ведь длинная дорога, в Испанию, – пробормотал я, чувствуя себя не в силах оторвать взора от пистолетов, которые Клон вертел в руках.

– Другая дорога, надеюсь, покажется вам еще длиннее, – сурово ответил трактирщик. – Впрочем, выбирайте сами, только поскорее.

Их было трое против одного, у них было огнестрельное оружие, – одним словом, я не имел выбора.

– Ну, в Испанию так в Испанию! – воскликнул я с наружной беспечностью. – Не в первый раз мне видеть «донов» и «идальго»!

Они кивнули головами, как бы говоря, что и ожидали этого. Трактирщик выпустил узду моей лошади, и мы пустились по узенькой тропинке по направлению к горам.

В одном отношении я теперь чувствовал себя спокойнее. Они не замышляли против меня никакого коварства, и мне нечего было бояться получить в каком-нибудь закоулке пистолетный выстрел в спину. Стало быть, до границы я мог ехать спокойно. Но зато, раз мы перейдем через границу, моя судьба будет решена. Человек, попавший без всяких охран-ных грамот и без конвоя в среду диких бандитов, которыми в военное время кишели Астурийские ущелья, мог считать скорую смерть самым счастливым для себя уделом. Я отлично понимал, что меня может ждать. Один кивок головы, одно слово, сказанное этим дикарям, – и бриллианты, спрятанные у меня в сапоге, не отправятся ни к кардиналу, ни к мадемуазель, – да и мне будет решительно все равно, что с ними станет.

Таким образом, пока мои спутники тихо переговаривались между собою или ухмылялись, глядя на мое мрачное лицо, я смотрел глазами, которые ничего не видели, на темно-бурый лес, на красную белку, прыгавшую с ветки на ветку; на испуганное стадо свиней, убежавших с хрюканьем при нашем приближении; на вооруженного с ног до головы всадника, который встретился нам на дороге и, пошептавшись с трактирщиком, продолжал свой путь к северу. Все это я видел, но ум Мой был далек от всего этого: он, как крот, блуж-

дал в темноте, ища какого-нибудь средства к спасению. А время было дорого.

Подъемы, по которым мы взбирались, становились круче. Скоро мы вступили опять в горную долину, тоже поднимающуюся кверху, и поехали по ней, то и дело пересекая на своём пути быстрые горные речки. Снеговые вершины скрылись из виду за нависшим над нами кряжем холмов, и иногда мы ничего не видели ни спереди, ни сзади, кроме зеленых лесных стен, тянувшихся в обе стороны на тысячу шагов.

Дикий и мрачный вид являла эта местность даже в эту пору дня, когда полуденное солнце играло на струившейся воде и вызывало благоухание из вековых сосен. Но я знал, что меня ждет картина еще хуже, и с отчаянием в душе старался придумать какую-нибудь хитрость, чтобы, по крайней мере, разрознить моих врагов. С одним я еще мог бы справиться; но трое – было слишком много.

Наконец, после того, как я ломал себе голову целый час и уже решил произвести неожиданное нападение на всех трех – последняя, отчаянная попытка, – меня осенил план, тоже довольно опасный и почти отчаянный, но все же подававший мне некоторую надежду. Возник у меня этот план в ту минуту, когда я, случайно положив руку в карман, наткнулся на клочки саше, которые захватил с собою без всякой определенной цели. Саше было разорвано на четыре части, соответственно четырем углам. Машинально перебирая их в кармане, я попал внутрь одного из лоскутков пальцем, очу-

тившимся как бы в перчатке. Второй палец попал таким же образом в другой лоскуток, и это вдруг подало мне мысль.

Чтобы привести свой план в исполнение, мне необходимо было вооружиться терпением до следующего привала, который мы сделали около полудня, у самого конца долины. Я подошел к ручью под предлогом, что хочу напиться, и, набрав незаметно горсть мелких камешков, спрятал их в тот же карман, где у меня лежали куски разорванного саше. Когда мы снова двинулись в путь, я вложил камешек в один из лоскутков – самый больший – и стал ждать.

Хозяин ехал рядом, по левую руку от меня. Остальные двое ехали сзади. Дорога в этом месте благоприятствовала мне, потому что долина стягивала к себе всю влагу из окружающих холмов, отличавшихся поэтому дикостью и бесплодием. Здесь не было ни деревьев, ни кустов, и дорога представляла не что иное, как узенький, проложенный животными след, покрытый низкой выющейся травой и тянувшийся то по одному берегу горного потока, то по другому.

Улучив минуту, когда хозяин обернулся, желая что-то сказать своим товарищам, я вытащил лоскуток, в котором находился камешек, и, осторожно положив к себе на колено, изо всей силы пустил его щелчком вперед. Я хотел, чтобы лоскуток упал впереди нас на дороге, где его легко можно было бы увидеть. Но моим надеждам не суждено было осуществиться. В критический момент моя лошадь дернула, палец зацепил лоскуток сбоку, камешек выпал из него и мате-

рия свалилась в кусты у самого стремени.

Досада взяла меня. То же самое могло случиться и с остальными кусками, которых у меня было теперь только три.

Но судьба сжалилась надо мною, и мой сосед вступил в жаркий спор с кудластым парнем по поводу каких-то животных, показавшихся на отдаленном утесе: один сказал, что это серны, а другой заявил, что это простые козы. Благодаря этому, хозяин гостиницы продолжал смотреть в другую сторону, и я имел возможность приладить камешек в другой кусок материи. Положив его опять на бедро, я старательно нацелился и метнул вперед.

На этот раз щелчок пришелся как раз посередине лоскутка, и он упал на дороге шагах в десяти впереди нас. Убедившись в этом, я ударил лошадь трактирщика ногою в бок. Лошадь дернула, и трактирщик, рассердившись, хлестнул ее. Через секунду он с такой силой затянул поводья, что она стала на дыбы.

– Господи! – воскликнул он, с изумлением глядя на клочок желтого атласа.

Его лицо побагровело, и рот разинулся до ушей.

– Что такое? – сказал я. – В чем дело, дуралей?

– В чем дело? Мой Бог!

Но Клон пришел еще в большее возбуждение. Увидев, что привлекло внимание его товарища, он издал какой-то ужасный нечленораздельный звук и, спрыгнув с лошади, бросил-

ся, как зверь, на драгоценный лоскуток.

Трактирщик не отставал от него. Через мгновение он тоже был на земле, устремив жадный взор на находку, и я уже думал, что они начнут драться. Несмотря на все соперничество, их пыл несколько поостыл, когда они увидели, что кусочек саше не содержал в себе ничего: камешек, к счастью, вывалился из него во время полета. Но смешно было смотреть, как они заметались во все стороны, ища дальнейших следов саше. Они разгребали землю, рвали траву, шарили повсюду, бегали взад и вперед, как собаки, потерявшие след, и, искоса поглядывая один на другого, каждый раз возвращались на первоначальное место. Соревнование их было так велико, что они ни на минуту не решались выпустить друг друга из виду.

Кудлатый парень и я сидели на своих лошадях и смотрели на них: он недоумевал, а я делал вид, что недоумеваю. Так как они бегали по дороге взад и вперед, то мы отступили немного в сторону, чтобы дать им больше простора; улучив минуту, когда все они смотрели в другую сторону, я бросил в кусты другой лоскуток. Кудластый парень первый заметил его и отдал Клону; так как мои спутники, очевидно, были далеки от всяких подозрений против меня, то я отважился сам заявить о находке третьего и последнего лоскутка. Впрочем, я не поднял его, но подозвал трактирщика, и тот бросился на лоскуток, как ястреб на цыпленка.

Они стали искать четвертый кусок саше, но, разумеется,

напрасно. Убедившись, наконец, в безуспешности своих поисков, они принялись прилаживать найденные куски, причем ни один не решался выпустить своего куска из рук, и каждый с недоверием смотрел на соперника. Странно было видеть их в этой обширной долине, над которой вздымались свои белые вершины безмолвные снеговые горы, – странно было, говорю, видеть, как эти два человека – настоящие букашки среди исполинских горных громад – неистово бегали друг около друга, скребли и оглядывали землю, точно петухи перед боем, и, совершенно забыв об окружающем мире, были поглощены тремя оранжевыми клочками материи, которых за пятьдесят шагов не было видно!

Наконец трактирщик воскликнул с досадой:

– Я еду назад! Надо уведомить их об этом. Дайте мне эти куски, а сами поезжайте дальше с Антуаном. Так будет лучше всего!

Но Клон, размахивая кусками материи, отрицательно покачал головой. Он был лишен способности речи, но его жестикуляция достаточно ясно показывала, что если кто-нибудь поедет назад сообщить об этой находке, то только он.

– Вздор! – сердито возразил трактирщик. – Нельзя же пустить с ним одного Антуана. Дайте сюда ваши куски.

Но Клон и слышать об этом не хотел. Он ни за что не соглашался уступить честь быть вестником, и я уже думал, что у них дело дойдет до драки. У них был, впрочем, еще один исход – исход, очень близко затрагивавший мою судьбу, – и

сначала один, а затем и другой оглянулись на меня. В этот момент мне грозила опасность, и я знал это. Моя хитрость могла обратиться против меня самого, и мои враги, чтобы выйти из затруднения, могли покончить со мною. Но я смотрел на них спокойно и смело выдержал их взгляд. С другой стороны – местность была настолько открыта, что они тотчас оставили эту мысль. Они снова вступили в спор, еще более ожесточенный. Один схватился за ружье, другой – за пистолеты. Трактирщик ругался, немой издавал какое-то бормотание. Дело кончилось так, как я желал.

– Хорошо, в таком случае мы оба поедem! – закричал трактирщик. – А Антуан пусть едет с ним дальше. Вы сами будете виноваты во всем. Отдайте ему ваши пистолеты.

Клон вынул один пистолет и отдал его кудлатому парню.

– А другой! – нетерпеливо закричал трактирщик.

Но Клон, сердито усмехаясь, отрицательно покачал головой и указал на аркебузу.

Недолго думая, трактирщик выхватил у Клона второй пистолет и избежал его мщения только потому, что вместе с пистолетом отдал Антуану и свою аркебузу.

– Ну, – сказал он, обращаясь к Антуану, – вы можете ехать. Если мосье сделает попытку убежать или вернуться назад, стреляйте в него! Через четыре часа вы будете в Рокка-Бланка. Там вы найдете наших, и ваше дело будет конечно.

Но Антуан, как видно, держался другого мнения. Он по-

смотрел на меня, затем на дикую тропинку, по которой нам предстояло ехать, и с громким проклятием заявил, что ни за что не поедет один.

Но трактирщик, нетерпеливо желавший поскорее вернуться в Кошфоре, отвел его в сторону и наконец убедил его ехать.

Антуан вернулся назад и угрюмо промолвил:

– Вперед, мосье!

Я пожал плечами, вонзил шпоры в бока своей лошади, и через минуту мы с Антуаном вдвоем ехали по горной тропинке. Раз или два я обернулся назад, чтобы посмотреть, что делают Клон и трактирщик, и убедился, что они продолжают стоять на дороге, горячо споря. Впрочем, мой спутник, выразил такое недовольство моими движениями, что я снова пожал плечами и перестал оглядываться.

Как я трудился, чтобы привести в исполнение свой план; а теперь, странно сказать, добившись своего, я почувствовал разочарование. Я достиг равенства сил и избавился от самых опасных врагов, но зато Антуан, оставшись один, удвоил свою бдительность и подозрительность. Он ехал немного позади меня, положив ружье на луку седла и держа наготове свои пистолеты, и при малейшей моей остановке бормотал неизменно:

– Вперед, мосье!

Тон его был при этом не менее предостерегающим, чем палец, который он тотчас клал на курок ружья. На таком

расстоянии он не мог промахнуться, и мне ничего не оставалось, как покорно ехать вперед к Рока-Бланка... и своей судьбе!

Что мне было делать? Дорога скоро привела нас в, узкое лесистое ущелье, усеянное камнями и валунами, по которым с оглушительным шумом прыгал и извивался горный поток. Впереди темная кайма древесных стволов, увитых ползучими растениями, прерывалась белизною водопадов. Снеговая линия лежала по обеим сторонам менее чем в полумиле расстояния, а всю эту картину венчала в конце ущелья, как издали казалось, белоснежная громада южной вершины, вздымавшейся на шесть тысяч футов к голубым небесам. Чудная картина, столь неожиданно раскрывшаяся передо мной, заставила меня на мгновение позабыть об опасности, и я невольно придержал поводья своего коня. Но в ту же минуту послышался окрик, вернувший меня с небес на землю:

– Вперед, мосье!

Я поехал дальше. Что мне было делать?

Что мне было делать? Я ломал себе голову над этим вопросом.

Этот парень отказывался говорить со мною, отказывался ехать рядом. Нельзя было и думать о том, чтобы спешиться, остановиться, вступить с ним в какое бы то ни было соглашение. Он требовал одного, чтобы я молча продвигался вперед, чувствуя за спиной дуло его ружья. Мы довольно быстро поднимались в гору, оставив своих прежних спутников час

или почти два часа тому назад. Солнце уже спускалось; было, по моему расчету, около половины третьего.

Если б только он приблизился ко мне на расстояние руки или если б что-нибудь отвлекло его внимание! Когда ущелье снова расширилось в голую, однообразную равнину, усеянную огромными камнями, а в углублениях покрытую снегом, я с отчаянием посмотрел вперед, измеряя глазами огромное снеговое поле, тянувшееся над нами к подножию заоблачной вершины. Но я не видел для себя спасения. Ни один медведь не попадался на дороге, ни одна серна не показывалась на окружающих нас утесах. Резкий, холодный воздух леденил наши щеки, свидетельствуя о приближении к вершине горного хребта. Повсюду царило пустынное безмолвие!

Мой Бог! Что, если злодеи, на произвол которых меня хотят обречь, выехали к нам навстречу? Они могут показаться ежеминутно! В последнем порыве отчаяния я приподнял свою шляпу, так что первый порыв ветра сорвал ее у меня с головы. С громким проклятием я высвободил одну ногу из стремени, чтобы соскочить на землю, но негодяй громовым голосом закричал мне, чтобы я не смел оставлять седла.

– Вперед, мосье! Вперед!

– Но моя шляпа! – закричал я. – Моя шляпа! Я должен...

– Вперед, мосье, или я буду стрелять! – неумолимо ответил он, поднимая ружье. – Раз, два...

Я снова поехал вперед.

Злостью кипело мое сердце. Чтобы я, Жиль де Бери, попал

впросак! Чтобы эта гасконская дрянь помыкала мною, как пешкой! Чтобы я, которого весь Париж знал и боялся – если не любил, – гроза игорного дома, нашел свою погибель в этой унылой пустыне, среди скал и вечных снегов, пав от руки какого-нибудь контрабандиста или вора! Нет, это невозможно! В самую последнюю минуту я все-таки сумею справиться с одним человеком, хотя бы весь его пояс был утыкан пистолетами.

Но как? По-видимому, мне оставалось одно: прибегнуть к открытой силе. Сердце у меня начинало трепетать при мысли об этом и потом снова замирало. Шагах в ста впереди нас дорога подходила к самому краю пропасти, и в этом именно месте была нагромождена куча камней. Я выбрал это место, как самое удобное для моей отчаянной попытки. «Антуан, – рассуждал я, – должен будет притянуть свою лошадь обеими руками для того, чтобы перебраться через эти камни, и, если я неожиданно обернусь, он уронит ружье или выстрелит наудачу».

Но тут случилось нечто неожиданное, как всегда бывает в последнюю минуту. Мы не проехали и пятидесяти шагов, как я почувствовал сзади горячее дыхание его лошади, а затем с каждой секундой она стала подаваться все больше и больше вперед. Сердце у меня неистово запрыгало. Он равняется со мною; он сейчас будет в моей власти! Чтобы скрыть свое волнение, я начал насвистывать.

– Тише! – прошептал он таким странным и неестествен-

ным голосом, что моей первой мыслью было: уж не болен ли он? Я обернулся к нему, но он повторил:

– Тише! Здесь надо ехать молча, мосье.

– Почему? – строптиво спросил я, не будучи в состоянии побороть своего любопытства.

Это было очень глупо с моей стороны, так как с каждой минутой его лошадь подходила ближе. Ее морда была уже наравне с моими стремянами.

– Тише, я говорю! – сказал он опять, и на этот раз в его голосе явственно звучал страх. – Это место называется «Дьявольским Капищем». Дай Бог благополучно проехать здесь! Здесь не следует бывать позднею порою! Посмотрите!

И он поднял руку, которая явственно дрожала. Я посмотрел по указанному направлению и увидел на краю пропасти, на небольшом пространстве, очищенном от камней, три обломанных шеста, водруженных на грубо сложенных пьедесталах.

– Ну? – сказал я тихим голосом.

Солнце, приближавшееся к горизонту, озаряло кровавым отблеском снеговую вершину, но долина уже тонула в сером сумраке.

– Ну, что ж из этого? – повторил я.

Несмотря на всю опасность, которая грозила мне, и на волнение, которое овладевало мной при мысли о предстоящей борьбе, мне сообщился и его страх. Никогда я не видел такого мрачного, такого пустынного, такого Богом забытого

места! Я невольно задрожал.

– Здесь стояли кресты, – сказал он почти шепотом, между тем как глаза его испуганно блуждали по сторонам. – Габасский священник благословил это место и поставил кресты. Но на другое утро от них остались только палки. Вперед, мосье, вперед! – продолжал он, хватая меня за рукав. – Здесь опасно после захода солнца. Молите Бога, чтобы сатаны не было дома!

В своем суеверном страхе он забыл все свои прежние предосторожности. Его ружье соскользнуло с седла, а нога касалась моей. Я заметил это и изменил свой план действий. Когда мы достигли груды камней, я остановился, словно затем, чтобы дать своей лошади собраться с духом, после чего сразу же выхватил у него из рук ружье, осадив вместе с тем свою лошадь назад. Это было делом одной секунды! Через мгновение дуло ружья было наведено на него и мой палец лежал на курке. Мне еще не случалось видеть столь легкой победы!

Он посмотрел на меня взором, исполненным гнева и испуга, и рот его раскрылся.

– Вы с ума сошли? – воскликнул он, стуча зубами от страха.

Даже теперь глаза его испуганно бегали по сторонам.

– Ничуть не бывало! – ответил я. – Но мне это место так же мало нравится, как и вам (что было отчасти справедливо). – А потому, скорее отсюда! Поворачивайте назад, или я

не ручаюсь за последствия.

Он с покорностью ягненка повернул и поехал назад, не вспомнив даже о своих пистолетах. Я ехал вслед за ним, и через минуту мы уже были довольно далеко от «Дьявольского Капища», спускаясь по тому же склону, по которому незадолго перед тем поднимались. Но теперь ружье было у меня в руках.

Проехав около полумили – до тех пор мне все-таки было жутко, и, хотя я благодарил небо за существование на свете «Дьявольского Капища», я не менее был благодарен и за то, что убрался оттуда, – я приказал Антуану остановиться.

– Пояс долой! – коротко скомандовал я. – Бросьте его на землю и имейте в виду, если вы вздумаете обернуться, я выстрелю.

Мужество давно покинуло его, и он беспрекословно повиновался. Я спрыгнул на землю, не сводя с него дула своего ружья, и поднял пояс с пистолетами. Затем я опять сел на лошадь, и мы продолжали свой путь. Спустя некоторое время он угрюмо спросил меня, что я намерен делать.

– Ехать назад, пока не доберемся до дороги на Ош.

– Через час будет темно, – заметил он.

– Я знаю, – ответил я. – Нам придется как-нибудь приютиться на ночь.

Мы так и сделали. Пользуясь остатками дня, мы добрались до конца ущелья и здесь, на опушке соснового леса, я выбрал местечко, в стороне от дороги, защищенное от вет-

ра, и приказал Антуану развести огонь. Лошадей я привязал поблизости костра. У меня был с собою кусок хлеба, у Антуана тоже, и в придачу головка лука. Мы молча поужинали, расположившись по обеим сторонам костра.

После ужина я очутился в затруднении: как я буду спать? Красноватый свет костра, падавший на смуглое лицо и жилистые руки негодяя, озарял также и глаза его – черные, злые, бдительные. Я знал, что он думает о мести, что он не задумается вонзить мне между ребер кинжал, если только представится к этому случай, – и мне представлялся только один исход – не спать. Будь я кровожаден, я нашел бы другой выход из затруднения и застрелил бы его на месте. Но я никогда не чувствовал склонности к жестоким поступкам, и у меня не хватало духа на это.

Обширность окружавшей нас пустыни, темный небосклон, унизанный золотыми звездами, черная бездна внизу, где клокотал и бурлил невидимый поток, своим ревом не нарушавший, а еще резче оттенявший безмолвие гор и небес, отсутствие всяких признаков человеческого существования вокруг – все это вызывало во мне какое-то благоговейное настроение, и я, содрогаясь, оставил греховную мысль, решившись лучше не смыкать глаз всю ночь – долгую, холодную, пиренейскую ночь.

Мой компаньон скоро свернулся клубочком и заснул, согреваемый костром, а я часа два просидел над ним, погруженный в раздумье. Мне казалось, что уже целые годы про-

шли с тех пор, как я был у Затона или метал кости. Прев-
няя жизнь, прежние занятия – вернусь ли я когда-нибудь к
ним? рисовались мне сквозь неясную туманную дымку. Бу-
дут ли когда-нибудь так же рисоваться мне и Кошфоре, этот
лес, эти горы, серый замок и его хозяйки? И если каждый
отдел нашего существования так быстро вянет и бледнеет в
нашем воспоминании при вступлении в новый период жиз-
ни, то не будет ли когда-нибудь и вся наша жизнь, все, что
мы... Но довольно! Я спохватился, что предаюсь праздным
мечтаниям. Я вскочил на ноги, поправил костер и, взяв ру-
жье, стал расхаживать взад и вперед. Странно, что какая-ни-
будь лунная ночь, несколько звезд, легкое дуновение пусты-
ни уносят человека назад к детству и возбуждают в нем ре-
бяческие мысли.

На следующий день, часа в три после полудня, когда солн-
це обливало своими горячими лучами дубовые аллеи и воз-
дух был пропитан теплыми испарениями, мы достигли того
склона, на середине которого от главной дороги отделялся
проселочный путь к Ошу. Желтые стволы и опавшие листья,
казалось, сами испускали свет, а красноватые буки, точно
красные капли, унизывали там и сям склоны холмов. Впе-
реди нас, лениво хрюкая, паслось стадо свиней, а высоко над
нами, на скале, лежал мальчик – пастух.

– Здесь мы расстанемся, – сказал я своему спутнику.

Мой план был проехать немного по Ошской дороге, что-
бы ввести своего спутника в заблуждение, а затем, оставив

лошадь в лесу, вернуться пешком к замку.

– Чем скорее, тем лучше! – насмешливо ответил он. – И надеюсь, что мы никогда больше не увидим вашего лица, мосье.

Но когда мы подъехали к деревянному кресту, у которого дорога разделялась надвое, и уже готовы были разъехаться в разные стороны, из зарослей папоротника выскочил мальчик и направился в нашу сторону.

– Эгой! – нараспев закричал он.

– Что такое? – нетерпеливо спросил мой спутник, оставившая лошадь.

– В деревне солдаты!

– Солдаты? – недоверчиво повторил Антуан.

– Да, конные черти! – ответил мальчик и плюнул на землю. – Шестьдесят человек. Из Оша!

Антуан обернулся ко мне с лицом, искаженным от бешенства.

– Чтоб вам сгинуть! – закричал он. – Это ваши штуки! Теперь мы все пропали. И мои барыни!.. Будь у меня это ружье, я застрелил бы вас, как крысу.

– Молчи, дуралей! – ответил я грубо. – Это для меня такая же новость, как и для тебя.

Это было совершенно верно, и мое удивление было так же велико, как и его, если не больше. Кардинал, вообще говоря, редко менявший фронт, послал меня в Кошфоре именно потому, что не хотел командировать туда солдат, которые

могли дать повод к восстанию. Но в таком случае чем могло объясняться это нашествие, столь несогласное с планами кардинала? Я был в недоумении. Быть может, странствующие торговцы, перед которыми я разыграл комедию измены, донесли об этом начальнику Ошского гарнизона и тем побудили его послать в деревню отряд? Но это тоже казалось мне маловероятным, так как при управлении кардинала оставалось очень мало места для личной предприимчивости. Одним словом, я этого не понимал, и ясно для меня было только одно, что теперь я свободно могу явиться в деревню.

– Я поеду с вами, чтобы разузнать, в чем дело, – сказал я Антуану. Ну, вперед!

Но он пожал плечами и не двинулся с места.

– Слуга покорный! – ответил он с грубым проклятием. – Я не имею охоты знакомиться с солдатами; проведя одну ночь под открытым небом, проведу и другую.

Я равнодушно кивнул головой, потому что теперь он уже был мне не нужен, и мы расстались. Через двадцать минут я достиг окраины деревни и, действительно, нашел здесь большую перемену. Никого из обычных обитателей деревни не было видно: они, очевидно, или заперлись в своих лачугах, или, подобно Антуану, убежали в лес. Двери всех домов были затворены, ставни закрыты. Но зато по улицам бродило с десяток солдат в сапогах и кирасах, а у дверей гостиницы были свалены в кучу коротенькие мушкеты, патронницы и ля-дунки. На пустыре, разделявшем деревню на две части, сто-

яла длинная вереница лошадей, привязанных головами друг к другу и наклонявших свои морды над вязанками фуража. Веселый звон цепей и бубенчиков, громкий говор и смех наполняли воздух.

Когда я направил свою лошадь к гостинице, старый косоглазый и криворотый сержант испытующе посмотрел на меня и пошел навстречу, чтобы окликнуть. К счастью, в этот момент двое слуг, которых я взял с собой из Парижа и оставил в городе Оше в ожидании моих приказаний, показались на улице. Хотя я сделал им знак, чтобы они не говорили со мною и проходили мимо, но они, очевидно, сказали сержанту, что я не тот человек, которого ему нужно, и он оставил меня в покое.

Привязав лошадь к забору позади гостиницы – все стояла в деревне были переполнены, – я протиснулся сквозь кучку народа, стоявшего у дверей, и вошел в дом. Хорошо знакомая комната с низким закопченным потолком и вонючим полом была полна незнакомых людей, и первое время среди царившего там дыма и сутолоки меня никто не заметил. Но затем хозяин, случайно проходивший мимо, увидел меня. Он выронил из рук кувшин, и, пробормотав какое-то проклятие, остановился, выпучив глаза, словно одержимый нечистой силой.

Солдат, для которого предназначалось пролитое вино, швырнул корку ему в лицо и крикнул:

– Ну, жирная образина! На что выпучил глаза?

– На дьявола! – пробормотал хозяин и задрожал.

– А ну-ка и я посмотрю на него! – ответил солдат, оборачиваясь на своей скамье, и, увидев, что я стою возле него, вздрогнул.

– К вашим услугам, – сурово сказал я. – Но скоро будет наоборот, приятель!

Глава 7. Ловкий удар

Я отличаюсь манерами, обыкновенно внушающими уважение. Когда первый испуг хозяина миновал, я, несмотря на присутствие нахальных солдат, добыл себе ужин и в первый раз за последние два дня порядочно поел. Впрочем, толпа скоро начала убывать. Люди кучками разбрелись поить лошадей или искать ночлега, и в комнате осталось всего два или три человека. Тем временем наступил вечер, и шум на улице заметно стих. На стенах зажгли фонари, и убогая комната стала несколько уютнее и привлекательнее. Я в сотый раз обдумывал, что мне теперь предпринять, и спрашивал себя, для чего солдаты явились сюда и не отложить ли все дело до утра, – как вдруг дверь, целый час безостановочно вертевшаяся на своих петлях, вновь отворилась, и в комнату вошла женщина.

Она на секунду остановилась на пороге, оглядываясь, и я успел заметить, что она была босиком, одной рукой поправляла шаль на голове, в другой – держала кувшин. Ее толстая грубая юбка была изодрана, а рука, придерживавшая концы шали, была черна и грязна. Больше я ничего не заметил, так как смотрел на нее не особенно внимательно, думая, что это одна из соседок, воспользовавшаяся минутой затишья в гостинице, чтобы достать молока для своих детей или что-нибудь в этом роде. Я снова повернулся к огню и погрузился

в свои думы.

Но для того, чтобы приблизиться к очагу, за которым хлопотала хозяйка, женщина должна была пройти мимо меня. Должно быть, при этом она украдкой взглянула на меня из-под своей шали: она вдруг слегка вскрикнула и отшатнулась от меня, так что едва не упала на очаг. В следующее мгновение она уже стояла ко мне спиной и, наклонившись над хозяйкой, шептала ей что-то на ухо. Посторонний, присутствуя при этой сцене, мог бы вообразить, что она нечаянно наступила на горящий уголь.

Но мне в голову пришла другая и очень странная мысль, и я молча поднялся с места. Женщина стояла ко мне спиной, но что-то в ее росте, фигуре, посадке головы, хотя и скрытой под шалью, показалось мне знакомым. Я неподвижно стоял, пока она шепталась с хозяйкой и пока та медленно наполняла ее кувшин похлебкой из большого черного горшка. Но когда женщина повернулась к дверям, я быстро сделал несколько шагов вперед, чтобы преградить ей дорогу. Наши взоры встретились.

Я не мог различить черт ее лица: они скрывались от меня в тени ее головного покрывала; но я явственно видел, как дрожь пробежала у нее по телу с головы до ног. И я понял тогда, что не ошибся.

– Это слишком тяжелая ноша для тебя, красотка, – фамильярно сказал я, как будто передо мною была простая деревенская девка. – Дай-ка, я помогу тебе!

Один из посетителей засмеялся, а остальные тихо запели песню. Женщина задрожала от гнева или страха, но не сказала ни слова и позволила мне взять кувшин у нее из рук. Я подошел к дверям, отворил их, и она машинально последовала за мною. Через мгновение двери затворились за нами, и мы очутились одни в сгущавшемся сумраке.

– Вы слишком поздно выходите, мадемуазель, – учтиво сказал я, – и рискуете подвергнуться какой-нибудь грубости, от которой не избавит вас даже этот костюм. Позвольте мне провести вас домой.

Она опять задрожала, и мне послышалось всхлипывание, хотя она продолжала молчать. Вместо всякого ответа она повернулась и быстро зашагала по улице, стараясь держаться в тени домов. Я шел рядом с нею, неся в руках кувшин, и улыбался в темноте. Я знал, какой стыд и бессильный гнев клокочут в ее груди. Это было отчасти похоже на месть!

Но затем я заговорил.

– Мадемуазель, – сказал я, – где же ваши слуги?

Она скользнула по мне злобным взором, и я увидел мельком ее дышавшее ненавистью лицо. Я замолчал и оставил ее в покое, хотя по-прежнему не отставал от нее ни на шаг. Так мы достигли конца деревни, где дорога углублялась в лес. Тут она остановилась и, как зверь, не имеющий выхода, обернулась ко мне.

– Что вам нужно? – хрипло закричала она, задыхаясь; как будто после продолжительного бега.

– Провести вас до вашего дома, – спокойно ответил я, – и избавить вас от оскорблений.

– А если я не захочу? – спросила она.

– У вас нет выбора, мадемуазель, – внушительно ответил я. – Вы пойдете со мною и по дороге позволите мне поговорить с вами, но не здесь: здесь нам могут помешать, а я хочу наконец поговорить с вами.

– Наконец?

– Да, мадемуазель.

– А если я откажусь выслушать вас? – спросила она.

– Я мог бы позвать ближайших солдат и сказать им, кто вы, – спокойно ответил я. – Я мог бы сделать это, но я не сделаю. Это было бы слишком грубой расправой, а у меня есть лучшее наказание для вас. Я могу пойти к капитану, мадемуазель, и сказать ему, чья лошадь стоит в конюшне. Один из солдат сказал мне – не знаю, откуда он это взял, – что там стоит лошадь его офицера. Но я заглянул в щель и узнал лошадь.

Она не могла удержаться от стога. Я подождал, но она не отвечала.

– Пойти к капитану? – безжалостно спросил я.

Она откинула с головы шаль и посмотрела на меня.

– О подлец, подлец! – прошипела она сквозь зубы. – Ах, будь у меня кинжал!

– Но у вас нет его, мадемуазель. Решайте же, пойти ли мне к капитану или пойти с вами?

– Дайте сюда кувшин, – резко сказала она.

Я повиновался, не понимая, что это значит. Она схватила его и швырнула далеко кусты.

– Ну, идем, если хотите, – сказала он. – Но когда-нибудь Бог накажет вас!

Не говоря больше ни слова, она повернулась и пошла по извилистой лесной тропинке, а я последовал за нею. Должно быть, каждый изгиб этой тропинки, каждое деревцо и каждая прогалина были знакомы ей с детства, потому что она быстро и безостановочно подвигалась вперед, несмотря на свои босые ноги. Мне приходилось напрягать все свои силы, чтобы не отстать от нее в темноте.

В лесу царила тишина, и только лягушки в пруду начинали свое ночное кваканье, напомнившее мне о той ночи, когда я, избитый и изнеможенный, подошел к дверям замка и Клон впустил меня в переднюю, где мадемуазель стояла под сводами галереи. Как все изменилось с тех пор!

Мы подошли к деревянному мостику и увидели вдали огоньки замка. Все окна его были освещены. Очевидно, военные веселились на славу.

– Теперь, мадемуазель, – сказал я спокойно, – я должен побеспокоить вас просьбой остановиться и уделить мне несколько минут. Я вас задержу ненадолго.

– Говорите! – сердито сказала она. – Только, пожалуйста, поскорее! Я не могу дышать с вами одним воздухом! Он отравляет меня!

– Вот как! – медленно ответил я. – Неужели вы думаете, что можете помочь делу подобными речами?

– О! – вскричала она, и я услышал явственно скрежет ее зубов. – Не хотите ли, чтобы я еще заискивала перед вами?

– Кажется, нет, – ответил я. – Но вы ошибаетесь в одном.

– В чем это?

– Вы забываете, что меня надо не только ненавидеть, но и бояться, мадемуазель! Да, бояться! Неужели выдумаете, что я не знаю, для кого предназначался этот кувшин? Или кому теперь придется голодать? Имейте же в виду, что я все это знаю. Ваш дом полон солдат; ваши слуги находятся под надзором и не могут отлучиться из дома. Вам пришлось самой пойти за пищей для него!

Она ухватилась за перила моста, словно ища поддержки. Ее лицо, с которого совершенно спала шаль, казалось белым пятном в тени деревьев. Наконец мне удалось поколебать ее гордыню. Наконец!

– Чего вы хотите от меня? Какого выкупа? – чуть слышно прошептала она.

– Я вам сейчас скажу, – ответил я, медленно отчеканивая каждое слово и любясь производимым эффектом, я никогда не мечтал о такой великолепной мести! – Недели две тому назад мосье де Кошфоре, уезжая отсюда, взял маленькое саше оранжевого цвета.

Она издала глухой крик и с усилием выпрямилась.

– Оно содержало в себе... но вы сами знаете, мадемуазель,

его содержимое, – продолжал я. – Во всяком случае, мосье де Кошфоре потерял то и другое. Неделю тому назад он – на свое несчастье – вернулся назад за ними.

Она теперь пристально глядела мне в лицо. Ее удивление было так велико, что она почти перестала дышать.

– Вы произвели розыски, мадемуазель, – спокойно продолжал я. – Ваши слуги не оставили ни одного клочка не исследованным. Тропинки, дороги, даже чаща лесная, и та была обыскана. Но все было напрасно, потому что все это время оранжевое саше покоилось у меня в кармане.

– Неправда! – горячо воскликнула она. – Вы опять лжете, по своему обыкновению! Саше было найдено, разорванное в клочки, за много миль отсюда.

– Там, куда я бросил его, мадемуазель, чтобы отвлечь внимание ваших клеветов и получить возможность вернуться сюда. О, поверьте мне! продолжал я тоном, в котором уже отчасти сказалось мое торжество. – Вы ошиблись! Вы сделали бы лучше, если бы больше доверяли мне. Я не такое ничтожество, каким вы считаете меня, хотя вы однажды и одержали надо мною верх; я все-таки мужчина, мужчина, одаренный силой, смелостью и, как вы сейчас убедитесь, великодушием.

Она содрогнулась.

– В оранжевом саше, насколько я знаю, было восемнадцать ценных камней?

Она не ответила, но продолжала смотреть на меня, словно

под влиянием чар. Она даже затаила дыхание, ожидая, что я скажу дальше. Она до того была поглощена моими словами, что в эту минуту двадцать человек могли бы подойти к ней, и она ничего не увидела бы и ничего не заметила бы.

Глава 8. Ловкий удар (часть 2)

Я вынул из-за пазухи маленький пакетик, завернутый в кусочек мягкой кожи, и подал ей.

– Не угодно ли раскрыть это? – сказал я. – Здесь заключается то, что потерял ваш брат. Что здесь находится все, потерянное им, этого я не могу утверждать, потому что я рассыпал камни по полу, и очень может быть, что некоторых не поднял; но их легко можно будет найти, так как я знаю, где они должны находиться.

Она взяла сверток у меня из рук и начала медленно разворачивать его дрожащими пальцами. Секунда – и камень заблестал у нее в руках своим кротким сиянием, тем сиянием, которое погубило не одну женщину и не одного мужчину заставило позабыть о чести. Глядя на них, я сам удивился, что устоял против искушения.

– Я не могу сосчитать, – сказала она беспомощно, – сколько их тут?

– Восемнадцать.

– Так и должно быть, – сказала она.

Она сжала свою руку, затем снова разжала и повторила это движение еще раз, словно желая удостовериться, что она не грезит и что драгоценные камни действительно у нее в руках. Затем вдруг, с неожиданною запальчивостью, она обернулась ко мне, и ее прекрасное лицо, заострившееся от

жажды обладания, снова приняло злобное выражение.

– Ну? – пробормотала она, сжав зубы. – Какова же ваша цена? Ваша цена?

– Я сейчас скажу, мадемуазель, – серьезно ответил я. – Дело очень просто. Вы помните тот день, когда я шел за вами по лесу – неосторожный и наивный поступок с моей стороны. Мне кажется, с тех пор прошел уже целый месяц, но в действительности, если не ошибаюсь, это было лишь позавчера. Вы назвали меня тогда несколькими грубыми именами, которых, из уважения к вам, я не стану теперь повторять. Единственная награда, которой я требую за возвращение этих драгоценностей, заключается в том, чтобы вы взяли теперь назад свои слова.

– То есть как это? – сказала она. – Я вас не понимаю.

Я медленно повторил свое требование.

– Единственная награда, которой я требую, мадемуазель, это – чтобы вы взяли назад свои слова и сказали, что я не заслужил их.

– А бриллианты? – хриплым голосом воскликнула она.

– Они ваши, они не мне принадлежат. Они ничего не составляют для меня. Возьмите их и скажите, что вы не считаете меня... Нет, я не могу повторить этих слов, мадемуазель!

– Но тут еще что-то есть! Что еще? – воскликнула она, закидывая назад голову и устремляя на меня свои горящие глаза. – А мой брат? Что с ним? Что будет с ним?

– Что касается его, мадемуазель, то я предпочел бы, что-

бы вы не сообщали мне о нем больше, чем я знаю, – тихо ответил я. – Я не хочу вмешиваться в это дело. Впрочем, вы правы. Есть еще одна вещь, о которой я не упомянул.

Я услышал глубокий вздох...

– Она заключается в том, – медленно продолжал я, – чтобы вы позволили мне остаться в Кошфоре на несколько дней, пока войско здесь. Мне сказали, что двадцать солдат и два офицера квартируют у вас в доме. Вашего брата нет. Я прошу у вас, мадемуазель, позволения занять временно его место и предоставить мне право защищать вас и вашу сестру от всяких обид. Вот и все!

Она поднесла руку к голове и после долгой паузы пробормотала:

– Ах эти лягушки! Они квакают так, что я ничего не слышу.

И затем, к моему удивлению, она вдруг круто повернулась и пошла через мост, оставив меня одного. На мгновение я остолбенел и, глядя ей вслед, недоумевал, какая муха ее укусила. Но через минуту, если не раньше, она вернулась назад, и тогда я все понял. Она плакала.

– Мосье де Барт, – сказала она дрожащим голосом, который показал мне, что сражение мною выиграно, – больше ничего? Вы не имеете никакого другого наказания для меня?

– Никакого, мадемуазель.

Она снова накинула шаль на голову, и я уже не видел ее лица.

– Это все, чего вы просите?

– Это все, чего я прошу пока, – ответил я.

– Я согласна, – медленно и решительно сказала она. – Простите, если, на ваш взгляд, я говорю об этом слишком легко, если я придаю столь малое значение вашему великодушию или своему стыду, но я теперь не в состоянии ничего больше сказать. Я так несчастна и так напугана, что... в настоящую минуту все другие чувства для меня недоступны, и для меня не существует ни стыда, ни благодарности. Я точно во сне! Дай Бог, чтобы все это прошло как сон! На нас обрушилась тяжкая беда. И вы... мосье де Барт... я... – она запнулась, и я услышал сдавленные рыдания. – Простите меня... Я не в силах... У меня ноги заоченели, – добавила она вдруг. – Вы можете проводить меня домой?

– Ах, мадемуазель! – с раскаянием воскликнул я. – Какое я грубое животное! Вы стоите босиком, и я задерживаю вас здесь!

– Ничего, – ответила она голосом, от которого у меня все запрыгало внутри. – Зато вы согрели мое сердце, мосье. Уже давно я не испытывала этого.

При этих словах она вышла из тени. Все произошло так, как я и ожидал. Я снова переходил в ночной тьме через луг, чтобы быть принятым в Кошфоре, как желанный гость. Лягушки квакали в пруду, а летучая мышь кружилась вокруг нас. Моя грудь трепетала от восторга, и я говорил себе, что никто никогда не находился в таком странном положении.

Где-то позади нас, в темном лесу, вероятно, недалеко от окраины деревни, прятался мосье де Кошфоре. В большом доме, сверкавшем впереди своими двадцатью освещенными окнами, расположился отряд солдат, явившихся из Оша для поимки этого человека. Между тем и другим, идя рядом в ночной тьме, в молчании, которое было для каждого из нас красноречивее всяких слов, находились мадемуазель и я: она, знавшая так много; я, знавший все, все, за исключением одной маленькой вещи!

Мы достигли замка, и я посоветовал ей пойти вперед одной и пробраться в дом тайком, так же, как она вышла оттуда; я же хотел подождать немного, чтобы она успела объяснить все Клону, а затем уже постучаться в дверь.

– Мне не позволяют видеться с Клоном, – медленно ответила она.

– Ну так пусть ваша служанка предупредит его, – сказал я, – иначе он чем-нибудь выдаст меня.

– Нам не позволяют видеться и с нашими служанками.

– Что вы говорите? – с изумлением воскликнул я. – Но это возмутительно! Вы же не пленницы!

Мадемуазель резко засмеялась.

– Не пленницы? Конечно, нет, потому что капитан Ларолль велел передать нам, на случай, если мы будем скучать, что он будет рад занять нас своей беседой... в гостиной.

– Он занял вашу гостиную?

– Он и его лейтенант. Впрочем, нам, бунтовщицам, нельзя

жаловаться, горько добавила она. – Наши спальные оставили за нами.

– Хорошо, – сказал я. – В таком случае мне придется как-нибудь самому уладить дело с Клоном. Но у меня есть еще одна просьба к вам, мадемуазель: я желал бы, чтобы вы и ваша сестра завтра в обычное время сошли вниз. Я буду ждать вас в гостиной.

– Нельзя ли избежать этого? – сказала она испуганно.

– Вы боитесь?

– Нет, сударь, я не боюсь, – с гордостью ответила она, – но...

– Вы придете?

Она вздохнула и потом наконец сказала:

– Хорошо, я приду, если вы желаете этого.

С этими словами она скрылась за углом дома, а я невольно улыбнулся при мысли о замечательной бдительности этих достойных офицеров. Мосье де Кошфоре свободно мог быть с сестрою в саду, разговаривать с нею так, как разговаривал я, мог даже проникнуть в дом, и они не подозревали бы этого. Но таковы уж все солдаты. Они всегда готовы встретить неприятеля, когда он приходит с барабанами и знаменами... в десять часов утра. К сожалению, он не всегда является в этот час.

Я подождал немного, затем, пробравшись ощупью к двери, постучал в нее эфесом шпаги. Сзади меня послышался собачий лай, а звуки застольной песни, которую пели хором

в восточном флигеле замка, тотчас утихли. Открылась внутренняя дверь, и сердитый голос, принадлежавший, очевидно, офицеру, стал бранить кого-то за медлительность. Еще мгновение, и безмолвная передняя наполнилась звуками голосов и шагов. Я услышал стук отодвигаемого засова, затем дверь распахнулась, и фонарь, за которым смутно виднелась дюжина лиц, был поднесен к самому моему носу.

– Это что за образина? – воскликнул один из солдат, с изумлением глядя на меня.

– Смотрите! Да это он и есть! – закричал другой. – Хватайте его!

В мгновение ока на моем плече очутилось несколько рук, но я в ответ лишь вежливо поклонился.

– Капитан Ларолль, друзья мои, где он? – спросил я.

– Черт! Кто вы, скажите нам сначала! – сказал человек, державший в руке фонарь.

Это был высокий, худой сержант со злым лицом.

– Я не де Кошфоре, приятель, – ответил я, – и этого довольно для вас. Во всяком случае, если вы сейчас не позовете капитана Ларолля и не впустите меня, вы будете сожалеть об этом.

– Хо-хо-хо! – ответил он. – Какой вы сердитый! Ну что ж, войдите.

Они пошли вперед, а я вступил в переднюю, не снимая шляпы. На большом очаге, видимо, горел недавно огонь, но он успел погаснуть. Три или четыре карабина были присло-

нены к стене, а возле них лежала куча ранцев и немного соломы. Поломанный стул и полдюжины пустых мехов от вина, разбросанных по полу, придавали комнате неопрятный и беспорядочный вид, Я с отвращением посмотрел кругом, и меня чуть не стошнило. Масло было разлито по полу, и в комнате неприятно пахло.

– Господа! – сказал я. – Можно ли так вести себя в порядочном доме, негодяи? Возмутительно! Будь я вашим начальником, я бы вас посадил на деревянную лошадь!

Они смотрели на меня, разинув рты; моя смелость изумляла их. А сержант нахмурился и в первую минуту не нашелся даже, что ответить.

– Что же делать? – сказал он наконец. – Мы не знали, что к нам явится фельдмаршал и потому не приготовились.

И, бормоча себе под нос крепкие слова, он повел меня по хорошо знакомому коридору. У дверей гостиной он остановился.

– Доложите о себе сами, – грубо сказал он, – и если вам зададут баню, не пеняйте на меня.

Я поднял ручку двери и вошел.

За столом, стоявшим у очага и заставленным стаканами и бутылками, сидели, играя в кости, два офицера. Кости резко застучали по столу, когда я вошел, и метавший, не выпуская чашки из рук, обернулся ко мне с нахмуренным лбом. Это был белокурый мужчина, высокого роста, с красными щеками. Он сидел без кирасы и сапог, и его дублет был помят

и запачкан в тех местах, где давили латы. Но зато остальные принадлежности его костюма были по последней моде. Его темный галстук, завязанный так, что передние кружевные концы свободно болтались, был сделан из самой тонкой материи; большой пояс голубого цвета с серебром имел по крайней мере фут ширины. В одном ухе у него блестел бриллиант, а его крошечная бородка была заострена, как у испанца. Должно быть, он ожидал увидеть сержанта, потому что при виде меня медленно поднялся с места.

– Что за дьявольщина? – сердито закричал он. – Эй, сержант! Сержант! Что за... Кто вы, сударь?

– Капитан Ларолль, я полагаю? – спросил я, вежливо снимая шляпу.

– Да, я капитан Ларолль, – ответил он. – Но кто вы такой, черт возьми? Вы не тот, кого мы ищем!

– Да, я не господин де Кошфоре, – спокойно ответил я. – Я только гость в этом доме, капитан. Я пользуюсь некоторое время гостеприимством мадам де Кошфоре, но по несчастной случайности меня не было в доме, когда вы явились сюда.

С этими словами я подошел к очагу и, отодвинув в сторону большие сапоги капитана, подбросил в огонь несколько поленьев.

– К чертям! – прошептал он, и никогда я не видел человека, более остолбеневшего. Но я сделал вид, что смотрю на его товарища, дюжего седого ветерана с длинными усами, кото-

рый сидел, откинувшись на спинку стула, и удивленно смотрел на меня.

– Добрый вечер, господин лейтенант, – сказал я, кланяясь. – Хорошая погодка сегодня!

Тут разразилась буря.

– Хорошая погодка! – закричал капитан, к которому наконец вернулся голос. – К чертям! Да знаете ли вы, что я распоряжаюсь в этом доме и что никто не смеет здесь оставаться без моего позволения? Гость? Гостеприимство? Бабы сказки! Лейтенант, позовите стражу! – сердито повторил он. – Где эта обезьяна-сержант?

Лейтенант встал, чтобы исполнить это приказание, но я поднял руку.

– Тише, тише, капитан, – сказал я. – Умерьте ваши порывы. Вы, кажется, удивлены, видя меня здесь? Но я еще более удивлен, видя тут вас.

– Ах так! – закричал он, снова вскипев при этих дерзких словах, между тем как у лейтенанта глаза чуть не выскочили на лоб.

Но я и ухом не повел.

– Дверь заперта, кажется? – кротко продолжал я. – Благодарю вас. Я вижу, она заперта. В таком случае позвольте мне еще раз сказать вам, что я гораздо более удивлен, видя вас тут. Когда монсеньор кардинал оказал мне честь, послав меня сюда из Парижа уладить это дело, он предоставил мне право – полное право, господин капитан, – самому довести

это дело до конца. Я решительно не мог предполагать, что накануне успеха все мои планы будут испорчены вторжением сюда чуть ли не половины Ошского гарнизона.

– Ого! – тихо сказал капитан совершенно другим тоном и с совершенно другим выражением лица. – Значит, вы тот джентльмен, о котором я слышал еще из Оша?

– Очень может быть, – сухо ответил я. – Но я из Парижа, а не из Оша.

– Ну да, – задумчиво произнес он. – Как вы думаете, лейтенант?

– Так точно, господин капитан, вне всякого сомнения, – ответил подчиненный.

Они посмотрели друг на друга, а затем и на меня с видом, который показался мне странным.

– Я думаю, – продолжал я, возвращаясь к предмету разговора, – что вы, капитан, или ваш командир впали в ошибку. И эта ошибка, сдастся мне, будет не особенно приятна кардиналу.

– Я исполняю королевский приказ, – надменно возразил он.

– Конечно, – ответил я, – но, как вы знаете, кардинал...

– Но кардинал!.. – прервал он меня, тотчас, однако запнувшись и пожав плечами.

При этом они оба опять посмотрели на меня.

– Ну? – сказал я.

– Король... – медленно начал он.

– Позвольте, позвольте! – перебил я его, протягивая обе руки. – Мы говорили о кардинале. Вы сказали, что кардинал...

– Да, видите ли, кардинал... – И снова он запнулся и пожал плечами. У меня появились подозрения.

– Если вы имеете что-нибудь сказать против кардинала, то говорите, сказал я, пристально глядя на него. – Но наперед выслушайте мой совет. Постарайтесь, чтобы ваши слова не вышли за пределы этих четырех стен, иначе вам, друг мой, нельзя будет позавидовать.

– Я вовсе ничего не желаю говорить, – ответил он, взглянув на товарища. – Я могу только сказать, что исполняю королевский приказ. Вот и все, и этого, я думаю, достаточно.

– Ну? – сказал я.

– Ну... впрочем, не желаете ли принять участие? – уклончиво сказал он, указывая на кости. – Прекрасно! Лейтенант, достаньте для господина стакан и стул. И позвольте мне первому предложить тост. За кардинала – что бы там ни было!

Я выпил и сел к столу. Уже около месяца я не слышал музыки игральных костей, и искушение было непреодолимо. Тем не менее игра доставляла мне мало удовольствия. Я бросал кости, выигрывал его кроны – он был сущий ребенок в этой игре, – но мои мысли были в другом месте. Здесь что-то таилось, чего я понять не мог; я чувствовал какое-то новое влияние, на которое я не рассчитывал; здесь крылось что-то столь же непонятное, как и присутствие войска. Если

бы капитан прямо отверг мое вмешательство, выгнал меня за двери или велел посадить на гауптвахту, я еще догадался бы, в чем дело. Но эти нерешительные намеки, это пассивное сопротивление ставило меня в тупик. Не получили ли они каких-нибудь известий из Парижа? Может быть, король умер? Или кардинал заболел? Я спрашивал их об этом, но они говорили: «Нет, нет, ничего подобного!» – или давали мне уклончивые ответы. И когда пришла полночь, мы все еще играли и говорили друг с другом загадками.

Глава 9. Вопрос

– Подмести комнату, сударь, и убрать этот хлам? Но господин капитан...

– Капитан в деревне, – невозмутимо ответил я. – Поворачивайся скорее, любезный. Не разговаривай. Дверь в сад оставь открытой, так.

– Конечно, сегодня прекрасная погода... И табак господина лейтенанта... Но господин капитан...

– Не приказывал? Зато я приказываю, – ответил я. – Прежде всего убери эти постели. И пошевеливайся, голубчик, или я найду чем расшевелить тебя!

– А сапоги господина капитана? – через минуту послышался вопрос.

– Вынеси их в коридор.

– В коридор? – повторил он, глядя на меня.

– Да, идиот, в коридор!

– А плащи, мосье?

– Там есть гвоздь за окном. Повесь их, пусть проветриваются.

– Проветриваются? Они слегка сыроваты. Но... Готово, готово, сударь, готово! А кобуры?

– И их также, – сердито ответил я. – Выбрось их отсюда! Фи! Вся комната пропахла кожей. Ну, теперь надо очистить очаг. Стол поставь перед открытой дверью так, чтобы

мы могли видеть сад. Так! И скажи кухарке, что мы будем обедать в одиннадцать часов и что к обеду выйдут мадам и мадемуазель.

– В одиннадцать? Но господин капитан заказал обед к половине двенадцатого.

– В таком случае пусть кухарка поторопится. И заметь, если обед не будет готов к тому времени, как мадам выйдет сюда, ты вместе с кухаркой жестоко заплатишься за это.

Он вышел, и я оглянулся вокруг. Чего еще недоставало? Солнце весело сияло на лощеном полу, воздух, освеженный прошедшим ночью дождем, свободно проходил сквозь отворенную дверь. Несколько пчел, уцелевших с лета, жужжали снаружи. В очаге потрескивал огонь, и старая собака, слепое и дряхлое создание, грелась подле него. Больше ничего я не мог придумать и молча следил за тем, как человек накрывал стол.

– На сколько приборов, мосье? – спросил он с тревожным видом.

– На пять, – ответил я, не будучи в состоянии удержаться от улыбки.

В самом деле, что сказали бы у Затона, если бы видели, что Бери превратился в хозяйку? На стенной полке стояла белая глазированная чаша старинного фасона, времен Генриха II. Я снял ее, положил в нее несколько поздних цветов, поставил ее посредине стола и отошел, чтобы издали полюбоваться ею. Но через мгновение, когда слышались жен-

ские шаги, я с каким-то испугом убрал ее, и мое лицо вспыхнуло от стыда. Но тревога оказалась напрасной, а я через несколько минут принял иное решение и снова поставил чашу на место. Давно уже я не делал подобных глупостей!

Но когда мадам и мадемуазель сошли к обеду, им было не до цветов и не до наслаждения комнатой. Они слышали, что капитан рыщет по всей деревне и по лесу в поисках беглецов, и там, где я рассчитывал увидеть комедию, нашел трагедию. Лицо мадам было так красно от слез, что от ее красоты не осталось и следа. Она вздрагивала и пугалась при каждом звуке и, не найдя слов в ответ на мое приветствие, могла только упасть в кресло и молча заливаться слезами.

Мадемуазель была не в более веселом настроении. Она не плакала, но ее обращение было сурово и гневно. Она говорила рассеянно и отвечала с раздражением. Ее глаза блистали, и видно было, что она силится сдержать слезы и прислушивается к каждому звуку, доносившемуся извне.

– Ничего нового, мосье? – сказала она, садясь на свое место и бросая при этом на меня быстрый взгляд.

– Ничего, мадемуазель.

– В деревне обыск?

– Кажется, что так.

– Где Клон?

При этом она понизила голос, и на лице ее усилилось выражение тревоги. Я покачал головой.

– Думаю, что они его заперли где-нибудь, – ответил я, – и

Луи также. Я не видел ни того, ни другого.

– А где?.. Я думала найти их здесь, – пробормотала она, искоса поглядывая на два пустых места.

Слуга принес кушанья.

– Они скоро будут здесь, – спокойно ответил я. – Но не будем терять времени. Немного вина и пищи подкрепят силы мадам.

– Мы переменялись ролями, – сказала она с печальной улыбкой. – Вы сделались хозяином, а мы – гостями.

– Пусть будет так, – весело сказал я. – Советую вам отве-
дать это рагу. Полно вам, мадемуазель, ведь голодать не по-
лезно ни при каких обстоятельствах. Хороший обед не од-
ному человеку спас жизнь.

Это было сказано, кажется, немного некстати, потому что она задрожала и с испуганной улыбкой посмотрела на меня. Но тем не менее она уговорила сестру приняться за еду, а затем и сама положила себе на тарелку немного рагу и под-
несла вилку к губам. Но через секунду она снова опустила ее.

– Не могу, – пробормотала она. – Я не могу проглотить ни кусочка. Боже мой! Быть может, теперь как раз они настигли его!

Я уже думал, что она зальется слезами, и раскаивался, что уговорил ее сойти к обеду. Но ее самообладание еще не было исчерпано. С усилием, на которое было жалко смотреть, она совладала с собой, снова взяла вилку и заставила себя проглотить несколько кусочков. Затем она бросила на меня

выразительный взгляд.

– Я хочу видеть Клона, – прошептала она.

Человек, прислуживавший нам, в эту минуту вышел из комнаты.

– Он знает? – спросил я.

Она кивнула головой, причем ее прекрасное лицо странным образом исказилось. Ее губы разжались, и за ними показались два ряда плотно сжатых зубов; два красных пятна выступили у нее на щеках. Глядя на нее в эту минуту, я почувствовал мучительную боль в сердце и панический страх человека, который, проснувшись, видит, что падает в бездну.

Как они любили этого человека!

На мгновение я потерял способность речи. Когда я взял себя в руки, мой голос звучал резко и хрипло.

– Он хороший доверенный, – сказал я. – Он не может ни читать, ни писать, мадемуазель.

– Да, но...

Она не договорила, и ее лицо приняло напряженное выражение.

– Они идут, – прошептала она. – Тише... Неужели... неужели... они нашли его? – пролепетала она, с трудом поднимаясь и облокачиваясь о стол. Мадам продолжала плакать, не сознавая, что происходит вокруг.

Я услышал тяжелую походку капитана и с трудом удержался от громкого проклятия.

– Они не нашли его, – прошептал я, дотронувшись до ру-

ки мадемуазель. Все благополучно, мадемуазель! Прошу вас, успокойтесь. Садитесь и встретьте их, как будто ничего не случилось. И ваша сестра... Мадам, мадам! закричал я почти резко. – Успокойтесь! Помните, что вам нужно играть роль!

Мои увещевания подействовали до некоторой степени. Мадам заглушила свои рыдания. Мадемуазель глубоко вздохнула и села на свое место. Ее лицо было по-прежнему бледно, она вся дрожала, но самое худшее уже прошло.

И было время! Дверь распахнулась настежь, и капитан ввалился в комнату с громкими проклятиями.

– К чертям собачьим! – закричал он, побагровев от злости. – Какой дурак перенес эти вещи сюда? Мои сапоги! Мой...

Его рот так и остался раскрытым. Он был поражен новым видом комнаты, зрелищем общества за столом, всеми теми переменами, которые я произвел.

– Святой Боже! – пробормотал он. – Что это значит?

Седая голова лейтенанта, выглядывавшая из-за его плеча, дополняла картину.

– Вы опоздали, господин капитан, – сказал я веселым тоном. – Мадам обедает в одиннадцать часов. Но все равно, садитесь, для вас приготовлены места.

– Да что же это такое?! – пролепетал он вновь, с изумлением глядя на нас.

– Боюсь, что рагу уже остыло, – продолжал я, заглядывая в

блюдо и притворяясь, что не замечаю изумления капитана. – Зато суп еще горяч. Но вы, кажется, не замечаете мадам?

Он уже раскрыл рот для нового ругательства, но вовремя опомнился.

– Кто... кто выбросил мои сапоги в коридор? – спросил он, хрипя от ярости.

Он не отвесил поклона дамам и вообще игнорировал их присутствие.

– Кто-нибудь из слуг, я полагаю, – небрежно ответил я. – А что, разве что-нибудь пропало?

Он молча посмотрел на меня. Затем перевел взгляд на плащ, повешенный снаружи. Он вышел в сад, увидел на траве свои кобуры и другие вещи. Затем вернулся назад.

– Что это за ослиные шутки? – закричал он, и на лицо его в эту минуту просто противно было смотреть. – Кто затеял все это? Отвечайте, сударь, или я...

– Тише, тише, здесь дамы, – сказал я. – Вы забываетесь, сударь.

– Забываюсь? – прошипел он, на этот раз уже не удерживаясь от ругательств. – Что вы мне тут говорите о дамах? Мадам? Скажите пожалуйста! Неужели выдумаете, дуралей, что мы являемся в дома мятежников для того, чтобы кланяться там, улыбаться и брать уроки танцев?

– В данном случае были бы более уместны уроки вежливости, мосье, серьезно ответил я и поднялся с места.

– Все это сделано по вашему распоряжению? – спросил

он, нахмутив брови. – Отвечайте мне, слышите?

– Да, по моему, – прямо ответил я.

– В таком случае получите это! – воскликнул он, бросая мне свою шляпу в лицо. – И идемте отсюда.

– С удовольствием, сударь, – ответил я, кланяясь. – Сию минуту. Позвольте мне только найти свою шпагу. Она, кажется, в коридоре.

И я пошел за ней.

Вернувшись назад, я увидел, что оба мужчины ожидают меня в саду, между тем как дамы, поднявшись из-за стола, с побледневшими лицами стоят посреди комнаты.

– Вам следовало бы увести сестру наверх, мадемуазель, – тихо сказал я, на мгновение останавливаясь подле них. – Не бойтесь, все кончится хорошо.

– Но что все это обозначает? – тревожно спросила она. – Это вышло так неожиданно. Я... я не поняла. Вы поссорились так скоро.

– Дело очень просто, – ответил я, улыбаясь. – Капитан оскорбил вас вчера и сегодня он поплатится за это. Вот и все. Или нет, это не все, продолжал я, понизив голос и говоря совершенно другим тоном. – Если я удалю его, это будет полезно для вас, мадемуазель. Вы поняли меня? Я думаю, что сегодня уже не будет никаких обысков.

Она издала какое-то восклицание и, схватив меня за руку, посмотрела мне прямо в лицо.

– Вы убьете его? – пролепетала она.

Я утвердительно кивнул головой.

– Почему нет?

Дыхание вернулось к ней. Она стояла, прижав одну руку к груди, и смотрела на меня.

– Да, да, почему нет? – повторила она, сжав зубы. – Почему нет?

Ее рука продолжала лежать на моей, и пальцы судорожно сжались. Я уже начинал хмуриться.

– Почему нет? Значит вы это придумали для нас, мосье?

Я кивнул головой.

– Но как вы это сделаете?

– Об этом уж не беспокойтесь, – ответил я и, повторив ей, чтобы она увела сестру вверх, повернулся к дверям. Моя нога была уже на пороге, и я готовился встретить своего противника, как вдруг услышал позади себя движение. Через секунду ее рука опять лежала на моей.

– Подождите, подождите одну минуту! Идите сюда, – задыхаясь пролепетала она.

Я обернулся. От прежней улыбки и румянца не осталось и следа. Лицо мадемуазель было бледно, как белая стена.

– Нет, – отрывисто сказала она, – я ошиблась! Я не хочу этого, я не желаю участвовать в этом. Вы придумали это прошлой ночью, господин де Барт. Это убийство!

– Мадемуазель! – с недоумением воскликнул я. – Убийство? Что вы говорите? Это дуэль!

– Это убийство, – настойчиво повторила она. – Вы заду-

мали это ночью. Вы сами так сказали.

– Но я рискую при этом собственной жизнью, – резко возразил я.

– Все равно, я не желаю участвовать в этом, – сказала она слабым голосом.

Она дрожала от волнения и избегала смотреть на меня.

– Ну, пусть это падет на мою голову, – резко ответил я. – Во всяком случае, теперь уже поздно идти на попятный, мадемуазель. Они ждут меня. Но сначала позвольте мне попросить вас удалиться отсюда.

С этими словами я отвернулся от нее и вышел из комнаты, полный самых противоречивых мыслей. «Во-первых, – думал я, – что за странные существа эти женщины. Во-вторых, убийство! Только потому, что я подготовил дуэль заранее и вызвал ссору? Никогда я не слыхивал ничего столь чудовищного. Станьте на такую точку зрения, называйте каждого, кто готов с оружием в руках отстаивать свою честь, Каином, – и много клейменных лиц появится на некоторых улицах». Я рассмеялся при этой мысли и продолжал свой путь по садовой дорожке.

Тем не менее я начинал понимать, что собираюсь совершить неблагоразумный поступок. Лейтенант во всяком случае останется здесь, а он – тертый калач, еще более опасный человек, нежели капитан. Наконец, и солдаты тоже еще будут в деревне. Что, если они разъярятся против меня за смерть начальника и станут преследовать, невзирая на пол-

номочия, данные мне монсеньером. Глупое положение будет в самом деле, если накануне успеха меня выживет из деревни какая-нибудь кучка солдат.

Эта мысль так не понравилась мне, что я невольно замедлил шаги. Но отступить действительно было поздно.

Капитан и лейтенант ожидали меня на маленькой лужайке, шагах в пятидесяти от дома, – там, где узенькая дорожка пересекала широкую аллею, по которой прогуливались мадам и мадемуазель в первый день моего пребывания в замке. Капитан снял свой дублет и стоял в одной рубашке, прислонившись к солнечным часам, с обнаженной головой и шеей. Он уже вынул свою шпагу и нетерпеливо рыл ею землю. Я обратил внимание на его могучий, нервный торс, и двадцать лет тому назад этот вид мог смутить меня. Но теперь малодушные мысли были чужды мне, и, хотя с каждой минутой я чувствовал все большую неохоту драться, сомнение в исходе дуэли не играло роли в моих соображениях.

Я начал медленно готовиться и, чтобы выиграть время, охотно нашел бы какой-нибудь недостаток в выбранном им месте. Но солнце было настолько высоко, что не давало преимущества ни той, ни другой стороне. Почва была превосходна, и место выбрано удачно. Я не находил никакого предложения, чтобы отделаться от этого поединка, и уже готовился отдать своему противнику честь и начать атаку, как вдруг неожиданная мысль осенила меня.

– Одну минутку, – сказал я. – Позвольте вас спросить, ка-

питан: если я вас убью, что станется с вашим поручением?

– Об этом можете не беспокоиться, – насмешливо ответил он, превратно толкуя себе мою медлительность и нерешительность. – Напрасно вы на это рассчитываете, сударь. Во всяком случае, это не должно стеснять вас. У меня есть лейтенант.

– Да, но что станется с моей миссией? – прямо спросил я. – У меня нет лейтенанта.

– Вам следовало раньше подумать об этом и не затевать истории с моими сапогами! – презрительно возразил он.

– Это правда, – сказал я, не обращая внимания на его оскорбительный тон. – Но лучше поздно, чем никогда. Вникая теперь в дело, я нахожу, что мой долг по отношению к монсеньеру не позволяет мне драться.

– Значит, вам нипочем нанесенный вам удар? Вы проглотите оскорбление? – воскликнул он, плюнув на пол в знак презрения. – Черт!

Лейтенант, стоявший рядом с ним, злорадно засмеялся.

– Я еще не решился, – сказал я.

– Ну так решайтесь скорее, Господи Боже мой! – ответил капитан с насмешкой и стал медленно расхаживать взад и вперед, играя своей шпагой. Боюсь, лейтенант, что сегодня нам не придется позабавиться, – продолжал он, обращаясь к лейтенанту, но так, чтобы я слышал. – У нашего петуха оказалось цыплячье сердце.

– Все-таки я не знаю, что мне делать, – спокойно отве-

тил я. – Конечно, погода сегодня превосходна, место выбрано очень удачно, солнце расположено очень хорошо. Но я мало выиграю, убив вас, капитан, и наоборот, это может поставить меня в большое затруднение. С другой стороны, я очень мало теряю, оставив вас в покое.

– В самом деле? – презрительно сказал он, глядя на меня так, как я глядел бы на лакея.

– Да, – ответил я, – если вы скажете, что ударили Жилия де Бери и остались невредимы, вам никто не поверит.

– Жилия де Бери! – воскликнул он, нахмурившись.

– Да, сударь, – вкрадчивым тоном ответил я. – К вашим услугам. Вы не знали моей фамилии?

– Я думал, что ваша фамилия де Барт, – сказал он.

Странно звучал при этом его голос. С разжатыми губами он ждал ответа, и в его глазах промелькнула тень, которой я раньше не замечал.

– Нет, – сказал я. – Это фамилия моей матери. Я назвался ею только здесь.

Его цветущие щеки утратили румянец, и он, закусив губу, с тревогой посмотрел на лейтенанта. Мне уже не раз приходилось видеть эти признаки, я их хорошо знал и теперь мог, в свою очередь, воскликнуть: «Цыплячье сердце!» Но я не хотел отрезать ему путь к отступлению.

– Я думаю, теперь вы согласитесь со мной, – сказал я, – что мне ничто не может повредить, если я даже не отплачу за оскорбление?

– Храбрость мосье де Бери известна, – пробормотал он.

– И не без основания, – добавил я. – А в таком случае не согласитесь ли вы отложить это дело, скажем, на три месяца, капитан? Такой срок для меня самый удобный.

Он поймал взгляд лейтенанта и затем мрачно уставился в землю. Конфликт, происходивший в его уме, был для меня ясен, как божий день. Ему стоило проявить немного упорства, и мне волей-неволей пришлось бы драться. Если бы, благодаря счастью или искусству, ему удалось одержать над мною победу, его слава, как волна по воде, пошла бы по всем городам Франции, где только стояли гарнизоны, и достигла бы даже самого Парижа. С другой стороны, он ясно осознавал, какая грозит ему опасность – ему уже рисовался холодный клинок в его груди, – а тут он видел для себя полную возможность отступить с честью, если не со славой. Я ясно читал все это на его лице, и, прежде, чем он раскрыл рот, я уже знал, что он скажет.

– Мне кажется, что это для вас же неудобно, – смущенно сказал он. – Я, со своей стороны, вполне удовлетворен.

– Очень хорошо, я мирюсь с этим неудобством, – ответил я. – Прошу у вас извинения за то, что заставил вас понапрасну раздеться; к счастью, сегодня очень тепло.

– Да, – мрачно ответил он и, сняв свое платье с солнечных часов, начал одеваться.

Итак, он выразил свое согласие, но я понимал, что в душе он был недоволен этим, и потому я несколько не удивился,

когда, секунду спустя, он отрывисто и почти грубо заявил:

– Но есть одна вещь, которую нам необходимо уладить здесь же;

– Вот как? – сказал я. – В чем же дело?

– Нам нужно выяснить наше взаимное положение, иначе через час мы снова столкнемся.

– Я вас не совсем понимаю, – сказал я.

– Я тоже этого не понимаю, – ответил он тоном какого-то угрюмого торжества. – Перед моим отправлением сюда мне сказали, что здесь находится господин с секретным поручением кардинала арестовать господина де Кошфоре, и мне было предписано избегать, насколько возможно, всякой коллизии с ним. Сначала я вас принял за этого господина. Но черт меня возьми, если я теперь могу разобрать, в чем дело!

– А именно? – спокойно спросил я.

– Дело в том... ну, да оно очень просто, – порывисто ответил он. Явились ли вы сюда в интересах мадам де Кошфоре, чтобы защитить ее мужа, или вы намерены арестовать его? Вот чего я не понимаю, мосье де Бери.

– Если вы желаете знать, агент ли я кардинала, то я действительно агент, – внушительно ответил я.

– Для поимки мосье де Кошфоре?

– Для поимки мосье де Кошфоре.

– Ну... вы удивляете меня, – сказал он.

Вот и все, им сказанное, но язвительный тон этих слов заставил всю мою кровь прихлынуть к лицу.

– Будьте осторожны, сударь, – строго сказал я. – Не полагайтесь особенно на то неудобство, с которым связана для меня ваша смерть!

Он пожал плечами.

– Я вас не хотел обидеть, – ответил он. – Но вы, кажется, не понимаете всей трудности нашего положения. Если мы теперь же не выясним этого вопроса, то будем сталкиваться друг с другом двадцать раз в день.

– Чего же вы, собственно, хотите? – нетерпеливо спросил я.

– Я хочу знать, как вы намерены действовать. Мне это необходимо выяснить для того, чтобы наши планы не противоречили один другому.

– Но это мое личное дело, – возразил я.

– Противоречие! – насмешливо заметил он и, видя, что я снова вспыхнул, поспешил сделать рукой успокоительный жест. – Простите, – продолжал он, вопрос заключатся единственно в следующем: как вы намерены отыскать его, если он здесь?

– Это опять-таки мое дело, – ответил я.

Он с отчаянием всплеснул руками, но в эту минуту его место было занято другим неожиданным спорщиком. Лейтенант, который все это время стоял возле капитана, слушая наш разговор и теребя свой седой ус, вдруг заговорил.

– Послушайте, мосье де Бери, – сказал он, без церемоний наступая на меня, – я не дерусь на дуэлях. Я – мелкая сошка.

Я доказал свою храбрость при Монтобане в двадцать первом году, и моя честь настолько не запятнана, что мне нет надобности отстаивать ее. Поэтому я говорю напрямик, и откровенно предложу вам вопрос, который господина капитана, без сомнения, тоже тревожит, но он не решается высказать его вслух: бежите ли вы заодно с зайцем или находитесь в стае гончих? Другими словами, остались ли вы только по имени агентом монсеньора и сделались союзником мадам, или... вы сами понимаете, что может быть другое: так сказать, стараетесь добраться до мужчины при помощи женщин?

– Негодяй! – закричал я с таким бешенством, что язык с трудом повиновался мне. – Как смеете вы? Как смеете вы заявлять, что я изменяю человеку, который мне платит?

Я думал, что он смутится, но он и ухом не повел.

– Я не заявляю, я только спрашиваю, – ответил он, стойко выдерживая мой взгляд и для большей выразительности стуча кулаком одной руки по ладони другой. – Я спрашиваю, для кого вы служите предателем: для кардинала или для этих двух женщин? Вопрос, кажется, довольно прост.

Я почти задыхался.

– Бесстыдный негодяй! – крикнул я.

– Тише, тише, – ответил он. – Брань на вороту не виснет! Но довольно об этом. Я теперь сам вижу, в чем дело. Господин капитан, идемте сюда на минутку!

Довольно изящным жестом он взял капитана под руку и

увел его на боковую аллею, оставив меня на солнцепеке. Я кипел от гнева и ярости. Негодный висельник! Подвергнуться оскорблениям со стороны такого субъекта и оставить его безнаказанным! В Париже я заставил бы его драться, но здесь это было невозможно.

Я еще не успокоился, когда они оба возвратились.

– Мы пришли к решению, – сказал лейтенант, дергая свой седой ус и выпрямившись, точно он проглотил шпагу. – Мы предоставим вам этот дом и его хозяйку. Можете, как вам угодно, искать беглеца. Что же касается нас, то мы удалимся в деревню со своими людьми и будем действовать по-своему. Вот и все! Не правда ли, господин капитан?

– Я думаю так, – пробормотал капитан, смотря куда угодно, только не на меня.

– В таком случае имеем честь кланяться, сударь! – прибавил лейтенант, снова взял товарища под руку и пошел с ним по дорожке по направлению к дому.

В манере, с какой они оставили меня, заключалось нечто столь оскорбительное, что в первую минуту после их ухода гнев у меня преобладал над прочими чувствами. Я думал о словах лейтенанта и говорил себе, что их не следует забывать, несмотря ни на что.

– Для кого я служу предателем: для кардинала или для этих двух женщин? Мой Бог! Если когда-либо вопрос... Но все равно, когда-нибудь я отомщу ему. А капитан? Его я во всяком случае со временем проучу. По всей вероятности,

среди провинциальных франтов Оша он слыл сорвиголовой, но когда-нибудь в одно прекрасное утро на уединенном месте, за казармами, я подрежу ему крылышки и собью ему спесь.

Но по мере того, как мой гнев остывал, меня начинал интересовать вопрос, куда они ушли и что они намерены делать. Что если они уже напали на след или получили какое-нибудь важное сведение? В таком случае мне было понятно их удаление. Но если они ничего еще не нашли и даже не знали, находится ли беглец по соседству; если они не знали, как долго им придется оставаться здесь, то я совершенно не мог допустить, чтобы солдаты без всякого мотива переменили хорошую квартиру на дурную.

Я медленно расхаживал по саду, раздумывая об этом и нервно сбивая шпагой головки цветов. Что если они в самом деле нашли и арестовали его? Не трудно ли будет мне тогда примириться с кардиналом? Но если я постараюсь предупредить их – а я имел основание думать, что для меня поимка беглеца была делом лишь нескольких часов, – то рано или поздно я должен буду стать лицом к лицу с мадемуазель.

Еще так недавно эта перспектива очень мало страшила меня. Начиная с первого дня нашего знакомства, и в особенности с того момента, когда она так отчитала меня в лесу, мое мнение о ней и мои чувства по отношению к ней представляли странную смесь вражды и симпатии; я питал к ней вражду, потому что вся ее прошлая и настоящая жизнь была

совершенно чужда мне, – и вместе с тем меня влекло к ней, потому что она была женщиной, и беззащитной. После этого я обманул ее и купил ее доверие, возвратив ей драгоценности, что до некоторой степени насытило мою жажду мести, но затем, как прямое последствие этого, симпатия к ней снова взяла перевес, так что я уже сам не знал, что чувствую и что намерен делать. Положительно, я не знал, что намерен делать.

Я стоял в саду, потрясенный мыслью, которая только что родилась в моем мозгу, как вдруг услышал ее шаги и, обернувшись, увидел ее перед собою.

Ее лицо напоминало апрель, улыбка сияла сквозь слезы. Ее фигура отчетливо выделялась на фоне желтых подсолнечников, и в эту минуту я был особенно поражен ее красотой.

– А я вас ищу, мосье де Барт, – сказала она, слегка покраснев, быть может, потому, что мое лицо явственно отразило восхищение. – Я должна поблагодарить вас. Вы не дрались и все-таки победили. Моя служанка только что явилась ко мне и сообщила, что они уходят отсюда.

– Уходят? – повторил я. – Да, мадемуазель, они покидают ваш дом.

Сдержанный тон, которым я произнес эти слова, удивил ее.

– Какое волшебное средство употребили вы? – спросила она почти веселым тоном: удивительно было, какую перемену произвела в ней надежда. – Кроме того, мне интересно

знать, каким образом вы избежали дуэли?

– После того, как подвергнулся оскорблению? – с горечью спросил я.

– Мосье, я не говорю этого, – с укоризной возразила она. Ее лицо затуманилось. Я понимал, что это соображение, до сих пор, может быть, действительно не приходившее ей в голову, еще усилило ее недоумение.

Я сразу решился.

– Вы слышали когда-нибудь, мадемуазель, – внушительно спросил я, ощипывая засохшие листья с кустика, подле которого стоял, – о человеке по фамилии де Бери? Он, кажется, известен в Париже под прозвищем «Черной Смерти».

– О дуэлянте? – переспросила она, с изумлением глядя на меня. – Да, я слышала о нем. Два года тому назад он убил в Нанси одного из наших молодых дворян. Ужасная история, – прибавила она, содрогаясь, – ужасный человек! Да хранит Бог наших друзей от встречи с ним!

– Аминь, – спокойно сказал я, но, несмотря на все усилия, не мог выдержать ее взгляда.

– Ну, так что же? – спросила она, встревоженная моим молчанием. Почему вы заговорили о нем?

– Потому что он теперь здесь, мадемуазель.

– Здесь! – воскликнула она. – В Кошфоре?

– Да, мадемуазель, – мой голос был тверд. – Это я!

Глава 10. Клон

– Вы! – воскликнула она голосом, который точно ножом полоснул мне по сердцу. – Вы, господин де Бери? Это невозможно!

Искоса взглянув на нее, я не мог прямо смотреть ей в лицо, но увидел, что кровь отхлынула от ее щек.

– Да, мадемуазель, – тихо ответил я. – Де Барт – фамилия моей матери. Явившись сюда, чужой для всех, я принял эту фамилию для того, чтобы меня никто не узнал, для того, чтобы ни одна женщина не боялась разговаривать со мною. Я... но для чего докучать вам всем этим? – прибавил я, возмущенный ее молчанием, ее отвернутым от меня лицом. – Вы спросили меня, мадемуазель, как мог я подвергнуться оскорблению и не смыть его кровью. Я дал вам ответ. Это привилегия Жиля де Бери.

– В таком случае, – ответила она почти шепотом, – будь я на вашем месте, я воспользовалась бы этим, чтобы уже никогда более не драться.

– Тогда я потерял бы всех своих друзей, и мужчин, и женщин, – холодно ответил я. – Надо следовать правилу монсеньора кардинала: управляй при помощи страха.

Она содрогнулась, и на мгновение воцарилось неловкое молчание. Тень от солнечных часов разделяла нас; в саду было тихо, и только время от времени с дерева падал лист. С

каждой секундой, в которую длилось это молчание, я чувствовал, что бездна, разделяющая нас, разрастается, и во мне зрело твердое решение. Я смеялся над ее прошлым, которое было так не похоже на мое; я смеялся над собственным прошлым и называл его судьбой. Я уже собирался отвернуться от нее с поклоном, затаив в груди целый вулкан, как вдруг мадемуазель заговорила.

– Вот осталась последняя роза, – сказала она с легким дрожанием в голосе. – Я не могу достать ее. Не будете ли вы любезны сорвать ее для меня, мосье де Бери?

Я повиновался, рука моя дрожала, лицо мое горело. Она взяла розу из моих рук и приколола ее у себя на груди. Я видел, что ее рука тоже дрожала при этом, и на щеках выступили темно-красные пятна.

Не говоря более ни слова, она повернулась и пошла к дому, но через несколько мгновений опять остановилась и сказала тихим голосом:

– Я не хочу быть к вам несправедливой во второй раз. И, наконец, какое я имею право судить вас? Час тому назад я сама охотно убила бы этого человека.

– Вы раскаялись, мадемуазель, – хриплым голосом сказал я, удивляясь, как я мог это произнести.

– А вы никогда не раскаиваетесь? – спросила она.

– Нет, раскаиваюсь, но слишком поздно, мадемуазель.

– Я думаю, что раскаяться никогда не бывает слишком поздно, – тихо ответила она.

– Увы, когда человек уже мертв...

– У человека можно отнять не только жизнь, – запальчиво возразила она, поднимая руку. – Разве вы ни разу не отнимали у мужчины... или женщины... честь? Разве вам никогда не случилось сделать несчастным юношу или девушку? Разве... но вы говорите об убийстве? Слушайте. Вы – католик, а я гугенотка и читала книги. «Не убивай» – сказано. Но «кто соблазнит одного из малых сих, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской».

– Мадемуазель, вы еще милостивы, – пробормотал я.

– Я сама нуждаюсь в милости, – ответила она со вздохом. – У меня было мало искушений. Разве я знаю, что вы сами вынесли?

– Или что я сделал, – добавил я.

– Если человек не лжет, не изменяет, не продает ни себя, ни других, тихим голосом продолжала она, – я, кажется, все прощу ему. Я скорее примирюсь с насилием, чем с обманом, – прибавила она с печальной улыбкой.

О, Боже! Я отвернул свое лицо для того, чтобы она не видела, как оно побледнело, для того, чтобы она не отгадала, до какой степени эти слова, сказанные ею из жалости, терзают мое сердце.

Первый раз в жизни, несмотря на сознание разделявшей нас бездны, я не почувствовал в себе силы совершить задуманное дело, я не сделался самим собою. Ее кротость, ее со-

страдание, ее смирение смягчили меня, прививая мне новые убеждения. Боже мой, мог ли я после этого сделать то, ради чего явился сюда? Мог ли я поразить ее в самое нежное место души? Мог ли я, причинив ей такое тяжкое зло, выносить ее взор, стоять перед нею, Калибан, Иуда, самое низкое, самое презренное существо?

Я стоял без слов, в смущении, потрясенный ее речами и своими мыслями. Так стоят люди, потерявшие все до последней монеты за игорным столом. Но затем, когда я обернулся к ней, мне показалось, что вся моя история разгадана ею, что ее взор проник в самую глубь моей души, несмотря на надетую мною маску. Ее лицо изменилось: оно было искажено неожиданным страхом.

Однако, взглядевшись внимательнее, я понял, что она смотрит не на меня, а куда-то мимо. Я с живостью обернулся и увидел слугу, бежавшего из дома по направлению к нам. Это был Луи. Его глаза блуждали, волосы растрепались, щеки ввалились от страха.

– Что такое? – воскликнула мадемуазель, прежде чем он успел приблизиться. – Говори скорее! Моя сестра? Она...

– Клон!.. – пролепетал он.

При этом имени она словно превратилась в камень.

– Клон? Что с ним? – пробормотала она.

– В деревне, – продолжал Луи заплетавшимся от страха языком. – Его секут. Его хотят засечь до смерти. Требуют, чтобы он рассказал.

Мадемуазель ухватилась за солнечные часы, чтобы не упасть. Ее щеки побледнели, и я уже думал, что она сейчас грохнется без чувств на землю.

– Рассказал? – машинально повторил я. – Но он не может рассказать. Ведь он нем.

– Они требуют, чтобы он повел их! – простонал Луи, хватаясь за волосы дрожащими руками. – Чтоб он показал дорогу!.. И его крики! О сударь, идите туда, идите туда! Спасите его! На весь лес слышны его крики! Ужас, ужас!

Мадемуазель тоже застонала, и я обернулся к ней, боясь, чтобы силы ей не изменили. Но с неожиданным усилением она выпрямилась и, быстро проскользнув мимо меня, с глазами, ничего не видевшими, пустилась бежать по садовой аллее к деревянному мосту.

Я бросился за нею, но все происшедшее так поразило меня, что я с большим трудом нагнал ее и, выбежав вперед, загородил ей дорогу.

– Пустите, – закричала она, силясь отстранить меня. – Пустите, я вам говорю! Я должна идти в деревню!

– Вы не пойдете туда, – внушительно сказал я. – Идите домой, мадемуазель, идите сейчас же домой.

– Но мой слуга! – завопила она. – Пустите меня! Пустите меня! Неужели вы думаете, что я могу остаться здесь, когда они пытаются его? Он не может говорить, а они... они...

– Идите назад, мадемуазель! – настойчиво повторил я. – Ваше присутствие только ухудшит дело. Я пойду сам, и, что

только возможно будет сделать одному против многих, я сделаю. Луи, возьми барыню под руку и отведи ее домой. Отведи ее к мадам.

– Но вы пойдете! – воскликнула она, и, прежде чем я успел остановить ее, – клянусь, я остановил бы ее, если бы только успел, – она схватила мою руку и поднесла ее к своим трепещущим губам. – Вы пойдете? Идите и остановите их! Остановите их, и Господь наградит вас!

Я не ответил и даже не оглянулся назад, переходя через луг. Но и впереди я ничего не видел. Я сознавал, что шел по траве, что впереди меня ждал лес, озаренный косыми лучами солнца; я сознавал, что позади меня высился замок, в окнах которого уже зажигались огоньки, но тем не менее я шел, как во сне. Сердце мое неистово билось, все мое тело горело, как в огне, и я не замечал ни дома, ни травы, ни темной каймы леса, а видел перед собою только взволнованное лицо мадемуазель и чувствовал прикосновение ее горячих губ к моим рукам. На мгновение я был опьянен, опьянен тем, чему столько времени был чужд, к чему мужчина может целые годы чувствовать презрение, пока это не сделалось для него недостижимым, опьянен прикосновением губ благородной женщины.

В таком состоянии души я прошел через деревянный мост, и мои ноги уже топтали полусухие лесные побеги, когда во мне совершился неожиданный перелом. Хриплый нечленораздельный звук, то низкий и глухой, то столь рез-

кий, что он, казалось, наполнял собою весь лес, стал проникать сквозь мои отуманенные чувства. Это был крик, повторявшийся каждые полминуты или около того и заставлявший мои волосы становиться дыбом; он звучал какою-то немой мукой, бессильной борьбой, безграничным страданием. Я, кажется, не баба и видал многое. Я присутствовал при обезглавливании Кончини, а десять лет спустя – при казни Шале, которому нанесли тридцать четыре раны; будучи десятилетним мальчиком, я однажды убежал из монастыря, чтобы присутствовать при том, как Равальяка разрывали лошади. Но ни одно из этих зрелищ не потрясло меня до такой степени, как эти страшные крики, которые я теперь слышал. Быть может, это происходило от того, что я был один и еще не оправился от впечатления, произведенного на меня видом мадемуазель. Весь лес потемнел в моих глазах, хотя солнце еще не село. С громким проклятием я бросился бежать, пока не увидел перед собой первые деревенские лачуги. Я снова услышал этот оглушительный вопль, и на этот раз до моего слуха явственно донесся свист бича, опускавшегося на истерзанное тело. Воображение нарисовало мне несчастного немого человека, дрожащего, извивающегося, бьющегося в путях. Через минуту я уже был на улице, и, когда раздался новый вопль, я обогнул угол гостиницы и увидел перед собою всех их.

Я не смотрел на него, но видел капитана Ларолля, лейтенанта, кольцо всадников и одного человека, который, засу-

чив рукава, расправлял пальцами ремни бича. С ремней капала кровь, и этот вид привел меня в бешенство. Вся ярость, которую мне пришлось подавить в себе несколько часов тому назад при дерзких словах лейтенанта, гнев, которым наполнило мою грудь отчаяние мадемуазель, нашли теперь выход. Я протиснулся через кольцо солдат и, ударив палача между плеч, так что он без чувств свалился на землю, обернулся к обоим начальникам.

– Дьяволы! – закричал я. – Как вам не стыдно? Ведь он немой! Немой, понимаете ли вы? И будь у меня хоть десять человек, я выгнал бы вас и всю вашу подлую команду палками из деревни. Посмейте еще раз ударить его, и я увижу, кто сильнее, кардинал или вы!

Лейтенант посмотрел на меня глазами, которые чуть не выскочили из орбит. Его усы задрожали. Некоторые из солдат положили руки на шпаги, но никто не сказал ни слова, и только капитан повысил голос.

– К чертям!.. К чертям!.. – закричал он. – Это что такое?.. С ума вы сошли!

– Сошел или нет, – яростно ответил я, – но посмейте ударить его еще раз, и вы раскаетесь в этом.

На мгновение воцарилось молчание. Они точно остолбенели. Затем, к моему удивлению, капитан расхохотался, расхохотался во все горло.

– Вот так герой! – сказал он. – Великолепно, господин странствующий рыцарь! Но вы, к сожалению, явились слиш-

ком поздно.

– То есть как это слишком поздно? – с недоверием спросил я.

– Да, слишком поздно, – повторил он с насмешливой улыбкой.

Лейтенант тоже оскалил зубы.

– К вашему несчастью, – продолжал капитан, – этот человек уже почти все рассказал нам. Мы хотели только угостить его еще разочек или два, чтобы оживить его память.

– Я не верю этому, – смело сказал я, но в душе я был смущен. – Он не может говорить.

– Да, и все-таки он сумел рассказать нам все, что нас интересовало. Наконец, он сам обещал повести нас, куда нам нужно, – насмешливо ответил капитан. – Бич – это такое средство, которое, если и не способно вернуть человеку язык, зато может придать ему сообразительность. И я имею основание думать, что он сдержит свое слово, – продолжал он с отвратительной улыбкой. – Во всяком случае, я должен предупредить его, что если он не сделает этого, то никакое ваше геройство не поможет ему. Это закоренелый бунтовщик, и известен он нам давно. Я исполосую его спину до самых костей, до самого сердца, и уж добьюсь своего, несмотря даже на ваше вмешательство, будь вы пр...

– Потихе, потихе, – сказал я, отрезвев: я видел, что он говорит правду. – Так вы говорите, что он согласен показать убежище господина де Кошфоре?

– Да, согласен, – ответил капитан. – А вы что-нибудь имеете против этого, господин шпион?

– Нет, ничего, – сказал я. – Но я пойду с вами. И если вы будете живы через три месяца, то за такие слова я вас убью позади казарм Оша, господин капитан.

Он побледнел, но ответил довольно смело:

– Не знаю, пойдете ли вы с нами. Это еще нас надо спросить.

– Я имею инструкции кардинала, – внушительно возразил я.

– Инструкции кардинала? – повторил он, взбешенный частым повторением этого слова. – Да пусть ваш кардинал...

Но лейтенант остановил его.

– Тс-с... – сказал он. – Простите, капитан, но речь – серебро, молчание – золото. Приказать людям строиться?

Капитан молча кивнул головой.

Лейтенант обернулся к пленнику.

– Возьмите его! – скомандовал он своим монотонным голосом. – Наденьте на него рубашку и свяжите ему руки. Вы, Поль и Лебрэн, стерегите его. Мишель, возьми с собою бич, иначе он позабудет его вкус. Сержант, отбери четырех расторопных парней, а остальных распусти по домам.

– Взять с собою лошадей? – спросил сержант.

– Не знаю, – сердито ответил капитан. – Что говорит этот негодяй?

Лейтенант подошел к несчастному.

– Послушай! – крикнул он. – Кивни головой, если захочешь сказать «да», и покачай ею, если захочешь сказать «нет!» И смотри, отвечай правду. Будет до того места больше мили расстояния?

Они ослабили веревки, которыми был скручен несчастный, и прикрыли его спину. Он стоял, прислонившись к стене, и тяжело дышал; по его впалым щекам катились крупные капли пота, его глаза были закрыты, и дрожь время от времени пробегала по его телу. Лейтенант повторил свой вопрос и, не получая ответа, вопросительно оглянулся на капитана. Капитан понял его взгляд.

– Отвечай, слышишь ты, скотина? – неистово закричал он и изо всей силы ударил хлыстом полубесчувственное существо по спине.

Эффект был магический. С криком страдания Клон мгновенно выпрямился, вытаращив глаза и судорожно дыша. Затем он снова прислонился к стене, и его рот исказился судорогой, а лицо покрылось свинцовой бледностью.

– Черт возьми! – пробормотал капитан. – Мы, кажется, слишком далеко зашли с ним.

– Принесите вина! – скомандовал лейтенант. – Скорее!

Весь горя негодованием, я смотрел на эту сцену. Но к моему негодованию примешивалось и другое чувство. Если Клон, думал я, поведет их к тому месту, где прячется господин де Кошфоре, и им удастся захватить его, то это знаменует собой конец тому делу, в котором я участвовал. Я мог

сбрызнуть его с плеч и оставить деревню, когда мне будет угодно. Я мог надеяться, что кардинал, достигнув своей цели, хотя и помимо меня, не откажет мне в помиловании, и, соображая все это, я раздумывал, не лучше ли, чтобы мадам не узнала всей правды. Предо мною пронесся образ исправившегося Бери, чуждого игре и Затону и, быть может, завоевывающего себе имя в итальянской войне, а потом... Фи!.. Какие глупости!..

Как бы то ни было, какой бы оборот ни приняло дело, для меня было существенно важно присутствовать при захвате де Кошфоре. Я терпеливо ждал, пока они оживляли свою полумертвую жертву и готовились к выступлению.

Все это заняло довольно много времени, так что солнце уже зашло и на землю надвигался вечерний сумрак, когда мы выступили в путь: Клон впереди, поддерживаемый двумя своими стражами, а мы с капитаном – сзади, голова в голову, подозрительно глядя один на другого; лейтенант с сержантом и пятью драгунами замыкали шествие. Клон медленно продвигался вперед, время от времени издавая стоны, и, если бы его не поддерживали солдаты, давно упал бы на землю.

Он прошел мимо двух смежных с гостиницей домов и направился по узенькой, едва заметной тропинке, которая тянулась позади деревенских домиков и затем углублялась в самую глухую и дикую часть леса. Один человек, пробравшийся когда-нибудь через чащу, мог проложить этот след, или, может быть, эту тропинку проложили свиньи, дети...

Это была первая мысль, пришедшая нам в голову, и она побудила нас быть настороже. Капитан нес в руке пистолет со взведенным курком, я же обнажил шпагу, и чем темнее становилось в лесу, тем осторожнее мы подвигались вперед, пока наконец, чуть не споткнувшись от неожиданности, не очутились на более широкой и светлой дороге.

Я оглянулся кругом и, увидев позади себя вереницу елей, а впереди деревянный мост и большой луг, закутанный серым холодным ночным сумраком, остановился с изумлением. Мы были на хорошо мне знакомой дороге к замку. Я содрогнулся при мысли, что он ведет нас туда, в самый дом, к мадемуазель...

Капитан также узнал место и издал громкое проклятие. Но немой, не обращая на нас внимания, продолжал идти вперед, пока не достиг деревянного мостика. Тут он остановился и посмотрел на темные очертания дома, едва различаемые в темноте, и на слабый свет, печально мерцавший в западном флигеле. Когда мы с капитаном подошли к нему, он поднял руки, как будто ломая их.

– Берегись! – зарычал на него капитан. – Не вздумай над нами шутить.

Он не успел закончить фразы, потому что Клон, словно поняв его нетерпение, отвернулся от моста и, углубившись в лес, тянувшийся по левую руку, стал взбираться на высокий берег потока. Мы не прошли и ста шагов, как почва сделалась ухабистой и густо поросшей кустарником. Тем не ме-

нее через эту растительность тянулось нечто вроде тропинки, дававшей нам возможность пробираться вперед.

Скоро берег, по которому мы шли, сделался круче. Мы повернули в сторону там, где поток делал искривление, и очутились у начала темного и крутого оврага. На дне его kloкотал поток, бежавший по камням и рытвинам. Впереди нас вздымался высокий утес, а на половине расстояния между вершиной и оврагом тянулась узкая терраса, смутно видимая в полумраке.

– Держу десять против одного, что тут будет пещера, – пробормотал капитан. – Иначе и быть не может.

– Не особенно приятный сюрприз, – усмехнулся я. – Здесь один человек с успехом может защищаться против десяти.

– Если у этих десяти нет пистолетов, – ответил он. – Но вы видите, у нас есть пистолеты. Что, он сюда и идет?

Он действительно шел туда. Как только это обнаружилось, Лароль обернулся к своему товарищу.

– Лейтенант, – сказал он, понизив голос, хотя поток, бурливший внизу, заглушал речь, – что вы скажете на это? Зажечь фонари или воспользоваться остатками дня?

– Да, я думаю, лучше будет поспешить вперед, пока еще что-нибудь видно, господин капитан, – ответил лейтенант. – Толкайте его в спину, если он устанет. Ручаюсь вам, – прибавил он с усмешкой, – что у него еще осталось одно или два чувствительных места.

Капитан отдал приказ, и мы двинулись дальше. Теперь бы-

ло очевидно, что тропинка, тянувшаяся к утесу, была нашим назначением. Несмотря на камни и кусты, тропинка была явно видна, и хотя Клон шел очень медленно, поминутно издавая громкие стоны, минуты через две мы уже вступили на нее. Она оказалась не столь опасной, как представлялась издали. Правда, терраса, покрытая травой, имела легкий наклон в сторону и в некоторых местах была очень скользка, но она была широка, как большая дорога, и возвышалась над водой не более, как на тридцать футов.

– Ну, я думаю, теперь он в наших руках, – сказал капитан Ларолль, крутя свои усы и оглядываясь вокруг, чтобы сделать последние распоряжения. – Поль и Лебрен, смотрите, чтобы ваши люди не производили шума. Сержант, ты ступай со своим карабином вперед, но смотри, не стреляй без команды. Вы, лейтенант, подойдите ближе. Ну, теперь вперед!

Мы прошли около ста шагов и, повернув направо, увидели перед собою маленькое ущелье, черневшее в сером сумраке, заволакивавшем весь утес. Пленник остановился и, подняв обе руки, указал на него.

– Здесь, – прошептал капитан, торопливо пробираясь вперед. – Это и есть то место?

Клон кивнул головой. Голос капитана дрожал от волнения.

– Поль и Лебрен останутся здесь с пленником, – тихо сказал он. Сержант пойдет со мною вперед. Ну, готовы вы? Вперед!

По этой команде сержант и он поспешно направились вперед по обе стороны Клона и его конвойных. Здесь тропинка несколько суживалась, и капитан проходил по наружному ее краю. Глаза всех, кроме одного, были обращены на темное ущелье: все мы чего-то ждали – неожиданного нападения или выстрела отчаянного человека, и никто точно не разглядел, каким образом все это произошло. Во всяком случае, когда капитан поравнялся с Клоном, последний, оттолкнув в сторону конвойных, обхватил своими несвязанными руками тело капитана и с громким криком потащил его к краю пропасти. Все это произошло в один момент. Пока мы сообразили, в чем дело, они оба уже очутились на краю пропасти, вырисовываясь в ночном сумраке в виде нераздельной темной формы. Сержант, который первый опомнился, поднял свой карабин, но так как оба противника быстро кружились, – капитан пытался вырваться и выкрикивал громкие проклятия и угрозы, а Клон был нем, как смерть, – то сержант не мог разобрать, где начальник и где Клон, и вынужден был снова опустить свое ружье. Остальные же в испуге не двигались с места.

Этот момент нерешительности имел роковые последствия. Длинные руки Клона крепко стиснули руки капитана, прижав их к ребрам; его гибкие члены обвились вокруг тела врага, как кольца змеи. Ларолль был обессилен.

– Черт вас всех возьми! Отчего вы не поможете? – закричал он. – О, Господи! – сорвался последний крик с его уст.

Лейтенант, выйдя из нерешительности, бросился к ним, но в это мгновение оба борца опрокинулись в пропасть и исчезли.

– Мой Бог! – воскликнул лейтенант, и ответом ему был громкий плеск, послышавшийся снизу.

Старый солдат всплеснул руками.

– Вода! – сказал он. – Скорее, ребята, ступайте вниз! Быть может, мы еще спасем его!

Но вниз не было тропинки, была уже ночь, и люди устали. Надо было еще зажечь фонари и найти дорогу. Таким образом, когда мы достигли черного омута, находившегося внизу, последние пузырьки уже давно исчезли с поверхности воды, последние волны уже давно разбились о берег. При желтом свете фонаря мы видели лишь шляпу, плававшую на поверхности, а недалеко от нее – перчатку, наполовину затонувшую в воде. Это было все. Предсмертное объятие немого не знало пощады, его ненависть была чужда страху.

Я слышал впоследствии, что, когда на следующий день их обоих вытащили из воды, пальцы Клона находились в глазных орбитах капитана, его зубы вонзились в горло врага. Если кто-либо находил сладкую смерть, то это именно он.

Когда мы медленно отвернулись от черной воды, одни содрогаясь, другие творя крестное знамение, – лейтенант посмотрел на меня.

– Черт вас возьми! – с гневом сказал он. – Вы, наверное, рады!

– Он заслужил это, – холодно ответил я. – С какой стати я буду притворяться опечаленным? Не все ли равно, теперь или через три месяца? А за того несчастного я рад.

Он некоторое время не сводил с меня своего дышавшего злобой взора.

– С удовольствием я связал бы и высек вас, – сказал он наконец сквозь зубы.

– Довольно вам будет и одного на сегодняшний день, – возразил я. – Вот что бывает, – презрительно продолжал я, – когда всяких проходимцев делают офицерами. Собаке всегда хочется крови. Погонщик должен хлестать кого-нибудь, если не может хлестать лошадей.

Мы уже достигли деревянного моста, когда я произнес эти слова. Он остановился.

– Хорошо же, – сказал он, кивая головой. – В таком случае я знаю, что мне делать. Сержант, посвети мне. Остальные – марш по квартирам в деревню! Ну, господин шпион, – продолжал он, глядя на меня, – куда вы пойдете, туда и я. Я теперь знаю, как испортить вашу затею!

Я презрительно пожал плечами, и мы втроем – сержант впереди с фонарем в руке, я и лейтенант позади – перешли через луг и миновали калитку, где мадемуазель поцеловала мне руку. Я со смущением спрашивал себя, что такое он задумал, но свет фонаря, освещавший нам дорогу и вместе с тем падавший на его лицо, не открывал мне в этом лице ничего, кроме упорной враждебности. Он прошел до самого

конца аллеи, собираясь войти в главную дверь замка, но я увидел на каменной скамье у стены белое платье и направил свои шаги в ту сторону.

– Мадемуазель! – тихо позвал я. – Это вы?

– Клон? – дрожащим голосом спросила она. – Что с ним?

– Он теперь недоступен для страданий, – мягко ответил я. – Он умер! Да, умер, мадемуазель, но умер так, как он сам желал. Утешьтесь, мадемуазель.

Она заглушила рыдание, и, прежде чем я успел еще что-нибудь сказать, лейтенант и сержант с фонарем были подле нас. Он грубо поздоровался с мадемуазель. Она с дрожью отвращения посмотрела на него.

– Вы пришли сюда, чтобы и меня пытаться? – запальчиво сказала она. – Вам недостаточно, что вы убили моего слугу?

– Наоборот, это ваш слуга убил моего капитана, – ответил лейтенант совершенно не тем тоном, как я ожидал. – Если вы лишились вашего слуги, то я лишился своего товарища.

– Капитана Лароля? – пролепетала она, устремив испуганный взор не на него, а на меня.

Я кивнул.

– Как это случилось? – спросила она.

– Клон сбросил капитана... и себя самого в реку, – сказал я.

Она слегка вскрикнула от ужаса и затем умолкла. Но ее губы шевелились, и, я думаю, что она молилась за Клона, хотя и была гугеноткой. Меня между тем объял страх. Фонарь,

болтавшийся в руке сержанта и бросавший свой дымный свет то на каменную скамью, то на стену дома над нею, показал мне еще кое-что. На скамье – несомненно там, где раньше лежала рука мадемуазель, когда бедная девушка, прислушиваясь, сторожа и содрогаясь, сидела одна в темноте, – стоял кувшин, наполненный пищей. Рядом с нею, в таком месте и в такой час, он представлял явную улику, и я боялся, чтобы лейтенант или его подчиненный не заметили его. Но через мгновение мне было не до этого. Лейтенант заговорил, и его речь была моим осуждением. У меня зашекетало в горле, когда я услышал эти слова, и мой язык прилип к гортани. Я пытался посмотреть на мадемуазель, но не мог.

– Это правда, что капитан наш умер, мадемуазель, – сказал он глухим голосом, – но другие остались живы, и об одном из них я, с вашего позволения, скажу вам несколько слов. Я много слышал за последнее время речей от этого важного господина, вашего друга. Последние сутки он то и дело говорил нам: «Вы должны» и «Вы не должны». Сегодня он явился от вас и в очень надменном тоне говорил с нами из-за того, что мы немного постегали вашего немого слугу. Он ругал нас последними словами, и, если бы не он, быть может, мой друг еще был бы жив. Но когда он несколько минут тому назад сказал мне, что он рад... рад смерти моего друга... черт!.. Я решил в душе, что так или иначе, я расквитаюсь с ним. И я расквитаюсь!

– Что вы хотите этим сказать? – спросила мадемуазель,

прерывая его. Если вы думаете, что можете восстановить меня против этого господина...

– Вот это именно я и хочу сделать. И даже более того...

– Вы понапрасну теряете слова, – возразила она.

– Подождите, подождите, мадемуазель, – ведь вы еще не выслушали меня, – ответил он. – Клянусь вам, что если когда-либо ступал по земле гнусный предатель, презренный шпион и обманщик, то это он. И я сейчас изобличу его. Ваши собственные глаза и уши пусть докажут вам. Я не выскательный человек, но я не ел бы, не пил, не сидел в обществе этого человека. Скорее я принял бы услугу от самого последнего солдата моего эскадрона, нежели от него!

И с этими словами лейтенант, круто повернувшись на каблуках, плюнул на землю.

Глава 11. Арест

Вот когда беда стряслась надо мною, и не было никакого спасения. Сержант разделял нас, так что я не мог ударить лейтенанта. А слов у меня не нашлось. Двадцать раз я думал о том, как я открою свою тайну мадемуазель, что я скажу ей и как она примет это, но всегда я рассчитывал на это объяснение, как на мой добровольный акт: я сам хотел разоблачить перед нею свою тайну, сказать ей все с глазу на глаз. Но в данном случае разоблачение было вынужденным и происходило при свидетелях. Я стоял теперь немой, уличенный, горя от стыда под ее взором, как... как я и заслуживал.

И тем не менее, если что и могло меня ободрить, так это голос мадемуазель, когда она ответила ему.

– Продолжайте, сударь, – спокойно сказала она. – Чем скорее вы кончите, тем лучше.

– Вы не верите мне? – вскричал он. – Да посмотрите на него! Посмотрите на него! Если когда-либо стыд...

– Сударь, – отрывисто сказала она, не глядя на меня, – мне самой стыдно за себя.

– Но вы раньше выслушайте меня, – с горячностью возразил лейтенант. Ведь даже имя, которым он прикрывается, не принадлежит ему. Он вовсе не Барт. Он – Бери, игрок, дуэлянт, кутила, который...

Но она опять прервала его.

– Я знаю это, – холодно сказала она. – Я знаю, и если вы больше ничего не Можете сообщить мне, так ступайте, сударь! Ступайте, сударь, продолжала она тоном бесконечно-го пренебрежения, – и знайте, что теперь вы заслужили мое презрение, как раньше – мое негодование.

Он посмотрел на нее, немного опешив, но с каким-то упрямым торжеством продолжал:

– Нет, я могу еще кое-что сообщить вам. Я забыл, что все, сказанное мною, имеет для вас мало значения. Я забыл, что человек, владеющий шпагой, всегда неотразим для женского сердца. Но я могу еще кое-что рассказать вам. Знаете ли вы, что он находится на службе у кардинала? Знаете ли вы, что он явился сюда с тем же самым поручением, которое и нас привело сюда, арестовать господина де Кошфоре? Но между тем как мы делаем свое дело открыто, как повелевает нам наша воинская честь, он вкрадывается в ваше доверие, втирается в дружбу мадам, подслушивает у ваших дверей, следует за вами по пятам, стережет каждое ваше движение в надежде, что вы как-нибудь выдадите себя и вашего брата. Знаете ли вы все это? Знаете ли вы, что вся его дружба – ложь, услуги – ловушки, которыми он старается завлечь вас? А его цель – плата за поимку человека. Деньги за кровь, – понимаете ли вы? продолжал лейтенант, указывая на меня пальцем и до того увлеченный гневом, что я невольно оробел перед ним. – Вы только что говорили, сударыня, о презрении ко мне, но что же в таком случае вы чувствуете к нему, – что вы

должны чувствовать к этому шпиону, предателю, наемному изменнику? И если вы сомневаетесь в моих словах, если вы желаете доказательств, то посмотрите на него. Посмотрите только на него, говорю я.

С полным правом он мог это сказать, потому что я стоял безмолвно, снедаемый отчаянием, злобой и ненавистью. Но мадемуазель не смотрела на меня: она по-прежнему не сводила глаз с лейтенанта.

– Вы кончили? – спросила она.

– Кончил ли я? – пролепетал он с таким видом, как будто только что упал с неба на землю. – Кончил ли я? Да, если вы верите мне, то я кончил.

– Я не верю, – гордо ответила она. – Если это все, то можете не продолжать, сударь. Я не верю вам!

– Тогда скажите мне! – воскликнул он через секунду, придя в себя от удивления. – Скажите мне следующее: если он не был заодно с нами, с какой же стати мы оставляли его в покое? С какой стати мы позволяли ему жить в этом доме, издеваться над нами, мешать нам, надоедать нам, каждую минуту принимать вашу сторону?

– У него есть шпага, – с презрением ответила она.

– К чертям! – воскликнул он, ломая свои пальцы от бешенства. – Мы боялись его шпаги? Нет, это потому, что у него было предписание кардинала, – потому что у него была одинаковая с нами власть. Это потому, что у нас не было выбора.

– А если так, то почему вы теперь выдаете его? – спросила она.

Он произнес громкое проклятие, чувствуя, что получил меткий удар.

– Вы, должно, быть не в своем уме, – сказал он, вытаращив на нее свои глаза. – Неужели вы не видите, что я говорю правду? Посмотрите на него! Посмотрите на него, я говорю! Выслушайте его! Отчего он сам ничего не говорит в свою защиту.

Она все еще не смотрела на меня.

– Уже поздно, – холодно ответила она. – И мне нездоровится. Если вы кончили, – быть может, вы оставите меня, сударь?

– О Боже! – воскликнул он, пожимая плечами и скрежеща зубами в бессильной ярости. – Вы совсем с ума сошли! Я вам сказал правду, а вы не верите ей. Но теперь будь, что будет, мадемуазель. Больше мне нечего сказать. Теперь вы сами увидите!

И, не говоря больше ни слова, он поклонился ей, повернулся и пошел по дорожке. Сержант последовал за ним, размахивая фонарем. Мы остались одни. Лягушки квакали в пруду, летучая мышь кружилась вокруг нас; дом, сад – все дышало ночным безмолвием, как и в ту ночь, когда я в первый раз пришел сюда.

Как бы я желал никогда не являться сюда – таков был крик моего сердца. Как бы я желал никогда не видеть этой жен-

щины, благородство и доверчивость которой заставляли меня гореть от стыда. Этот грубый, жестокий солдат, который только что ушел, и тот имел сердце, чтобы чувствовать мою низость, и нашел слова, чтобы проклясть меня. Что же в таком случае сказала бы она, если бы знала всю правду? Кем бы я тогда был в ее глазах? Как она будет вспоминать обо мне в течение всей своей жизни?

Если бы знала, говорю я. Ну а теперь? Что она думала в этом момент, когда молча, погруженная в раздумье, стояла около каменной скамьи, отвернув от меня свое лицо? Вспоминала ли она слова лейтенанта, подгоняя к ним факты прошедшего, присоединяя то или другое обстоятельство? Не начинала ли она видеть меня в настоящем свете? Эта мысль мучила меня. Я не мог оставаться в неизвестности. Я подошел к ней и тронул ее за рукав.

– Мадемуазель, – сказала я голосом, который звучал хрипло и неестественно для меня самого. – Вы верите этому?

Она вздрогнула и повернулась ко мне.

– Простите, – пролепетала она, проводя рукою по лбу. – Я забыла, что вы здесь. Верю ли я... чему?

– Тому, что этот человек сказал про меня, – пояснил я.

– Он? – воскликнула она и затем странно посмотрела на меня. – Верю ли я этому, сударь? Слушайте, – порывисто продолжала она. – Идемте со мною, и я вам покажу, верю ли я.

Говоря это, она повернулась и вошла в дом через полуот-

крытую дверь гостиной. В комнате было темно, но она смело взяла меня за руку и повела по коридору, пока мы не достигли ярко освещенного зала, где в очаге весело пылал огонь. Все следы недавнего пребывания солдат исчезли. Но комната была пуста.

Она подвела меня к очагу и здесь, превратившись из туманной фигуры, которую представляла в темном саду, в живую, красивую женщину с чувственными губами, с блестящими глазами, с ярким румянцем на щеках и сильно вздымавшейся грудью, – сказала мне дрожавшим голосом:

– Верю ли я этому? Я вам скажу! Мой брат скрывается в хижине за стогом сена, в четверти мили от деревни по Ошской дороге. Теперь вы знаете то, что неизвестно никому, за исключением меня и мадам. В ваших руках находится его жизнь и моя честь, и теперь вы знаете также, господин де Бери, верю ли я этой сказке.

– Боже мой! – воскликнул я и, не будучи больше в состоянии вымолвить ни слова, молча глядел на нее, пока ужас, светившийся в моих глазах, не сообщился и ей. Она задрожала и отступила от меня.

– Что такое? Что такое? – прошептала она, ломая себе руки.

Румянец покинул ее щеки, и она пугливо оглянулась кругом.

– Здесь никого нет?

Я весь дрожал, как в лихорадочном припадке.

– Нет, мадемуазель, здесь никого нет, – ответил я и поник головою на грудь, изображая статую отчаяния.

Будь у нее хоть капля подозрения, хоть капля недоверия, мой вид должен был открыть ей глаза. Но ее ум и душа были так благородны, что, однажды раскаявшись в дурных мыслях, она уже была совершенно недоступна сомнению. Веря, она доверялась человеку безусловно.

– Вы не здоровы? – спросила она вдруг. – Вас беспокоит ваша старая рана? Я угадала, сударь?

– Да, мадемуазель, вы угадали, – чуть слышно ответил я.

– Я позову Клона, – вскричала она. – Ах, бедный Клон!.. Его уж нет... Но здесь Луи. Я позову его, и он даст вам что-нибудь.

Прежде чем я успел остановить ее, она вышла из комнаты, а я в изнеможении прислонился к столу. Тайна, для раскрытия которой я зашел так далеко, была наконец моя. Я мог теперь отворить дверь, выйти среди ночи из дома и воспользоваться своим знанием. И все-таки я чувствовал себя несчастнейшим из смертных. Пот выступил у меня на лбу; мой взор растерянно блуждал по комнате. Я повернулся к выходу, одержимый безумной мыслью бежать, – бежать от нее, бежать из этого дома, бежать от всего.

Я даже сделал шаг к двери, как вдруг послышался стук. На этот стук отозвалась каждая клеточка моего тела, я вздрогнул и остановился. Несколько секунд я неподвижно стоял посреди комнаты и глядел на дверь, словно передо мною

явилось привидение. Затем, довольный помехою, довольный тем, что я могу чем-нибудь облегчить напряженное состояние моих чувств, я подошел к двери и распахнул ее.

На пороге озаренный ярким светом очага, падавшим из-за меня, стоял один из моих слуг, которых я привез с собою из Парижа. Он тяжело дышал, очевидно, после быстрого бега. Увидев, он схватил меня за рукав.

– Ах сударь! – воскликнул он. – Скорее! Идите скорее, не теряйте ни минуты, и вы еще можете их предупредить! Они нашли его! Солдаты нашли его!

– Нашли его? – повторял я. – Господина де Кошфоре?

– Нет, но они знают место, где он прячется. Они случайно узнали. Лейтенант собирает своих людей, а я тем временем побежал сюда. Если мы поспешим, можем прийти раньше их.

– Но где это? – спросил я.

– Я не мог расслышать, – прямо ответил он. – Надо следить за ними и в последний момент вмешаться. Это единственный способ.

Пара пистолетов, которые я отнял у кудлатого парня, лежали на полке, недалеко от дверей. Не медля более, я схватил их, надвинул на голову шляпу, и через мгновение мы уже бежали по саду. У калитки я оглянулся и увидел яркую полосу света, льющегося из двери, которую мы оставили открытой; мне показалось, что на этом освещенном пространстве промелькнула темная фигура. Это еще более укрепило

мое решение: я должен быть первым, должен предупредить беглеца. И, думая только об этом, я ускорял свой бег.

В несколько секунд мы пересекли луг и очутились в лесу. Но тут вместо того, чтобы держаться обычной дороги, я смело свернул на узенькую тропинку, по которой водил нас Клон. Мои чувства, казалось, получили сверхъестественную остроту. Не сбиваясь с пути, инстинктивно избегая пней и ям, я бежал по этой тропинке, следуя всем ее изгибам и поворотам, пока мы не достигли задней стены гостиницы. Тут мы услышали ропот сдержанных голосов, тихие, но резкие слова команды, бряцание оружия и сквозь вереницу домов увидели неясное мерцание фонарей и факелов.

Я схватил своего слугу за руку, и мы присели на землю, прислушиваясь. Расслышав то, что мне было нужно, я спросил его на ухо:

– Где твой товарищ?

– Он с ними, – был ответ.

– В таком случае идем, – сказал я, поднимаясь с места. – Больше мне ничего не нужно. Идем!

Но он схватил меня за руку и удержал.

– Вы не знаете дороги, – сказал он. – Успокойтесь, сударь, успокойтесь. Не надо спешить. Они ведь только выступают. Будем лучше следовать за ними и вмешаемся, когда придет время. Пусть они покажут нам путь.

– Идиот! – сказал я, отстраняя его руку. – Я сам знаю, где он. Я знаю, куда они идут. Идем и сорвем плод, прежде чем

они доберутся до него.

Его ответом было восклицание удивления. В этот момент огни заколыхались. Лейтенант подал команду к выступлению. Луна еще не взошла, небо было серо и облачно; двинуться с того места, где мы стояли, значило окунуться в океан мрака. Но мы и так потеряли много времени напрасно, и я не медлил более. Приказав своему товарищу следовать за мною и не отставать, я перепрыгнул через низкую изгородь, которая была перед нами, и затем, поминутно спотыкаясь в темноте на неровной почве и иногда даже падая, я добрался до маленькой канавы с отвесными стенами. Смело перепрыгнув и через нее, я, задыхаясь и изнемогая, добежал наконец до дороги, опередив шагов на пятьдесят лейтенанта и его солдат.

У них было только два фонаря, и мы были за пределами их света, между тем как топот многих ног заглушал производимый нами шум. Таким образом, мы не рисковали быть открытыми и что было мочи пустились бежать по дороге. К счастью, они больше заботились о тишине, чем о поспешности, и через минуту расстояние, разделявшее нас, удвоилось, а через две – их фонари казались лишь неясными искорками, мерцавшими в темноте. До нас даже не доносился топот их ног. Тогда я стал оглядываться по сторонам и подвигаться вперед более медленно, чтобы не пропустить стог сена.

С одной стороны дороги почва круто поднималась вверх, образуя холм, с другой – спускалась к реке. Ни тут, ни там

не было деревьев: иначе наши затруднения были бы гораздо серьезнее. Таким образом, я очень скоро без труда различил стог сена, вздымавшийся в виде черной громады на более светлом фоне холма.

Мое сердце сильно забилося, но теперь не время было думать. Приказав человеку следовать за мною и быть наготове на всякий случай, я с пистолетом в руке ощупью отыскал дорогу к задней стороне стога, думая найти здесь шалаш и в нем де Кошфоре. Но там ничего не оказалось, и благодаря тому, что мы отделились от дороги, сделалось так темно, что я впервые понял всю трудность задуманного мною дела. Шалаш за стогом сена! Но как далеко? Как далеко от стога? Над нами высился темный, бесконечный, неясный холм. Взбираться на этот холм в поисках крошечного шалаша, быть может, так хорошо скрытого, что и при свете дня его трудно заметить, было столь же отчаянным предприятием, как и отыскать иголку в стоге сена. А пока я стоял, овеваемый холодным ночным ветром, полный сомнений и отчаяния, на дороге послышался топот ног – солдаты подходили ближе.

– Господин капитан! – прошептал сзади мой человек, удивленный моей неподвижностью. – Куда же мы пойдем? Нам надо спешить, иначе они настигнут нас.

Я силился что-нибудь придумать, сообразить, где должен находиться шалаш, но минута была слишком критическая, и никакая мысль не приходила мне в голову. Наконец я сказал наудачу:

– Наверх! Идем наверх!

Он не медлил, и мы пустились бежать в гору, потя от чрезмерных усилий и слыша, как приближается отряд, маршировавший внизу по дороге. Несомненно, они точно знали, куда идти. Пройдя шагов пятьдесят или около того, мы вынуждены были остановиться, и, оглянувшись, я увидел их фонари, мерцавшие в темноте, подобно светлякам; я слышал даже бряцание их шпаг. Я приходил к заключению, что шалаш находится внизу и что мы отдаляемся от него. Но теперь было поздно возвращаться назад – они были уже у стога – и, охваченный отчаянием, я снова обернулся к холму. Пройдя шагов десять, я споткнулся и упал. Поднявшись на ноги, я снова пустился вперед, но тотчас снова споткнулся. Тут только я понял, что иду по ровной земле. И что это такое передо мной? Вода или какой-то мираж?

Ни то ни другое. Я схватил своего спутника за руку, как только он поравнялся со мною, и остановил его. Перед нами была впадина, и там виднелся свет, который вырывался из какого-то отверстия и дрожал в ночной мгле, точно бледный фонарь сказочного гнома. Он сам был виден, но не освещал кругом ничего; это была просто искорка света на дне черной котловины. Тем не менее я сразу воспрянул при виде него: я понял, что наткнулся именно на то, что искал.

При обыкновенных обстоятельствах я тщательно обдумал бы свой следующий шаг и осторожно приступил бы к его выполнению. Но здесь некогда было думать; не было времени

откладывать. Я спустился по крутизне холма и, как только стал ногой на дно ямы, подскочил к двери маленького шалаша, откуда проникал наружу свет. Второпях моя нога подвернулась на камне, и я упал на колени на пороге хижины. Благодаря этому падению, я очутился лицом к лицу с человеком, который лежал в шалаше на куче папоротника.

Он был погружен в чтение. Испуганный произведенным шумом, он бросил книгу и протянул руку к оружию. Но я успел предупредить его и навел на него дуло своего пистолета. Из той позы, в которой я застиг его, ему было трудно встать с места. С громким восклицанием досады он опустил руку. Огонек, сверкавший в его глазах, уступил место вялой улыбке, и он пожал плечами.

– Хорошо! – сказал он с удивительным самообладанием. – Поймали наконец! Ну что же, мне уже надоела эта история.

– Вы мой пленник, господин де Кошфоре, – ответил я. – Пошевелите рукой, и я вас убью. Но у вас есть еще выбор.

– В самом деле? – спросил он, поднимая брови.

– Да. Мне предписано доставить вас в Париж живым или мертвым. Дайте мне слово, что вы не сделаете попытки к бегству, и вы отправитесь туда на свободе и как подобает дворянину. Откажетесь, – я вас обезоружу, свяжу и отправлю, как пленника.

– Сколько вас? – коротко спросил он.

Он продолжал лежать на локте, покрытый своим плащом, и маленький томик Маро лежал недалеко от него на полу. Но

его пронзительные черные глаза, которые еще резче выделялись на бледном и худощавом лице, испытующе смотрели через мое плечо, на ночной мрак, окружавший его хижину.

– Достаточно, чтобы силой принудить вас к повиновению, – внушительно ответил я. – Но это еще не все. Тридцать драгунов в настоящее время взбираются на холм с целью захватить вас, и они уж не сделают вам подобного предложения. Сдайтесь мне, прежде чем они подоспеют, и я сделаю все возможное, чтобы предоставить вам облегчение. Промедлите, и вы попадете к ним в руки. У вас нет выхода.

– А вы удовольствуетесь моим словом? – медленно спросил он.

– Я оставлю при вас ваши пистолеты, господин де Кошфоре.

– Но я должен, по крайней мере, знать, что вы не один.

– Я не один.

– В таком случае даю вам слово, – сказал он со вздохом. – И, ради Бога, достаньте мне немного пищи и постель. Мне уже надоел этот свиной хлев. Мой Бог! Уже две недели, как я не знаю простынь!

– Вы можете сегодня ночевать в вашем доме, если вам угодно, торопливо продолжал я. – Но они уже подходят. Будьте добры ждать меня здесь, а я пойду им навстречу.

Я вышел из хижины как раз в ту минуту, когда лейтенант, окружив своими людьми котловину, спрыгнул вниз в сопровождении двух сержантов, чтобы арестовать беглеца. Вокруг

открытой двери царила непроглядная тьма.

Лейтенант не заметил моего человека, притаившегося в уголке под тенью шалаша, и, увидев меня на освещенном четырехугольнике двери, принял меня за Кошфоре. В один миг он поднес пистолет к моему носу и с торжеством закричал:

– Арестую вас!

При этих словах один из сержантов поднял фонарь и поднес к моему лицу.

– Что это за глупые шутки? – сердито закричал я в ответ.

У лейтенанта раскрылся рот, и на мгновение он точно окаменел от удивления. Не более часа тому назад он оставил меня в замке. Оттуда он явился сюда без всякого промедления и вдруг находит меня здесь. У него вырвалось громкое проклятие, его лицо потемнело, усы задрожали от ярости.

– Что это такое? Что такое? – закричал он. – Где этот человек?

– Какой человек? – спросил я.

– Кошфоре! – заревел он, не будучи в состоянии сдержать своей ярости. – Не лгите мне. Он здесь, и я возьму его!

– Вы опоздали, – ответил я, внимательно следя за его движениями. Господин де Кошфоре здесь, но он уже сдался мне и должен считаться моим пленником.

– Вашим пленником?

– Да! Я арестовал его в силу предписания, данного мне кардиналом. И в силу того же я никому не отдам его.

– Никому не отдадите его?

– Никому!

Несколько секунд он с искаженным лицом смотрел на меня. Это было настоящее олицетворение ненависти и бессильной злобы. Но затем я увидел, как его лицо озарилось новой мыслью.

– Это чертовская хитрость, – заревел он, как сумасшедший, размахивая своим пистолетом. – Это обман и надувательство. Черт возьми! У вас нет никакого предписания! Я теперь понимаю! Я теперь все понимаю! Вы явились сюда, чтобы надуть нас. Вы принадлежите к их шайке, и это ваша последняя попытка спасти его.

– Это еще что за глупости? – презрительно сказал я.

– Вовсе не глупости, – ответил он убежденным тоном. – Вы обманули нас, вы одурачили нас; но теперь я понимаю. Час тому назад я изобличил вас перед этой надутой мадам в замке и еще дивился тому, что она не придала никакой веры моим словам. Я дивился тому, что она ничего не хотела прочесть на вашем лице, хотя вы стояли перед нею с видом уличенного мошенника! Но теперь я все понял. Она знает вас. Она участвует в заговоре вместе с вами, и я, думая открыть ей глаза, сам попал впросак. Но теперь уж на моей улице праздник. Вы очень смело и очень искусно сыграли роль, – продолжал он с мрачным огоньком в глазах, – и я поздравляю вас. Но теперь уж дудки, сударь! Довольно вы нас морочили вашими разглагольствованиями о монсеньоре, о его предписаниях и тому. подобное. Теперь я не позволю над

собой издеваться. Вы говорите, что арестовали его. Вы арестовали его? Хорошо! В таком случае я арестую и вас с ним заодно.

– Вы с ума спятили? – сказал я, одинаково изумленный этой неожиданной точкой зрения и его убежденным тоном. – Положительно, с ума сошли, лейтенант!

– Я сошел было, – засмеялся он, – но теперь уже выздоровел. Я был сумасшедший, когда поверил вам, будто вы хотите хитростью выманить у женщин их тайну, между тем как все время вы действительно защищали их, заступались за них, помогали им. Вот в чем было мое сумасшествие. Теперь оно кончилось, и я должен просить у вас извинения. Я считал вас коварнейшей змеей и предателем, каких только создавала природа, но теперь я вижу, что вы умнее, нежели я думал, и вдобавок отличаетесь благородством. Простите меня!

Один из солдат, стоявших вокруг, засмеялся. Я посмотрел на лейтенанта таким взором, что, если бы глазами можно было убить человека, он был бы мертв.

– Любезный, – ответил я (я был так разъярен, что едва мог говорить), вы хотите этим сказать, что я самозванец, что у меня нет предписания кардинала?

– Да, я утверждаю это, – спокойно сказал он.

– И что я принадлежу к мятежной партии?

– Совершенно верно, – тем же тоном ответил он. – Впрочем, – продолжал он со смехом, – я утверждаю также, что вы честнейший человек противной партии, господин де Бери! А

вы хотите меня уверить, что вы негодяй нашей партии. Убедительность, во всяком случае, на моей стороне, и я намерен подкрепить свое мнение, арестовав вас.

Снова грубый смех огласил ущелье. Сержант, державший фонарь, улыбнулся, а один из драгунов крикнул:

– Нашла коса на камень!

Это вызвало новый взрыв смеха, между тем как я стоял безмолвно, обезоруженный наглостью и упорством этого человека.

– Идиот!.. – вскричал я наконец, но в эту минуту Кошфоре, который тем временем вышел из шалаша и встал рядом со мной, прервал меня:

– Извините меня, – весело сказал он, обращаясь к лейтенанту и указывая на меня пальцем, – но я нахожусь в недоумении. Как фамилия этого господина? Де Бери или де Барт?

– Я де Бери, – резко сказал я, не дожидаясь ответа лейтенанта.

– Из Парижа?

– Да, сударь, из Парижа.

– Вы, значит, не тот господин, который почтил мой скромный дом своим пребыванием?

– Нет, нет, именно он, – ответил лейтенант, ухмыляясь.

– Но я думал... мне сказали, что то был господин де Барт.

– Я также и де Барт, – нетерпеливо ответил я. – Что же из этого, сударь? Это фамилия моей матери. Я принял ее, когда явился сюда.

– Для того, чтобы... арестовать меня, если смею спросить?

– Да, – мрачно ответил я. – Для того, чтобы арестовать вас. Что же из этого?

– Ничего, – медленно ответил он, глядя на меня так пристально, что я не мог выдержать его взгляда, – но, только знай я это раньше, господин де Бери, я еще подумал бы, сдаться ли вам.

Лейтенант засмеялся. Мои щеки вспыхнули, но я сделал вид, что мне это нипочем, и снова повернулся к лейтенанту.

– Ну, сударь, – сказал я, – довольны вы теперь?

– Вовсе нет, – ответил он. – Я не уверен, что вы не прорепетировали этой сцены двадцать раз, прежде чем разыграть ее передо мной. Что мне остается, это – скомандовать: шагом марш, назад по квартирам.

Я вынужден был сыграть на последнюю карту, хотя мне и очень не хотелось этого.

– Ну нет еще, – сказал я. – У меня есть предписание.

– Покажите его! – недоверчиво сказал он.

– Неужели вы думаете, что я стану носить его с собою? – с презрением ответил я. – Неужели вы думаете, что, явившись сюда один, а не во главе пятидесяти драгунов, я стану носить в своем кармане бумагу с печатью кардинала для того, чтобы всякий лакей мог отнять ее у меня? Но я все-таки покажу вам ее. Где мой человек?

Едва я произнес эти слова, как мой слуга всунул мне в руки бумагу. Я медленно развернул ее, бросил на нее взгляд и

среди удивленного молчания подал ее лейтенанту. На мгновение он не мог прийти в себя от изумления. Затем, все еще не доверяя мне, он велел сержанту подать фонарь и при свете его начал читать документ.

– Тьфу! – воскликнул он, дочитав до конца. – Я вижу!

И он стал читать вслух:

«Сим уполномочиваю Жилия де Беро разыскать, задержать, арестовать и отдать в руки начальника Бастилии Генриха де Кошфоре, для каковой цели ему, де Беро, предоставляется совершать все действия и принимать все меры, какие окажутся необходимыми.

Кардинал Ришелье».

Когда он закончил, прочитав подпись с особенным ударением, кто-то тихо произнес: «Да здравствует король!» – и на мгновение воцарилось молчание. Сержант опустил фонарь.

– Довольно вам? – хриплым голосом спросил я, оглядываясь вокруг.

Лейтенант слегка поклонился.

– Совершенно, – ответил он. – Я должен вновь попросить у вас извинения, сударь. Я нахожу, что мои первоначальные впечатления были справедливы. Сержант, отдай этому господину его документ.

И, грубо повернувшись ко мне спиной, он швырнул бумагу сержанту, который, ухмыляясь, подал ее мне.

Я знал, что этот шут гороховый не станет драться, притом же он был среди своих солдат, и мне ничего не оставалось,

как проглотить оскорбление. Я спрятал бумагу за пазуху, стараясь принять равнодушный вид, а лейтенант тем временем резким голосом отдал команду.

Драгуны, стоявшие на краю откоса, начали строиться, а те, что спрыгнули вниз, стали взбираться наверх.

Когда группа солдат позади лейтенанта поредела, я увидел среди нее белое платье, и тотчас с неожиданностью, которая подействовала на меня хуже пощечины, мадемуазель приблизилась ко мне. Ее голова была повязана шалью, так что мне сначала не было видно ее лица. В этот миг я забыл о присутствии ее брата, стоявшего рядом со мною, – я забыл все на свете и, больше по привычке и инстинктивно, чем по сознательному побуждению, сделал шаг навстречу ей, хотя язык мой прилип к гортани, и я весь дрожал.

Но она поспешно отступила от меня, с видом такой ненависти, такого непреодолимого отвращения, что я тотчас остановился как вкопанный, словно получив от нее удар.

– Не смейте прикасаться ко мне! – прошипела она, и не так эти слова, как ее вид, с которым она подобрала свою юбки, заставил меня отступить на самый дальний конец котловины. Стиснув зубы, я остановился здесь, между тем как мадемуазель, рыдая без слез, повисла на шее брата.

Глава 12. Дорога в Париж

Маршал Бассомпьер, из всех известных мне людей обладавший наибольшей опытностью, помнится мне, говаривал, что не опасности, а мелкие неудобства испытывают человека и показывают его в надлежащем свете и что наихудшие мучения в жизни причиняют не шипы, а смятые розовые лепестки.

Я склонен считать его правым, потому что, помню, когда на другой день после ареста я вышел из своей комнаты и нашел залу, гостиную и другие парадные комнаты пустыми, а стол не накрытым и когда, таким образом, я воочию убедился, какие чувства питают ко мне обитатели дома, я ощутил такое же острое страдание, как и накануне ночью, когда мне пришлось стать лицом к лицу с открытым гневом и презрением. Я стоял посреди пустой, безмолвной комнаты и смотрел на давно знакомые предметы с чувством отчаяния, тоски и утраты, которых сам не мог себе объяснить.

Утро было серое и облачное; шел дождь. Розовые кусты в саду колыхались во все стороны под напором пронизывающего ветра, а в комнату, туда, где еще так недавно играли солнечные лучи, затекали струи дождя и пачкали доски. Внутренняя дверь хлопала и скрипела на своих петлях. Я думал о недавних днях, когда мы обедали здесь и вдыхали благоухание цветов, – и, полный отчаяния, выбежал в зал.

Здесь также не было никаких признаков жизни, словно все – и хозяйева, и прислуга – оставили дом. На очаге, возле которого мадемуазель открыла мне роковую тайну, лежал серый холодный пепел, – наилучшая эмблема для совершившейся здесь перемены – и водяные капли, скатываясь по трубе, время от времени падали на очаг. Парадная дверь стояла открытой, словно теперь в доме нечего было стеречь. Единственным живым существом была гончая собака, которая беспокойно выла и то поглядывала на холодный очаг, то снова ложилась, настораживая уши. В углу шуршали листья, загнанные сюда ветром.

С грустью вышел я в сад и стал бродить по дорожкам, глядя на мокрые деревья и вспоминая прошлое, пока не наткнулся на каменную скамью. На ней, у самой стены, стоял кувшин, почти наполненный сухими листьями. Я подумал о том, как много случилось с тех пор, как мадемуазель поставила его тут, и фонарь сержанта открыл его мне. Я глубоко вздохнул и вернулся назад в гостиную.

Здесь я увидел женщину, которая стояла на коленях, спиной ко мне, и разводила огонь. Я невольно подумал о том, что она скажет, когда увидит меня, и как она будет себя вести. Она действительно тотчас обернулась, и я отскочил назад с глухим восклицанием испуга: передо мною была госпожа де Кошфоре!

Она была одета просто, и ее нежное лицо похудело и побледнело от слез, но истощила ли прошлая ночь весь запас

ее горя и осушила ли источник ее слез, или какое-нибудь великое решение придало ей временное спокойствие, только она вполне владела собой. Она лишь содрогнулась, встретив мой взгляд, и прищурилась, словно неожиданно увидела перед собою яркий свет. Но это было все, что я мог в ней заметить. Тотчас она опять повернулась ко мне спиной и, не промолвив ни слова, принялась за свое дело.

– Сударыня, сударыня! – воскликнул я с безумием отчаяния. – Что это значит?

– Слуги не хотят делать этого, – ответила она тихим, но твердым голосом. – Вы все-таки наш гость, сударь.

– Но я не могу допустить этого! – вскричал я. – Госпожа де Кошфоре, я не...

– Тише, пожалуйста, – сказала она. – Тише! Вы беспокоите меня.

При этих словах огонь ярко запылал. Де Кошфоре поднялась с места и, все еще следя взором за огнем, вышла из комнаты, оставив меня совершенно растерянного среди комнаты. Но через минуту я снова услышал ее шаги по коридору, и она вошла, неся в руках поднос с вином, мясом и хлебом.

Поставив его на стол, она с тем же бледным лицом и неподвижными глазами, готовыми каждую секунду затуманиться слезами, начала накрывать стол. Стаканы звенели у нее, сталкиваясь с тарелками, нож и вилка падали из рук. Я же стоял рядом, дрожа и претерпевая странную, но нестерпимую пытку.

Затем она знаком пригласила меня сесть, а сама отошла прочь и остановилась в дверях, выходящих в сад. Я повиновался. Я сел, но, хотя ничего не ел с прошлого утра, не мог проглотить ни кусочка.

Она вдруг обернулась и подошла ко мне.

– Вы ничего не едите, – сказала она.

Я бросил нож и порывисто вскочил с места.

– Бог мой! – вскричал я. – Неужели, сударыня, вы думаете, что у меня нет сердца?

В тот же миг я понял, что наделал, какую глупость совершил. Едва я вымолвил это, как она очутилась передо мною на коленях и, обнимая мои ноги, прижимаясь своими мокрыми щеками к моей грубой обуви, молила меня о пощаде, молила меня о его жизни, жизни, жизни! О, это было ужасно! Ужасно было слышать ее захлебывающийся голос, видеть ее светлые волосы, ниспадавшие на мои покрытые грязью сапоги, замечать, как ее гибкие формы подергивались судорожными рыданиями, сознавать, что эта женщина, женщина благородного происхождения, унижается передо мною.

– О сударыня, сударыня! – с мукой вскричал я. – Прошу вас, встаньте. Встаньте, или я уйду отсюда!

– Пощадите его! Пощадите его! – простонала она. – Что сделал он вам, что вы взялись преследовать его? Что сделал он вам, что вы решились погубить нас? О пощадите, пощадите! Отпустите его, и он уедет молиться за вас, я и моя сестра будем молиться за вас каждое утро и каждую ночь до кон-

ца наших дней.

Я ужасно боялся, чтобы кто-нибудь не вошел и не увидел ее, распростертую на полу. Я нагнулся и старался поднять ее. Но она приникла еще ниже и коснулась своими нежными руками зубцов моих шпор. Я не осмеливался пошевеливаться. Наконец я принял последнее решение.

– Слушайте в таком случае, сударыня, – сказал я почти сурово, – если не хотите встать. Вы забываете все: каково мое положение и как ничтожна моя власть. Вы забываете, что освободи я сегодня вашего мужа, его через час схватят солдаты, еще находящиеся в деревне, стерегущие все дороги, до сих пор следящие за мною и всеми моими движениями. Вы забываете, говорю я, мое положение...

Она прервала меня на этом слове. Она вскочила на ноги и посмотрела мне прямо в лицо. Я хотел продолжать, но она, бледная, задыхающаяся, с растрепанными волосами, остановилась передо мной, сиюсь заговорить.

– О да, да, – пролепетала она с трудом. – Я знаю, знаю.

Она засунула руку за пазуху, вынула оттуда что-то и подала мне... даже не подала, а насильно вложила мне в руку.

– Я знаю, знаю, – повторила она. – Возьмите, сударь, и пусть Бог наградит вас. Пусть Бог наградит вас! Мы с радостью отдаем это вам, с радостью и благодарностью!

Я стоял и смотрел то на нее, то на поданную мне вещь. Но затем я понял и похолодел. Она дала мне пакет, тот самый пакет, который я возвратил мадемуазель! Сверток с драго-

ценными камнями! Я держал его в руке, и сердце мое опять окаменело: я понял, что это дело мадемуазель, что это она, не доверяя силе слез и молений жены пленника, снабдила ее этим последним средством, этой грязной взяткой. Я швырнул сверток на стол среди блюд.

– Сударыня, – резко ответил я тоном, в котором уже звучал гнев, а не сострадание, – вы совершенно ошибаетесь во мне. Я довольно слышал нехороших слов за последние сутки и знаю, что все вы думаете обо мне. Но вам придется убедиться еще в одном, а именно, что я никогда не изменяю человеку, которому служу, никогда не продаю своих. Пусть отсохнет моя рука, если я исполню ваше желание за сокровища, в десять раз превышающие то, что вы мне теперь предложили!

Она упала на стул с криком отчаяния, и в этот момент господин де Кошфоре отворил дверь и вошел в комнату. Из-за его плеча на меня выглянуло гордое лицо мадемуазель, которое было лишь немного бледнее обыкновенного и имело темные круги под глазами, но глядело на меня с сатанинской холодностью.

– Что это значит? – сказал он хмурясь, когда взгляд упал на жену.

– Это... это значит, что мы выезжаем в одиннадцать часов, сударь, ответил я с легким поклоном и вышел через открытую дверь.

Для того, чтобы не присутствовать при сцене прощания,

я оставался в саду вплоть до того часа, который был мною назначен для выезда. Тогда, не входя больше в дом, я направился прямо в конюшню. Здесь все уже было готово. Двое драгунов, которые по моему требованию должны были конвоировать меня до Оша, были в седлах, а мои собственные люди ожидали меня, держа оседланных лошадей для меня и де Кошфоре. Луи водил взад и вперед еще одну лошадь, при виде которой у меня сердце тревожно забилося: на ней было дамское седло. Стало быть, нам предстояло ехать не одним. Кто же поедет с нами: мадемуазель или мадам? И до каких пор? До Оша?

Надо полагать, что все это время хозяева следили за мной, потому что, как только я подошел к конюшням, де Кошфоре и мадемуазель вышли из дома; у него лицо было бледно, глаза блестели и щеки явственно подергивались, хотя он и силился принять равнодушный вид. На ней была черная маска.

– Мадемуазель сопровождает нас? – официальным тоном спросил я.

– С вашего позволения, сударь, – с колкой вежливостью ответил он.

Я видел, что он задыхается от волнения: он только что простился с женой.

Я отвернулся.

Когда мы все уже сидели на лошадях, он посмотрел на меня.

– Может быть... основываясь на моем слове... вы позво-

лите мне ехать одному? – нерешительно спросил он.

– Без меня? – резко спросил я. – Сделайте одолжение.

Согласно с этим, я приказал драгунам ехать впереди него на таком расстоянии, чтобы они не могли слышать разговора брата и сестры, между тем как оба моих человека следовали позади, с карабинами на коленях. Я же замыкал шествие, глядя в оба и держа наготове пистолет. Кошфоре усмехнулся при виде стольких предосторожностей, но я не для того столько потрудился, перенес столько насмешек и оскорблений, чтобы напоследок у меня из-под носа вырвали добычу. Зная хорошо, что пока мы не миновали Оша, я могу легко ожидать какой-нибудь попытки освободить его, я решил дорого продать своего пленника тому, кто захотел бы вырвать его из моей власти. Только гордость и до некоторой степени, может быть, жажда борьбы помешали мне выпросить для себя десять конвойных солдат вместо двух.

Всю дорогу я задумчиво смотрел на маленький деревянный мостик, на узкую лесную тропинку, на крайние домики деревни – на все эти предметы, с которыми было у меня теперь связано столько воспоминаний, которые были так мне знакомы и которых мне уже не суждено было никогда более видеть. За мостом отряд солдат искал тело капитана. Немного далее виднелись остатки хижины, превращенной огнем накануне ночью в груды пепла.

Луи бежал рядом с нами, заливаясь слезами. Последние бурые листья осыпались с деревьев. Мелкий осенний дождь

падал туманной завесой между мной и всем окружающим. Так я оставил Кошфоре.

Луи провожал нас целую милю за окраиной деревни, а затем остановился и долго смотрел нам вслед, посылая на мою голову проклятия. Оглянувшись назад и увидев, что он все еще стоит на прежнем месте я, после минутного колебания, повернул лошадь и подъехал к нему.

– Послушай, дуралей, – сказал я, прерывая его завывания и ругательства. – Передай своей госпоже то, что я тебе сейчас скажу. Скажи, что ее мужа постигнет та же участь, как постигла де Ренье, когда он попал в руки врагов, – не хуже, не лучше.

– Вы хотите, я вижу, и ее убить? – сердито спросил он.

– Ничего подобного, дуралей, – ответил я, рассердившись. – Я хочу спасти ее. Передай ей мои слова, и ты сам увидишь, что будет.

– Ни за что, – мрачно ответил он. – Стану я еще передавать ваши слова.

И он плюнул на землю.

– В таком случае ты сам будешь ответственен за последствия, торжественно провозгласил я и, повернув лошадь, присоединился к остальным путникам.

Но я знал, что он непременно передаст госпоже де Кошфоре мои слова, хотя бы из одного любопытства, и странно было бы, если бы она, дворянка южной Франции, воспитанная среди старинных семейных традиций, не поняла сделан-

ного мною намека.

Так началось наше путешествие. Печально ехали мы среди мокрых деревьев, под свинцово-серым небом. Нам предстояло пересечь ту самую местность, по которой ступали копыта моего коня в последний день моего путешествия на юг, но как все изменилось за один месяц!

Зеленые долины, которые так оживлялись игривыми источниками, пробивавшимися из-под известковой почвы и были сплошь покрыты зелеными папоротниками и мхом, превратились теперь в болота, где наши лошади увязали по самые щиколотки. Солнечные склоны, с которых я впервые увидел эту сельскую природу, превратились теперь в голые, открытые для ветра и дождя скаты. Буковый лес, который прежде отливал красным цветом, был теперь совершенно лишен листвы и уныло вздымал кверху свои черные стволы и оцепенелые ветви. Воздух был пропитан сыростью, и непроницаемый туман закрывал горизонт на расстоянии ста шагов во всех направлениях.

Мы медленно переезжали холм за холмом, переходили вброд реки, уже начинавшие наполняться осенней водой, пересекали длинные пространства сухого вереска. Но поднимались ли мы на холм или спускались с него, какие бы картины ни расстилались перед нашими глазами, – я ни на минуту не забывал, что я тюремщик, чудовище, злодей. Правда, я ехал позади всех и избегал взглядов, но во всей фигуре мадемуазель не было черточки, которая не дышала бы пре-

зрением ко мне; каждое движение ее головы, казалось, говорило: «О Господи, как могут существовать на земле подобные создания!»

Только однажды я обменялся с нею несколькими словами. Это было на вершине кряжа перед тем, как мы должны были начать спуск в горную долину. Дождь перестал; солнце, близившееся к закату, посылало на землю свои последние слабые лучи. Мы остановились на несколько минут, чтобы дать лошадям передохнуть, и бросили последний взгляд к югу. Туманная дымка заволакивала местность, которую мы только что покинули, но над этою дымкой блестела цепь жемчужных гор, напоминая какую-то очарованную страну, лучезарную, манящую, чудесную, – или один из тех замков на стеклянных горах, о которых говорится в старинных повествованиях. Я на мгновение забылся и воскликнул, что эта самая очаровательная картина, какую я когда-либо видел.

Моя соседка – это была мадемуазель, снявшая теперь свою маску, бросила мне в ответ лишь один взгляд, но этот взгляд дышал таким невыразимым отвращением, что наряду с ним простое презрение показалось бы мне милостью. Я потянул поводья своего коня, как будто она ударила меня. Кровь хлынула к моему лицу, чтобы через мгновение вновь отхлынуть. А мадемуазель отвернулась от меня.

Но я не забыл этого урока и после этого стал еще больше избегать ее. На ночь мы остановились в деревне Ош, и я предоставил там господину де Кошфоре полную свободу,

позволяя ему даже уходить по его желанию.

Наутро, предполагая, что, перевалив через хребет, мы подвергаемся уже меньшей опасности нападения, я отпустил обоих драгун, и через час после восхода солнца мы снова пустились в путь.

В воздухе было свежо, погода обещала быть более сухой и приятной, чем накануне. Я решил держать путь на Лектур, и, так как к северу дороги неизменно улучшались, рассчитывал к ночи проехать довольно далеко. Мои слуги ехали впереди, а я опять держался позади всех.

Наш путь лежал через Герскую долину, среди высоких тополей и плакучих ив. Солнце выглянуло из-за туч, и его ласковые лучи пригревали нас. К несчастью, реки, пересекавшие наш путь, вздулись и вышли из берегов после дождя, что сильно затрудняло наше движение вперед. К полудню мы с большим трудом одолели половину расстояния, и мое нетерпение еще больше возросло, когда дорога, незадолго перед тем отклонившаяся от берега реки, снова повернула к нему, и мы увидели перед собой новую переправу. Мои люди осторожно вошли в реку, но должны были отступить и поискать брода в другом месте, так что стали пробираться к другому берегу, когда мадемуазель и ее брат подъехали уже к самой реке.

Благодаря этой задержке, я волей-неволей должен был подъехать близко к брату и сестре. Лошадь мадемуазель не сразу согласилась войти в воду, так что мы пошли вброд по-

что одновременно, и я ехал почти вплотную за ней. Берега реки были очень круты, и, находясь в воде, мы ничего не видели ни с той, ни с другой стороны; я беспечно следовал за мадемуазель, и все мое внимание было сосредоточено на моей лошади, как вдруг звук выстрела, за ним – другой и крик, послышавшийся впереди нас, потрясли меня.

В один миг, когда эти звуки еще не замерли в воздухе, я понял все. Точно раскаленным железом, обожгла меня мысль, что нас атаквали, и я был совершенно беспомощен в этой западне, в этой хитрой ловушке. Лошадь мадемуазель заграждала мне путь, а тут каждая секунда была дорога.

У меня был лишь один исход. Я повернул свою лошадь прямо на обрывистый берег и заставил ее сделать прыжок. На мгновение она повисла на вершине, и я уже думал, что она свалится. Но она сделала отчаянное усилие, взобралась наверх и очутилась на берегу, дрожа и фыркая от страха.

В пятидесяти шагах от меня на дороге лежал один из моих солдат. Он лежал вместе с лошадыю, и оба не шевелились. Около него, прислонившись спиною к скале и громко крича, стоял его товарищ, отбиваясь от четырех всадников. В тот момент, когда я увидел эту сцену, он приложился своим карабином и свалил одного из нападавших.

Я еще мог спасти своего слугу. Крикнув ему слова ободрения, я вынул из кобуры пистолет и вонзил шпоры в бока своей лошади, как вдруг чей-то неожиданный, коварный удар выбил у меня пистолет из рук.

Мне не удалось подхватить его, и прежде чем я успел прийти в себя от изумления, мадемуазель ударила мою лошадь по голове. Взбешенная лошадь попятилась назад, и передо мной мелькнул взор мадемуазель, сверкавший ненавистью из-под маски, и рука, поднятая для удара. Через мгновение я был на земле, сбитый лошадью, которая ускакала далеко, а ее лошадь, также испуганная всем происшедшим, закусил удила и понесла ее прочь от меня.

Не будь этого, мадемуазель, по всей вероятности, растоптала бы меня. Но теперь я мог встать, обнажить свою шпагу и поспешить на выручку своему товарищу. Все это было делом нескольких мгновений. Он еще оборонялся, и дуло его карабина еще дымилось. Я перепрыгнул через упавшее дерево, попавшее мне на дороге, но в этот момент двое из нападавших отделились и поскакали мне навстречу. Один из них, которого я принял за предводителя, был в маске. Он пустил свою лошадь прямо на меня, чтобы растоптать, но я проворно отскочил в сторону и, ускользнув от него, бросился на другого. Испугав его лошадь, так что он не мог прицелиться, я хватил его шпагой по спине. Он спрыгнул на землю, издавая проклятия и пытаясь поймать свою лошадь, а я повернулся, чтобы встретить человека в маске.

– Негодяй! – воскликнул он, снова наступая на меня.

На этот раз он так искусно правил своей лошадью, что я с большим трудом ускользнул от ее копыт и при всем своем желании не мог достать до него шпагою.

– Сдавайся, собака! – закричал он.

В ответ я слегка ранил его шпагой в колено, но тут вернулся его товарищ, и оба они стали наступать на меня, стегая хлыстами по голове и стараясь растоптать меня. В конце концов, я предпочел отступить к отвесной стене берега. Здесь моя шпага мало могла помочь мне, но, к счастью, уезжая из Парижа, я запасся коротким обоюдоострым мечом, и хотя далеко не умел так владеть им, как шпагой, все же мне удавалось при помощи его отражать их удары и, ранив лошадей, держать их на почтительном расстоянии.

Но они не отставали, и мое положение становилось все хуже и хуже. Каждое мгновение к ним на подмогу мог явиться третий всадник, или мадемуазель могла выстрелить в меня из моего собственного пистолета. Можно себе представить, как я был рад, когда счастливый маневр мечом выбил шпагу из рук предводителя. Взбешенный своей неудачей, он стал безжалостно колоть свою лошадь шпорами, побуждая ее скакать на меня, но животное, которое я уже несколько раз угостил своим мечом, стало брыкаться и сбило своего седока в тот самый момент, когда я ранил второго всадника в руку и заставил его отступить.

Дело теперь изменилось. Человек в маске встал на ноги и начал растерянно искать у себя за поясом пистолет. Но он никак не мог найти его, да если бы и нашел, то едва ли был в таком состоянии, чтобы как следует выстрелить из него. Он беспомощно отступил к утесу и прислонился к нему.

Его товарищ был не в лучшем положении. Он сделал попытку снова напасть на меня, но через секунду, потеряв мужество, опустил шпагу и, повернув коня, ускакал прочь. Таким образом, на месте остался только один человек, атаковавший моего слугу, и я обернулся, чтобы посмотреть, как там обстоит дело. Они оба стояли неподвижно, переводя дух. Видя это, я поспешил к ним. Но, заметив мое приближение, негодяй тоже повернул свою лошадь и скрылся в лесу, оставив нас победителями.

Первое, что я сделал, – и до сих пор с удовольствием вспоминаю об этом, – погрузил руку в карман и, вынув половину своего состояния, вручил его человеку, который так храбро сражался за меня. На радостях я готов был расцеловать его. Благодаря его помощи и мужеству, я не только избежал поражения, но, мало того, знал, чувствовал, – и сердце у меня трепетало при мысли об этом, – что эта борьба восстановила до некоторой степени мою репутацию.

Мой слуга был ранен в двух местах, я получил царапину или две и потерял свою лошадь; другой мой парень был мертв. Но, что касается лично меня, то я готов был отдать половину всей крови, обращающейся в моих жилах, чтобы купить то чувство, с которым я мог теперь говорить с де Кошфоре и его сестрой.

Мадемуазель сошла с лошади, сняла маску и, отвернув лицо, плакала. Ее брат, все время честно остававшийся на своем месте у речного брода, встретил меня особенной улыбкой.

– Цените мою верность, – веселым тоном сказал он, – я здесь, господин де Бери, чего нельзя сказать о тех двух господах, которые только что ускакали.

– Да, ответил я с некоторою горечью, – и только напрасно они застрелили моего бедного слугу.

Он пожал плечами.

– Они мои друзья, – сказал он, – и я не стану осуждать их. Но это еще не все, господин де Бери.

– Да, не все, – ответил я, отирая своей меч. – Здесь еще остался человек в маске.

И я повернулся, чтобы пойти к нему.

– Господин де Бери! – окликнул меня Кошфор отрывисто и принужденно.

Я остановился.

– К вашим услугам, – сказал я, оборачиваясь.

– Я хочу поговорить с вами об этом господине, – начал он нерешительно. – Вы знаете, что с ним станется, если вы предадите его властям?

– Кто он такой? – резко спросил я.

– Это довольно щекотливый вопрос, – ответил он, хмурясь.

– Для вас, может быть, но не для меня, – возразил я, – так как он вполне в моей власти. Если он снимет свою маску, то я лучше буду знать, что делать с ним.

Незнакомец потерял во время падения свою шляпу, и его светлые волосы, покрытые пылью, распустились кудрями по

плечам. Он был высокого роста, нежного, изящного сложения, и хотя был одет более чем просто, я заметил дорогой перстень на его руке и, как мне казалось, некоторые другие следы знатного происхождения. Он еще лежал на земле в полуобморочном состоянии, по-видимому, не сознавая того, что происходило вокруг.

– Я узнаю его, если он снимет маску? – вдруг спросил я, осененный догадкой.

– Несомненно, – ответил де Кошфоре.

– Ну и что?

– Это будет худо для всех.

– Ага! – тихо произнес я, пристально глядя сначала на моего прежнего пленника, а затем на нового. – Ну и что же... сделать с ним, по-вашему?

– Оставить его здесь! – ответил де Кошфоре.

Он был, видимо, взволнован, и лицо его покрылось густой краской. Я знал его как совершенно честного человека и доверял ему. Но это явное беспокойство по поводу его друга меня несколько не трогало. Притом же я знал, что вступаю на скользкий путь, и это побуждало меня быть осторожным.

– Ну, хорошо, – ответил я после минутного раздумья. – Я сделаю так. Но уверены ли вы, что он не предаст меня?

– Бог мой, конечно, нет! – с живостью ответил Кошфоре. – Он все поймет. Вы не будете сожалеть о том, что сделали. Ну, поедem дальше.

– Но у меня нет лошади, – сказал я, несколько смущенный

его крайней поспешностью. – Как же я...

– Мы поймаем ее, – успокоил он меня. – Она где-нибудь на дороге. До Лектура осталось не более мили, и там мы распорядимся, чтобы этих двух похоронили.

Я ничего не мог выиграть дальнейшим промедлением, и потому вскоре все было решено. Мы подобрали то, что потеряли в пылу борьбы; де Кошфоре помог сестре сесть на лошадь, и через пять минут нас уже не было там.

Достигнув опушки леса, я оглянулся назад, и мне показалось, будто человек в маске поднялся на ноги и смотрит нам вслед. Но деревья и расстояние мешали мне разглядеть его. Тем не менее я склонен был думать, что незнакомец находился совсем не в обморочном состоянии и не был так сильно ранен, как хотел показать.

Глава 13. На перекрестке

Все это время как читатель, конечно, заметил, мадемуазель не говорила со мною и вообще не произнесла ни слова. ВО время борьбы она играла свою роль в суровом молчании, поражение встретила с безмолвными слезами, и ни разу ее уста не разжались ни для молитвы, ни для упреков, ни для извинений. Когда борьба кончилась, и театр ее остался за нашими плечами, ее поведение нисколько не изменилось. Она упорно отворачивала свое лицо в сторону и делала вид, что не замечает меня.

Не далее как в четверти мили я поймал свою лошадь, которая паслась у дороги, и, сев на седло, занял свое место позади остальных, как и утром. Как и утром, мы ехали молча, словно ничего не случилось, но я дивился в душе необъяснимому женскому характеру и тому, как могла она принять участие в нападении и затем вести себя как ни в чем не бывало.

Но как ни старалась она скрыть это, в ней произошла некоторая перемена. Как ни хорошо была подобрана маска, она не могла вполне скрыть ее ощущений, и я видел, что ее голова опущена, что она едет рассеянно, что вся ее осанка изменилась. Я заметил, что она бросила или обронила свой хлыст, и мне становилось ясно, что борьба не только не восстановила меня в ее мнении, но к прежней ее ненависти при-

соединила стыд и досаду: стыдно ей было, что она так унизилась, хотя бы для спасения своего брата; досадно было, что поражение было единственной наградой за ее усилия.

Явное доказательство этому я получил в Лектуре, где гостиница имела лишь общую комнату, так что нам пришлось обедать вместе. Я велел поставить для них стол у огня, а сам удалился к меньшему столику, стоявшему у дверей. Других гостей в комнате не было, и это делало еще более заметным отчуждение между нами.

Де Кошфоре, кажется, понимал это. Он пожал плечами и посмотрел на меня с улыбкой, не то печальной, не то насмешливой. Но мадемуазель была неумолима. Она сняла маску, и лицо ее было непроницаемо, как камень.

Один раз, лишь один раз за все время я заметил на этом лице мгновенную перемену. Она вдруг покраснела, вероятно, под влиянием своих мыслей, но покраснела так, что все ее лицо запылало от лба до подбородка. Я с любопытством следил, как рос и густел этот румянец, но она надменно повернулась ко мне спиной и стала смотреть в окно.

По-видимому, она и ее брат многого ожидали от этой попытки спасти их, потому что, когда мы после полудня продолжали свой путь, я заметил в них резкую перемену. Они ехали как люди, готовые на все, хотя бы на самое худшее. Их безвыходное положение, их безотрадное будущее нависло, точно туман перед глазами, окрашивая ландшафт в печальный цвет и лишая даже солнечный закат его блестящих

красок. С каждым часом настроение Кошфоре ухудшалось, и он становился все менее разговорчивым.

Когда солнце совсем зашло и ночной мрак сгустился вокруг нас, брат и сестра ехали рядом, погруженные в мрачное раздумье, и я уверен, что мадемуазель плакала. Тень кардинала, Парижа, эшафота нависла над ними и леденила их души. Когда горы, среди которых они провели всю свою жизнь, потонули и растаяли позади нас и мы вступили на широкую Гаронскую низменность, их надежды так же точно потонули и растаяли, уступив место полному отчаянию.

Среди многочисленной стражи, под огнем любопытных взоров, имея своим спутником лишь свою гордость, де Кошфоре, я не сомневаюсь в этом, вел бы себя отважно до самого конца. Но быть почти одному, двигаться среди серого ночного сумрака к темнице и на верную безотрадную смерть, – нет ничего удивительного, если сердце у него замирало и кровь медленнее струилась в жилах, если он думал о безутешной жене и разрушенном семейном очаге, покинутых навсегда, чем о том деле, для которого пожертвовал собой. Нет также ничего удивительного и в том, что он и не мог скрыть всего этого.

Но Бог свидетель тому, что у них не было монополии на безотрадные чувства. У меня самого на душе было не менее тоскливо. Солнце еще не успело закатиться, как радость победы, пыль битвы, которые согрели мое сердце утром, остыли, уступив место холодному неудовольствию, обращению,

отчаянию, какие мне случалось иногда испытывать лишь после бессонной ночи, проведенной за игорным столом. До сих пор меня ждала неизвестность; мое предприятие было связано с известным риском, исход его возбуждал сомнения. Но теперь все миновало, конец был ясен и близок, так близок, что я мог считать свое дело исполненным.

Еще один час торжества ждал меня, и я лелеял мысль об этом, как игрок лелеет свою последнюю ставку, представлял себе, где, когда и каким образом это произойдет, и старался всецело сосредоточить свое внимание на этом. Но какова же награда? Увы, мысль об этом меня не покидала. При виде предметов, напоминавших мне о моем путешествии на юг, когда я ехал, исполненный совершенно других мыслей, задаваясь совершенно другими планами, – Боже, как давно все это было! – я с горечью спрашивал себя, неужели это я теперь предаюсь таким мечтам, неужели это я, Жиль де Бери, навсегда «Затона», знаменитый фат, а не какой-нибудь Дон-Кихот Ламанчский, сражающийся с ветряными мельницами и принимающий таз цирюльника за золотые доспехи?

Мы достигли Ажана очень поздно. Проселочная дорога, усеянная ухабами, пнями и скорее напоминавшая болото, чем сушу, измучила нас, и поэтому ярко пылавший очаг в гостинице «Голубая Дева» показался нам совершенно новым миром и поднял наш дух и силы.

В гостинице у очага мы слышали странные толки о происшествиях в Париже, о движении против кардинала с коро-

левой-матерью во главе и о том, что на этот раз можно ожидать серьезных последствий. Лишь хозяин смеялся над этими толками. Я соглашался с ним. Даже де Кошфоре, который вначале готов был построить на этом свои надежды, отказался от них, узнав, что все движение исходит из Монтобана, откуда уже не раз направлялись неудачные удары против кардинала.

– Они каждый месяц убивают его, – насмешливо сказал хозяин. – Но с тех пор, как де Шале и маршал поплатились за свои козни, я питаю несокрушимую веру в его «эминенцию», – таков, говорят, его новый титул.

– А здесь все спокойно? – спросил я.

– Совершенно. С тех пор, как Лангедокская история кончилась, все идет хорошо, – ответил хозяин.

Мадемуазель тотчас по нашем прибытии в Ажан удалилась в свою комнату, так что в этот вечер мне и ее брату пришлось час или два провести вместе. Я предоставил ему полную свободу держаться вдали от меня, но он сам не пожелал воспользоваться этим. Между нами начали устанавливаться своего рода товарищеские узы, которым наши отношения победителя и пленника сообщали особенный колорит. Мое общество доставляло ему какое-то странное удовольствие; он подшучивал над моим положением тюремщика, насмешливо спрашивал у меня позволения сделать то или другое.

Однажды он обратился ко мне с вопросом, что я сделал бы, если бы он нарушил свое слово.

– Или если бы я поступил таким образом, – шутливо продолжал он. Предположим, что в этом болоте, по которому мы ехали сегодня вечером, я подкрался бы к вам и ударил бы вас сзади? Что тогда, господин де Беро? Черт возьми, я, право, удивляюсь себе, что не сделал этого. Через двадцать четыре часа я мог бы быть в Монтобане, где нашел бы пятьдесят надежных убежищ, и никто бы не знал о происшедшем.

– Исключая вашу сестру, – спокойно заметил я.

Выражение его лица изменилось.

– Да, – сказал он, – боюсь, что мне пришлось бы и ее убить, чтобы сохранить свое самоуважение. Вы правы!

И он на несколько минут погрузился в задумчивость. Но затем я заметил, что он смотрит на меня с таким явным недоумением, что я не мог удержаться от вопроса:

– Что такое?

– Вы дрались на многих дуэлях?

– Да, – ответил я.

– Случалось вам когда-нибудь нанести нечестный удар?

– Никогда, – ответил я. – Почему вы спрашиваете?

– Потому что... мне хотелось проверить свое впечатление.

Сказать вам по правде, господин де Беро, я вижу в вас двух человек.

– Двух человек?

– Да, двух. Один из них – это тот, что захватил меня; другой – тот, который сегодня отпустил моего друга.

– Вас удивляет, что я отпустил его? Это было очень преду-

смотрительно с моей стороны, господин де Кошфоре, – ответил я. – Я старый игрок. Я знаю, когда ставка становится слишком высока для меня. Человеку, поймавшему льва в свой волчий капкан, нечем особенно хвастать.

– Вы правы, – ответил он, улыбаясь. – А все-таки... в вас сидят два человека.

– Мне кажется, что это можно сказать о большинстве людей, – заметил я со вздохом. – Но не всегда обе эти натуры присутствуют одновременно. Часто они чередуются друг с другом.

– Но как же одна может приниматься за дела другой? – резко спросил он.

Я пожал плечами.

– Ничего не поделаешь. Нельзя принять наследства, не принимая долгов.

В первую минуту он ничего не ответил, и мне показалось, что он задумался о своем собственном положении. Но вдруг он опять внимательно посмотрел на меня.

– Вы ответите на мой вопрос, господин де Бери? – вкрадчиво спросил он.

– Может быть, – сказал я.

– Скажите мне... меня это очень интересует... что вас заставило отправиться на поиски меня... не в добрый для меня час?

– Монсеньер кардинал, – ответил я.

– Я не спрашиваю, кто? – сухо проговорил он. – Я спра-

шиваю, что? Вы не имеете личной злобы против меня?

– Никакой.

– Вы ничего не знаете обо мне?

– Ничего.

– Но что в таком случае побудило вас сделать это? Боже мой, вот странно! – продолжал он с откровенностью, которой я не ожидал. – Природа вовсе не предназначала вас для роли сыщика. Что же побудило вас?..

Я встал. Было уже поздно, комната совершенно опустела, огонь в очаге догорал.

– Завтра я скажу вам об этом, – ответил я. – Завтра мне предстоит долгая беседа с вами, и это будет ее частью.

Он посмотрел на меня с изумлением и даже с некоторой подозрительностью. Но я приказал подать себе светильник и, тотчас отправившись спать, положил конец нашему разговору.

Утром мы не виделись вплоть до той минуты, когда нам нужно было двинуться в путь.

Кому случалось бывать в Ажане и видеть, как к северу от города виноградники поднимаются уступами, так что одна терраса красноватой земли, покрытая зеленью летом и голая, каменистая – осенью, возвышается над другою, тот, вероятно, не забыл и того места, где дорога, в двух лье от города, взбирается на крутой холм. На вершине холма встречаются четыре дороги, и здесь, видный издалека, стоит указательный столб, где обозначено: куда лежит дорога в Бордо, куда

– в старый Монтобан, и куда – в Перигэ.

Этот холм произвел на меня сильное впечатление во время моего путешествия на юг, быть может, потому, что отсюда я впервые увидел Гаронскую низменность и вступил в тот край, где мне предстояло опасное дело. Это место так запечатлелось в моей памяти, что я привык смотреть на этот обнаженный холм с указательным столбом на вершине его как на первое преддверие Парижа, как на первый признак возвращения к прежней жизни.

В продолжение двух дней я с нетерпением ожидал, когда, наконец, покажется этот холм. Это место было вполне пригодно для того, что было у меня на уме. Этот указательный столб, указывающий дороги на север, юг, восток и запад, был самым удобным местом для встреч и прощаний.

Мы, де Кошфоре, мадемуазель и я, подъехали к подножию холма около одиннадцати часов пополуночи. Порядок нашей процессии теперь изменился, и я ехал впереди, предоставив им следовать за мною на каком угодно расстоянии. У подножия холма я остановился и, пропустив мимо себя мадемуазель, жестом руки остановил де Кошфоре.

– Простите, одну минутку, – сказал я. – У меня есть к вам просьба.

Он посмотрел на меня с некоторой досадой, и в глазах его мелькнул дикий огонек, показывавший, что тоска и отчаяние снедали его сердце. Сегодня утром он выехал в самом веселом расположении духа, но постепенно уныние овладело им.

– Ко мне? – с горечью повторил он. – Что такое?

– Я желал бы сказать пару слов мадемуазель... наедине.

– Наедине? – воскликнул он с изумлением.

– Да, – ответил я, не смущаясь, хотя он и нахмурился. –

Вы, конечно, можете оставаться на расстоянии зова. Мне только хотелось бы, чтобы вы на некоторое время оставили ее одну.

– Для того, чтобы вы могли поговорить с нею?

– Да.

– Но скажите в таком случае мне, – возразил он, подозрительно глядя на меня. – Ручаюсь вам, что мадемуазель не имеет ни малейшего желания...

– Говорить со мною? – закончил я. – Да, я знаю это. Но я желаю говорить с нею.

– Ну так говорите при мне! – грубо ответил он. – Если это все, то поедем дальше и присоединимся к ней.

И он сделал движение, чтобы тронуться с места.

– Это не годится, господин де Кошфоре, – решительно сказал я, снова останавливая его рукой. – Прошу вас быть более уступчивым. Я прошу у вас немногого, очень немногого, и клянусь вам, если мадемуазель не исполнит моей просьбы, она будет сожалеть об этом всю свою жизнь.

Он посмотрел на меня, и лицо его потемнело еще более.

– Хорошо сказано, – иронически сказал он. – Но я прекрасно понимаю вас и не допущу этого. Я не слеп, господин де Бери, и я понимаю вас. Но, повторяю вам, я не допущу

этого. Я не согласен на такое иудино предательство! Я понимаю, что вы этим хотите сказать, – возмутился он, едва сдерживая ярость. – Вы хотите, чтобы она продала себя, – продала себя для моего спасения! А я, вы думаете, буду стоять сложа руки и глядеть на этот постыдный торг? Нет, сударь, никогда, никогда, хотя бы мне пришлось идти к позорному столбу! Если я жил как глупец, то все же я умру как дворянин.

– Я уверен в том и другом, – с сердцем ответил я, хотя в душе восторгался им.

– О, я не совсем дурак! – воскликнул он сердито. – Вы думаете, у меня нет глаз?

– В таком случае, докажите, что у вас есть и уши, – насмешливо сказал я. – Выслушайте меня! Я заявляю, что никогда мысль о подобной сделке не приходила мне в голову. Вы были добры вчера вечером высказать обо мне хорошее мнение, господин де Кошфоре. Почему же при одном слове «мадемуазель» вы сразу изменили его? Ведь я хочу только поговорить с нею. Я ничего не намерен просить у нее, мне нечего ждать от нее, никакой милости, никакой уступки. То, что я скажу ей, она, без сомнения, передаст вам. Посудите же сами, что дурного могу я причинить ей здесь, на дороге, в вашем присутствии?

Он мрачно посмотрел на меня, его лицо еще пылало, глаза сверкали подозрением.

– Что вы хотите сказать ей? – настаивал он.

Я совершенно не узнавал его. Его небрежная, беспечная веселость совершенно покинула его.

– Вы знаете, чего я не намерен сказать ей, господин де Кошфоре, и этого достаточно для вас, – ответил я.

Он колебался несколько мгновений, все еще неудовлетворенный. Но затем безмолвно махнул мне рукой в знак того, что я могу подъехать к мадемуазель.

Она между тем остановилась шагах в двадцати от нас, недоумевая, конечно, в чем дело. Я направился к ней. На ней была маска, так что я не мог разглядеть выражение ее лица, но манера, с которой она повернула голову лошади в сторону брата и смотрела мимо меня, тоже была полна значения. Мне показалось, что почва проваливается у меня под ногами. Весь трепеща, я поклонился ей.

– Мадемуазель, – сказал я, – вы позволите мне на несколько минут воспользоваться вашим обществом, пока мы будем продолжать свой путь?

– Для чего? – возразила она самым холодным тоном, каким когда-либо женщина говорила с мужчиной.

– Для того, чтобы объяснить вам множество вещей, которых вы совершенно не понимаете, – пробормотал я.

– Предпочитаю оставаться в неведении, – ответила она, и ее осанка при этом была еще обиднее слов.

– Мадемуазель, – настаивал я, – вы сказали мне однажды, что никогда больше не станете поспешно судить обо мне.

– Факты осуждают вас, не я, – ответила она. – Я не одного

уровня с вами и потому не компетентна судить вас... слава Богу!

Я содрогнулся, хотя солнце пригревало меня, и в воздухе не было ни малейшего ветерка.

– Один раз вы уже думали так же, – продолжал я после некоторого молчания, – и впоследствии оказалось, что вы ошибались. Это может повториться и теперь.

– Невозможно, – сказала она.

Это уязвило меня.

– Неправда! – вскричал я. – Это возможно! Вы бессердечны, мадемуазель. Я столько сделал за последние три дня, чтобы облегчить ваше положение. И теперь прошу у вас одолжения, которое вам ничего не стоит.

– Ничего не стоит? – медленно повторила она, и ее взор, как и слова, резали меня, точно ножом. – Ничего? По-вашему, мне ничего не стоит терять достоинство, говоря с вами? По-вашему, мне ничего не стоит быть здесь, когда каждый взгляд, который вы бросаете на меня, кажется мне оскорблением, ваше дыхание – заразой? Ничего? Нет, это очень много, хотя едва ли вы в состоянии понять это.

Я был на мгновение точно оглушен, и лицо мое исказилось от нравственной боли. Одно дело чувствовать, что тебя ненавидят и презирают, что место доверия и уважения заняли злоба и отвращение, – и другое дело слушать эти жестокие, безжалостные слова, изменяться в лице под градом оскорблений, сыплющихся с язвительного женского языка.

На минуту я не мог совладать со своим голосом, чтобы ответить ей. Но затем я указал рукой на де Кошфоре.

– Вы любите его? – хриплым голосом спросил я.

Она не отвечала.

– Если любите, то вы позволите мне высказаться. Скажите «нет», мадемуазель, и я оставлю вас в покое. Но вы будете сожалеть об этом всю свою жизнь!

Лучше было принять такой тон с самого начала. Она тотчас поникла головой, ее взгляд забегал по сторонам, – мне даже показалось, будто она сделалась меньше ростом. В один миг от всей ее надменности не осталось и следа.

– Я готова выслушать вас, – пробормотала она.

– В таком случае, с вашего позволения, мы будем продолжать наш путь, сказал я, спеша воспользоваться своей победой. – Вам нечего бояться. Ваш брат будет следовать за нами.

Я схватил ее лошадь под уздцы и повернул ее мордой вперед; через мгновение мы с мадемуазель ехали рядом по длинной прямой дороге, расстилавшейся перед нами. На горизонте, там, где дорога достигала вершины холма, я мог видеть указательный столб, резко очерчивавшийся на фоне синего неба.

– Ну, сударь? – сказала мадемуазель. Она вся дрожала, точно от холода.

– Я хочу рассказать вам, мадемуазель, целую историю, – ответил я. Вам, может быть, покажется, что я начинаю изда- лека, но в конце концов эта история, наверное, заинтересует

вас. Два месяца тому назад в Париже был человек... быть может, это был дурной человек, по крайней мере, все его считали таким, человек, пользовавшийся странной репутацией.

Она вдруг повернулась ко мне, и я мог видеть сквозь маску, как заблестели ее глаза.

– Ах сударь, увольте меня от этого! – воскликнула она презрительно. Я это готова принять на веру.

– Очень хорошо, – спокойно ответил я. – Каков бы ни был этот человек, в один прекрасный день, вопреки эдикту, изданному кардиналом, он дрался на дуэли с молодым англичанином. Англичанин пользовался влиянием, человек, о котором я говорю, не имел никакого. Его арестовали, посадили в тюрьму, обреченного на смерть, и заставили изо дня в день ожидать казни. Но затем ему сделали предложение: «Отыщи и приведи такого-то человека, стоящего вне закона, – человека, за поимку которого объявлена награда, и ты будешь свободен!»

Я остановился, глубоко вздохнул и затем, глядя не на нее, а куда-то вдаль, продолжал с большими остановками.

– Мадемуазель! Теперь, конечно, легко решить, какой путь ему следовало избрать. Трудно даже найти для него оправдание. Но есть одно обстоятельство, которое говорит в его пользу. Дело, предложенное ему, было связано с большими опасностями. Он рисковал при этом жизнью, он знал, что рискует – и последствия показали, что он был прав. Но и этого мало. Он мог опоздать; преступника мог захватить кто-

нибудь другой; его могли убить; он мог сам умереть, мог... Но что говорить об этом, мадемуазель? Мы знаем, какой путь избрал этот человек. Он избрал худший путь, и его отпустили на слово, доверяя его чести, снабдив на дорогу средствами, – отпустили с условием, чтобы он разыскал преступника и привел его живым или мертвым.

Я снова остановился, все еще не решаясь посмотреть на нее, и после минутного молчания продолжал:

– Вторую половину истории вы до некоторой степени знаете, мадемуазель. Довольно вам будет сказать, что мой герой явился в отдаленную, глухую деревню и здесь с большой опасностью для себя, но, да простит ему Бог, довольно предательским образом проник в дом своей жертвы. Но с той поры, как он перешагнул этот порог, мужество начало ему изменять. Будь этот дом охраняем мужчинами, он не чувствовал бы таких угрызений совести. Но он застал там лишь двух беззащитных женщин, и, повторяю вам, с этой поры ему опротивело дело, для которого он явился туда, которое навязала ему злая судьбина. Тем не менее он не оставлял его. Он дал слово, и если существовали в его роду традиции, которым он никогда не изменял, то это верность своему лагерю, верность человеку, к которому он поступил на службу. Все же он делал свое дело нехотя, среди тяжких угрызений совести, среди жгучих мук стыда. Но драма мало-помалу, почти вопреки его воле, сама пришла к развязке, и ему пришлось совершить лишь один последний шаг.

Я, дрожа, посмотрел на мадемуазель. Но она отвернула лицо в сторону, так что я не мог определить, какое впечатление произвели на нее мои слова.

– Не торопитесь меня судить, – продолжал я тише. – Попробуйте понять и то, что я теперь скажу вам. Я рассказываю вам не любовную историю, и она не имеет такого приятного конца, какой романисты любят придавать своим произведениям. Я должен только сказать вам, что этот человек, который почти всю свою жизнь провел в гостиницах, ресторанах и игорных домах, здесь в первый раз встретил благородную женщину и, просвещенный ее верностью и любовью, понял, что такое вся его жизнь и каков истинный характер того дела, за которое он взялся. Я думаю... нет, я даже наверное знаю, что это в тысячу раз усугубило страдания, которые он испытывал, когда, наконец, узнал необходимую ему тайну, – узнал от этой же женщины. Этой тайной он овладел при таких обстоятельствах, что, если бы он не чувствовал стыда, то и в аду не нашлось бы для него места. Но в одном отношении эта женщина была несправедлива к нему. Она думала, что, узнав от нее тайну, он тотчас отправился и воспользовался ею. Это неверно. Ее слова еще звучали у него в ушах, когда ему было сообщено, что эта тайна известна уже другим, и, если бы он не поспешил предупредить их, господин де Кошфоре был бы захвачен другими.

Мадемуазель так неожиданно прервала свое продолжительное молчание, что ее лошадь испугалась.

– О, пусть лучше бы было так! – воскликнула она.

– Пусть его захватили бы другие? – переспросил я, теряя свое мнимое самообладание.

– О да, да! – порывисто продолжала она. – Отчего же вы не сказали мне? Отчего вы не сознались мне даже в тот последний момент? Я... но довольно! Довольно! – жалобным голосом повторила она. – Я уже слышала все! Вы терзаете мое сердце, господин де Бери. Дай Бог, чтобы я имела когда-нибудь силы простить вас.

– Вы не дослушали до конца, – сказал я.

– Я больше не желаю слушать, – возразила она, тщетно стараясь придать своему голосу твердость. – Зачем? Что могу я сказать, кроме того, что уже мною сказано? Или вы думаете, что я могу вас теперь же простить, – теперь, когда мой брат едет навстречу своей смерти? О нет, нет! Оставьте меня! Умоляю вас, оставьте меня в покое! Я плохо чувствую себя.

Она склонила голову над шеей своей лошади и зарыдала с таким отчаянием, что слезы ручьем полились из-под ее маски и, точно капельки росы, покатались по лошадиной гриве. Я боялся, что она свалится с лошади, и невольно протянул к ней руку, но она с испугом отстранила ее.

– Нет, – пролепетала она, всхлипывая, – не трогайте меня. Между нами слишком мало общего.

– Но вы должны дослушать до конца, мадемуазель, – решительно заявил я, – хотя бы из любви к вашему брату.

Есть способ, которым я могу восстановить свою честь, и уже несколько времени тому назад я решил сделать это, а сегодня, мне приятно сознаться в этом; я со стойким, хотя и не совсем легким сердцем приступаю к выполнению этого. Мадемуазель, – внушительно продолжал я, далекий от всякого торжества, тщеславия, надменности и лишь радуясь той радости, которую собирался доставить ей, – я благодарю Бога, что еще в моей власти поправить сделанное мною; что я еще могу вернуться к пославшему меня и сказать ему, что я изменил свое намерение и готов нести последствия своего проступка – подвергнуться казни.

Мы были в эту минуту в ста шагах от указательного столба. Мадемуазель прерывающимся голосом сказала, что не поняла меня.

– Что... что такое вы говорите? Я не поняла.

И она завозилась с лентами своей маски.

– Я говорю лишь, что возвращаю вашему брату слово, – мягко ответил я. – С этого момента он может идти куда ему угодно. Вот здесь, где мы стоим, сходятся четыре дороги. Направо лежит дорога в Монтобан, где у вас есть, конечно, друзья, которые скроют его на время. Налево лежит дорога в Бордо, где вы можете, если хотите, сесть на корабль. Одним словом, мадемуазель, заключил я слегка упавшим голосом, – здесь, будем надеяться, кончатся все ваши беды и тревожения.

Она повернула ко мне свое лицо – мы в это время оста-

новились – и старалась сорвать ленточки своей маски; но ее дрожащие пальцы не повиновались ей, и через минуту она с возгласом отчаяния опустила руку.

– Но вы? Вы? – воскликнула она совершенно другим голосом. – Что же вы будете делать? Я вас не понимаю, сударь!

– Здесь есть третья дорога, – ответил я. – Она ведет в Париж. Это моя дорога, мадемуазель. Здесь мы расстанемся.

– Но почему? – дико вскричала она.

– Потому что с этой минуты я постараюсь сделаться честным человеком, ответил я тихо. – Потому что я не желаю быть великодушным за чужой счет. Я должен вернуться туда, откуда пришел.

– В тюрьму? – пробормотала она.

– Да, мадемуазель, в тюрьму.

И она снова сделала попытку снять маску.

– Мне нехорошо, – пролепетала она. – Я задыхаюсь!

И она так зашаталась, что я поспешил спрыгнуть на землю и подбежал как раз вовремя, чтобы подхватить мадемуазель на руки. Но она была не совсем в забытьи, потому что тотчас вскричала:

– Не трогайте меня! Не трогайте меня! Я умру от стыда!

Однако невзирая на эти слова, она ухватилась за меня, а слова ее сделали меня счастливым. Я отнес ее в сторону и положил на траву. Кошфоре пришпорил коня и, подъехав к нам, соскочил на землю. Его глаза сверкали.

– Что такое? – воскликнул он. – Что вы сказали ей?

– Она сама расскажет вам, – сухо ответил я, потому что под влиянием его гневного взгляда ко мне вернулось самообладание. – Между прочим, я сообщил ей, что вы свободны. С этой минуты, господин де Кошфоре, я возвращаю вам ваше слово. Прощайте!

Он что-то закричал, когда я сел на коня, но я не остановился и не удостоил его ответом. Вонзив шпоры в бока своей лошади, я промчался мимо придорожного столба по направлению к ровному голому плоскогорью, которое растянулось передо мною, и оставил позади все, что было мне мило.

Проехав шагов около ста, я оглянулся назад и увидел, что Кошфоре стоит у распростертого тела сестры, с изумлением глядя мне вслед. Через минуту, оглянувшись, я увидел лишь тонкий деревянный столб и под ним какую-то темную, неясную массу.

Глава 14. Накануне дня Святого Мартина

Вечером 29-го ноября я въехал в Париж через Орлеанские ворота. Дул северо-восточный ветер, и большие черные тучи заволакивали заходящее солнце. Воздух был пропитан дымом, каналы издавали зловоние, от которого меня стошнило. От всей души я позавидовал человеку, который около месяца тому назад выехал через те же ворота из города, направляясь к югу, с приятной перспективой ехать изо дня в день среди зеленых лугов и тучных пастбищ. Его, на несколько недель, по крайней мере, ждали свобода, свежий воздух, надежда и неопределенность, между тем как я возвращался к печальному жребию и сквозь дымную завесу, нависшую над бесчисленными кровлями, казалось, созерцал свое будущее.

Пусть, однако, не заблуждаются на мой счет. Пожилой человек не может без содрогания, без тяжелых сомнений и душевной боли расстаться с издавна укоренившимися светскими привычками, не может пойти наперекор правилам, которыми руководствовался так долго. От Луары до Парижа я раз двадцать спрашивал себя, в чем заключается честь и какой мне прок от того, что я, всеми забытый, буду гнить в могиле; спрашивал себя, не глупец ли я и не станет ли смеяться над моим безумием тот железной воли человек, к которому

я теперь возвращался?

Тем не менее, чувство стыда не позволило мне отказаться от принятого решения, – чувство стыда и воспоминание о последней сцене с мадемуазель. Я не решался снова обмануть ее ожиданий; после своих высокопарных речей я не мог опуститься так низко. И, таким образом, хотя не без борьбы и колебаний, я въехал 29-го ноября в Орлеанские ворота и медленно плелся, понуриив голову, по улицам столицы, мимо Люксембургского дворца.

Борьба, которую я вынес, истощила мои последние силы, и с первым журчанием уличных канав, с первым появлением босоногих уличных мальчишек, с первым гулом уличных голосов, – одним словом, с первым дыханием Парижа, у меня явилось новое искушение: пойти в последний раз к Затону, увидеть столы и удивленные лица и снова на час или два стать прежним Бери. Это не значило бы нарушить слово, потому что все равно раньше утра я не мог явиться к кардиналу. И, наконец, кому до этого дело? Этим ничто на свете не изменилось бы. Не стоит даже задумываться об этом. Но... но в глубине души у меня таилась боязнь, что самые трудные решения могут поколебаться в атмосфере игорного дома и что даже такой талисман, как воспоминание о последних словах и взоре женщины, может оказаться бессильным.

И все-таки, думаю, в конце концов я не устоял бы перед искушением, если бы не неожиданность, сразу меня отрезвившая. Когда я проезжал мимо ворот Люксембургского

дворца, оттуда выехала карета в сопровождении двух верховых. Карета катилась очень быстро, и я поспешил дать ей дорогу. Случайно одна из кожаных занавесок окна распахнулась, и при угасавшем свете дня – карета промчалась не далее, как в двух шагах от меня, – я увидел лицо седока.

Я увидел только лицо, и то на одно лишь мгновение. Но мороз пробежал по моему телу. Это было лицо кардинала Ришелье, – но не такое, каким я привык его видеть: не холодное, спокойное, насмешливое, дышащее в каждой своей черточке умом и неукротимой волей. Нет, лицо, которое я увидел, было искажено злобой и нетерпением, на нем я прочитал тревогу и страх смерти. На бледном лице глаза горели, кончики усов вздрагивали, сквозь бородку виднелись стиснутые зубы. Мне казалось, что я слышу его возглас: «Скорее! Скорее!» – и вижу, как он кусает губы от нетерпения. Я отпрянул назад, словно обожженный.

Через секунду верховые обдали меня грязью, карета умчалась на сто шагов вперед, а я остался на улице, объятый страхом и недоумением, и уже не думал об игорном доме.

Этой встречи было достаточно, чтобы у меня появились самые тревожные мысли. Уж не узнал ли кардинал о том, что я отнял де Кошфоре из рук солдат и отпустил его на свободу? Но я тотчас оставил эту идею. В громадных сетях планов кардинала Кошфоре был лишь ничтожной рыбкой, а выражение лица, промелькнувшего предо мною, говорило о катастрофе, перевороте, происшествии, столь же возвышавшем-

ся над уровнем обычных житейских бед, как ум этого человека возвышался над умами других людей.

Было уже почти совсем темно, когда я миновал мост и уныло потащился по Мыловаренной улице. Поставив лошадь в конюшню и забрав свои пожитки, я поднялся по лестнице в квартиру моего прежнего хозяина – каким жалким, убогим и вонючим показалось мне теперь это жилье! – и постучался в дверь. Она тотчас отворилась, и на пороге показался сам хозяин, который при виде меня вытаращил глаза и всплеснул руками.

– Святая Женевьева! – воскликнул он. – Ведь это господин де Бери!

– Да, это я, – ответил я, несколько тронутый его радостью. – Ты удивлен? Я уверен, что ты заложил мои вещи и отдал мою комнату внаймы, плут!

– Боже избавь, господин! Напротив, я ждал вас!

– Как? Сегодня?

– Сегодня или завтра, – ответил он, следуя за мною в комнату и запирая дверь. – Это первое, что я сказал, когда услышал сегодняшнюю новость. Теперь мы скоро увидим господина де Бери, сказал я. Не прогневайтесь на детей, господин, – продолжал он, ковыляя вокруг меня, пока я усаживался на треногий стул подле очага. – Ночь холодна, а в вашей комнате нет огня.

Пока он бегал в мою комнату, относя мои мешки и плащ, маленький Жиль, которого я крестил в церкви святого Суль-

пиция (помню, в тот же день я занял у его отца десять крон), робко подошел ко мне и стал играть моею шпагою.

– Так ты ждал меня, как только услышал эту новость, Фризон? – сказал я хозяину, сажая ребенка к себе на колени.

– Ждал, ваше превосходительство, – ответил он, заглядывая в черный горшок, перед тем как повесить его на крюк.

– Хороша. В таком случае интересно узнать, что это за новость? насмешливо сказал я.

– О кардинале, господин де Бери.

– А! Что же именно?

Он посмотрел на меня, не выпуская горшка из рук.

– Вы не слышали? – с изумлением воскликнул он.

– И краем уха не слышал. Рассказывай, дружище.

– Вы не слышали, что его эминенция в немилости?

Я вытаращил на него глаза.

– Что за вздор!

Он поставил горшок на пол.

– Ну, я вижу, что вы действительно были за тридевять земель, – с убеждением сказал он. – Ведь уже около недели слухи об этом носятся в воздухе, и они-то, я думал, привели вас назад. Что я говорю, недели! Уже целый месяц! Говорят, что это дело старой королевы. Во всяком случае, все его распоряжения отменены и служащие отставлены. Говорят также, что немедленно будет заключен мир с Испанией. Повсюду его враги поднимают головы, и я слышал, что по всей дороге до берега он разместил подставных лошадей, чтобы иметь воз-

возможность бежать во всякую минуту. Кто знает, может быть, он уже убежал.

– Но послушай! – воскликнул я, вне себя от неожиданности. – А король? Ты забыл о короле! Он уж не перестанет танцевать под дудку кардинала. Да и они все будут танцевать! – добавил я сердито.

– Да, – с живостью ответил Фризон. – Вы правы, но король не допускает его к себе. Три раза в день, говорят, кардинал приезжал в Люксембургский дворец и, как самый простой смертный, дожидался в передней, – просто жалко было смотреть на него. Но его величество не хочет его видеть. И когда в последний раз он ушел, не дождавшись приема, на нем, говорят, лица не было. А по-моему, сударь, он был великий человек, и после него нами, пожалуй, будут еще хуже править, не в обиду вам будь сказано. Если знать и недолюбливала его, зато он был хорош для торговцев и мещан и одинаков ко всем.

– Молчи, приятель! Молчи и дай мне подумать, – сказал я с волнением.

И между тем как он суетился, готовя для меня ужин, огонь озарял бедную комнатку, а ребенок занимался своими игрушками, я погрузился в размышление об этой важной новости, о том, каково мое положение и что мне теперь предпринять. В первую минуту у меня появилась мысль, что мне нужно только спокойно ждать развязки событий. Еще несколько часов – и человек, который закабалил меня, будет

совершенно бессилён, и я получу свободу. Ещё несколько часов – и я могу даже открыто смеяться над ним. Судя по всему, кости выпали для меня благоприятно.

Но одно слово, сорвавшееся с уст Фризон, пока он ковылял вокруг меня, наливая похлёбку и нарезая хлеб, придало моим мыслям совершенно иное направление.

– Да, ваше превосходительство, – сказал он в подтверждение чего-то, высказанного им перед этим, – мне рассказывали, что в последний раз, когда он был в приемной, из толпы, которая постоянно обивала у него пороги, никто не захотел говорить с ним. Они шарахнулись от него, как крысы, так что он остался совершенно один. Я видел его после того, – продолжал Фризон, поднимая вверх глаза и руки и глубоко вздыхая, – да, я видел его, и знаете, король казался бы жалким оборвышем в сравнении с ним. А его лицо!.. Ну, я не желал бы встретиться с ним теперь.

– Пустое, – ответил я. – Кто-нибудь обманул тебя. Люди не настолько глупы.

– Вы думаете? – мягко спросил он. – Знаете, кошки не любят оставаться на холодном очаге.

Я снова повторил, что он глуп, но мне было не по себе, несмотря на все мои возражения. Я держался того мнения, что если когда-нибудь существовал на свете великий человек, то это Ришелье, а тут мне говорили, что все покинули его. Правда, я не имел оснований любить его, но я взял у него деньги, принял от него поручение и обманул его дове-

рие. Если он лишился власти, прежде чем я успел – при всем моем желании – оправдаться перед ним, тем лучше для меня. Это был мой выигрыш, – в зависимости от удачи войны, от счастливого падения костей. Но если я теперь притаюсь, чтобы ждать у моря погоды, и, находясь в Париже при самом начале заката его звезды, буду медлить, пока он совершенно не падет, – где же будет моя честь? К чему тогда те высокопарные речи, которые я говорил мадемуазель в Ажане? Я буду напоминать того рекрута в старинном романе, который пролежал все время битвы в канаве, а затем вышел и хвастался своею храбростью.

Но... дух был бодр, а плоть немощна. День, сутки, два дня могли составить разницу между жизнью и смертью, между любовью и смертью, – и я колебался. Но наконец я решил, что делать. В двенадцать часов следующего дня, – в тот час, когда я явился бы к кардиналу, если бы не узнал об этой новости, – я пойду к нему. Но не раньше: этот маленький шанс я должен оставить для себя. Но и не позже: это мой долг.

Порешив с этим вопросом, я отправился спать, но мне не суждено было отдохнуть.

При первом проблеске зари я проснулся, и единственное, что мог сделать, это пролежать с открытыми глазами, пока не поднялся с кровати Фризон. Тогда я послал его на улицу узнать, нет ли каких новостей, и лежал, ожидая и прислушиваясь, пока он ходил туда. Несколько минут, которые длилось его отсутствие, показались мне целой вечностью; ко-

гда он возвратился, секунды, которые протекли, пока он раскрыл рот, показались мне целым столетием.

– Ну, он еще не скрылся? – спросил я наконец, будучи не в состоянии преодолеть своего нетерпения.

Он, конечно, не скрылся. В девять часов я снова выслал Фризона на улицу; в десять и одиннадцать – опять, и все с тем же результатом. В одиннадцать часов я отказался от всякой надежды и тщательно оделся. Странный вид, вероятно, имел я, потому что Фризон загородил мне дорогу и с явным беспокойством спросил, куда я иду.

Я тихонько отстранил его.

– Играть, дружище, – ответил я. – Я намерен поставить большой куш.

Стояло чудное утро, солнечное, свежее, приятное, но мне было не до того. Все мои мысли устремлялись туда, куда я шел, и я совершенно не заметил, как очутился на пороге дворца Ришелье. Как и в тот памятный вечер, когда я под моросившим дождем переходил улицу, глядя с зловещим предчувствием на дворец, у больших ворот стояли несколько стражей в кардинальской ливрее. Подойдя ближе, я увидел, что противоположная сторона улицы, у Лувра, полна народа, и каждый молча топчется на одном месте, украдкой поглядывая на дворец Ришелье. Всеобщее молчание и жадные взоры имели в себе что-то угрожающее. Когда я вошел в ворота и оглянулся назад, я увидел, что меня пожирали глазами.

Впрочем, им больше и не на что было смотреть. Во дворе, где, бывало, во время пребывания королевской семьи в Париже, я видел двадцать карет и целую толпу слуг, царила пустота и тишина. Дежурный офицер с изумлением посмотрел на меня, когда я прошел мимо него. Лакеи, слонявшиеся в галерее, ухмыльнулись при виде меня. Но то, что случилось, когда я поднялся по лестнице и подошел к дверям приемной, превзошло все остальное. Привратник хотел отворить дверь, но дворецкий, болтавший о чем-то с товарищами, поспешил вперед и остановил меня.

– Что вам угодно, сударь? – спросил он, между тем как я дивился, отчего это он и все остальные смотрят на меня так странно.

– Я – де Бери, – резко ответил я, – и мне разрешен доступ. Он поклонился довольно вежливо.

– Так точно, господин де Бери, я имею честь знать вас в лицо. Но... извините меня. У вас есть дело к его эминенции?

– Да, есть, – опять резко ответил я, – дело, которым многие из нас живут. Я на службе у него!

– Но вы являетесь по... приказанию, сударь?

– Нет. Но ведь это обычный час приема. Во всяком случае, я по важному делу.

Дворецкий еще некоторое время нерешительно глядел на меня, затем отступил в сторону и подал привратнику знак отворить дверь. Я вошел, обнажив голову, и принял на себя суровый и решительный вид, готовый встретить взоры всех.

Но через мгновение тайна объяснилась: комната была пуста!

Глава 15. День Святого Мартина

Да, на утреннем приеме великого кардинала я был единственным посетителем! Я озирался во все стороны в длинной узкой комнате, по которой он, бывало, расхаживал каждое утро, отпустив более важных гостей. Я озирался, повторяю, во все стороны, точно ошалелый. Стулья, стоявшие рядами у стен, были пусты, ниши у окон тоже. Странно глядели в этой безлюдной комнате кардинальские камилавки, вылепленные и нарисованные повсюду, и большие «К», блиставшие на геральдических щитах.

Только на маленькой скамеечке у отдаленной двери неподвижно сидел человек в черном, который читал или делал вид, что читает, маленькую книжку, – один из тех безмолвных, ничего не видящих и ничего не слышащих людей, которые процветают под сенью вельмож.

Изумленный и смущенный, я помнил, как прежде была полна эта комната и как кардинал с трудом находил себе дорогу среди кишевшей толпы. Я еще стоял на пороге, когда человек закрыл книгу, поднялся с места и бесшумно подошел ко мне.

– Господин де Беро?

– Да, – ответил я.

– Его эминенция ждет вас, потрудитесь следовать за мною.

Я последовал его приглашению, еще более прежнего изумленный. Как мог кардинал знать, что я здесь? Но у меня не было времени размышлять об этом вопросе. Мы миновали комнату, где работали несколько секретарей, затем другую и остановились перед третьей дверью. Всюду царило гнетущее безмолвие. Чиновник постучал, открыл дверь, отодвинул в сторону портьеру и, приложив палец к губам, жестом пригласил меня войти. Я вошел и очутился перед ширмой.

– Это господин де Бери? – спросил тонкий, резкий голос.

– Так точно, монсеньор, – ответил я дрожа.

– Идите сюда, мой друг, поговорим.

Я обошел вокруг ширмы и сам не знаю, как это вышло, но впечатление, произведенное на меня толпою любопытных снаружи, пустота, царившая в приемной, тишина и безмолвие, разлитые по всему дворцу, еще более усилилось и придало сидевшему передо мной человеку достоинство, которым он в моих глазах никогда не обладал даже в то время, когда люди толпились у его дверей и самые надменные гордецы таяли от его одной улыбки.

Он сидел в большом кресле у очага, голова его была покрыта маленькою красною шапочкой, а его выхоленные руки неподвижно лежали на коленях. Воротник его мантии, ниспадавший по плечам, был лишен всяких украшений и лишь внизу был оторочен богатым кружевом. На груди у него сиял знак ордена Святого Духа – белый голубь на золотом кресте.

В груди бумаг, лежавших перед ним на большом столе, я заметил шпагу и пистолеты, а за маленьким, покрытым скатертью столиком, позади него, виднелась пара дорожных сапог со шпорами.

При моем появлении кардинал с необычайным спокойствием посмотрел на меня, и я тщетно искал на его кротком и даже ласковом лице следы того возбуждения, которое было написано на нем накануне. Я даже подумал в этот момент, что если этот человек действительно стоит на рубеже между жизнью и смертью, между верховной властью повелителя Франции и вершителя судеб Европы и ничтожеством опального монаха, то он оправдывает свою славу. Как могли с ним бороться слабые натуры? Но мне некогда было думать об этом.

– Итак вы наконец возвратились, господин де Бери, – мягко сказал он. Я ожидаю вас сегодня с девяти часов.

– Ваша эминенция знали!..

– Что вы вчера вечером возвратились через Орлеанские ворота? докончил он, складывая вместе кончики пальцев и глядя на меня поверх них испытующим взором. – Да, я узнал об этом еще вчера вечером. Ну а теперь – к делу. Вы добросовестно и старательно исполнили свою задачу, я уверен в этом. Где он?

Я не сводил с него глаз и был нем. Странные вещи, которые мне пришлось видеть в это утро, сюрпризы, которые встретили меня здесь, до некоторой степени изгнали из моей

головой мысль о моей собственной судьбе, о моем собственном деле. Но при вопросе кардинала эта мысль поразила меня как громом, и я, словно в первый раз, вспомнил, где я нахожусь. Сердце всколыхнулось у меня в груди. Я хотел искать спасения в моей прежней смелости, но не мог найти слов.

– Ну, – весело продолжал он, и слабая улыбка приподняла его усы, – вы молчите. Двадцать четвертого числа вы оставили с ним Ош, господин де Бери, а вчера вечером вы явились в Париж без него. Он убежал от вас?

– Нет, монсеньор, – пробормотал я.

– А, это хорошо, – ответил он, снова откидываясь назад в своем кресле. – Я знал, что могу положиться на вас. Но где же он теперь? Что вы сделали с ним? Ему известно очень многое, и чем скорее я узнаю это, тем лучше. Ваши люди везут его сюда, господин де Бери?

– Нет, монсеньор, – пролепетал я сухими губами.

Его добродушие, его благоволение особенно мучили меня. Я знал, как ужасна будет перемена, как велика будет его ярость, когда я расскажу ему правду. Но неужели же я, Жиль де Бери, буду трепетать перед кем бы то ни было! Этою мыслью я старался вернуть себе самообладание.

– Нет, ваша эминенция, – сказал я с энергией отчаяния. – Я не привел его сюда, потому что отпустил его на свободу.

– Потому что... что? – воскликнул он.

При этих словах он весь подался вперед, ухватившись за ручки кресла. Его глаза прищурились, словно стараясь прон-

зить меня насквозь.

– Потому что я отпустил его, – повторил я.

– На каком основании? – сказал он голосом, напоминавшим звук пилы.

– На том основании, что я захватил его нечестным путем, – ответил я. На том основании, что я дворянин, монсеньор, а это поручение не дворянское. Я захватил его, если вам угодно знать, – продолжал я, становясь все смелее и смелее, – следя за каждым шагом беззащитной женщины, втираясь в ее доверие и поступая с нею предательски. И сколько бы зла я ни совершил в своей жизни, что вы изволили поставить мне на вид, когда я был у вас в прошлый раз, – но таких вещей я не делал и не буду делать!

– И вы отпустили его на свободу?

– Да.

– После того, как препроводили его за Ош?

– Да.

– И, строго говоря, спасли его этим из рук Ошского коменданта?

– Да, – с отчаянной решимостью ответил я.

– Так что же вы сделали с тем доверием, которым я облек вас, сударь? страшным голосом закричал он и еще более наклонился вперед, словно хотел съесть меня глазами. – Вы, хвалившийся верностью и стойкостью, получивший жизнь на честное слово и без этого уже месяц тому назад превратившийся бы в падаль; отвечайте мне на это! Что вы сделали

с моим доверием?

– Мой ответ очень прост, – сказал я, пожимая плечами и чувствуя, что ко мне окончательно возвращается самообладание. – Я вернулся к вам, чтобы получить свое наказание.

– И вы думаете, что я не знаю, почему вы сделали это? – возразил он, с силою ударяя кулаком по рукоятке кресла. – Вы слышали, что я лишился власти! Вы слышали, что я, который еще вчера был правой рукой короля, теперь утратил всякую силу. Вы слышали... но постойте! Берегитесь! продолжал он, рыча, как разъяренная собака. – Берегитесь вы и все эти люди! Может оказаться, что вы все еще ошиблись!

– Клянусь праведным небом, что это неправда, – торжественно отвечал я. – До вчерашнего вечера, когда я прибыл в Париж, я ничего не знал об этом. Я явился сюда с одной лишь мыслью – восстановить свою честь, отдавши себя снова во власть вашей эминенции и возвратив вам то, что вы дали мне по доверию.

На минуту он оставался в прежней позе, пристально глядя на меня. Но затем его лицо немного изменило свое напряженное выражение.

– Будьте любезны позвонить в колокольчик, – сказал он.

Колокольчик находился на столе неподалеку от меня. Я позвонил. На этот зов в комнату неслышной походкой вошел человек в бархатных туфлях и, приблизившись к кардиналу, подал ему бумагу. Кардинал стал читать ее. Слуга стоял, раболепно наклонив голову.

Мое сердце неистово билось.

– Очень хорошо, – сказал монсеньор после паузы, которая казалась мне бесконечной. – Откройте дверь!

Слуга низко поклонился и отошел за ширму. Я последовал за ним. За первую дверь, которая была теперь раскрыта настежь, мы нашли восемь или девять человек – пажей, монаха, дворецкого и нескольких стражей. Все они застыли в немом ожидании.

Мне указали знаком, чтобы я стал впереди, остальные сомкнулись позади меня, и в таком порядке мы прошли через первую комнату, а затем через вторую, где нас встретили писцы, низко наклонившие головы при нашем появлении. Затем наконец распахнулась последняя дверь, дверь приемной, и голоса закричали:

– Дорогу! Дорогу для его эминенции!

Мы прошли между двух рядов кланявшихся лакеев и вступили... в пустую приемную.

Привратники не знали, куда смотреть; лакеи дрожали. Но кардинал невозмутимо прошел медленными шагами до середины комнаты. Затем он повернулся, посмотрел сначала в одну сторону, затем в другую и тихо засмеялся.

– Отец, – сказал он своим тонким голосом, – что говорит псалом? Я сделался, как пеликан в глуши и как сова в пустыне.

Монах пробормотал что-то в знак согласия.

– А дальше не сказано ли в том же псалме: они погибнут,

но ты уцелеешь?

– Истинно так, – ответил монах, – аминь!

– Хотя, конечно, это относится к будущей жизни, – сказал кардинал. Но мы тем временем вернемся к своим книгам и послужим Господу и королю в малых делах, если не в больших. Идем, отец, здесь больше не место для нас. *Vanitas vanitatum et omnia vanitas!*²

И так же торжественно, как вошли сюда, мы промаршировали через первые, вторые и третьи двери и в конце концов снова очутились в безмолвной комнате кардинала – я, он и лакей в черном одеянии и бархатных туфлях. На мгновение Ришелье, казалось, забыл обо мне. Он стоял в раздумье у очага, не сводя глаз с тлевшего там огонька. Один раз он даже усмехнулся, а потом тоном горькой насмешки произнес:

– Дураки! Дураки! Дураки!

Наконец он поднял глаза, увидел меня и вздрогнул.

– А! – воскликнул он. – Я совершенно забыл о вас. Ну, счастлив ваш Бог, господин де Бери. Вчера у меня было сто просителей, а сегодня только один, и я не имею власти повесить его. Но отпустить вас на свободу – это другое дело!

Я хотел сказать что-нибудь в свое оправдание, но он круто повернулся к столу и, присев, написал на клочке бумаги несколько строк. Затем он позвонил в колокольчик, между тем как я стоял смущенный и не знал, что меня ждет.

Из-за ширмы показался человек в черном.

---

² Суета сует и всяческая суета (*лат.*).

– Отправь этого господина вместе с этим письмом в верхнюю караульную, – сурово сказал кардинал. – Больше ничего я не хочу слышать, – добавил он, хмурясь, и поднял руку, чтобы запретить мне говорить. – Дело кончено, господин де Бери. Будьте и за то благодарны!

Через секунду я был за дверью. Мысли мои кружились в каком-то вихре, сердце колебалось между гневом и благодарностью. Мне хотелось остановиться, чтобы обдумать свое положение, но у меня не было времени. Повинуясь жесту моего спутника, я пошел по различным коридорам, всюду встречая то же безмолвие, ту же монастырскую тишину.

Я еще мысленно не решил вопроса, Бастилия или Шатле будет моим уделом, когда лакей остановился у дверей, всунул письмо мне в руку и, отворив дверь, пригласил меня войти.

Я вошел, изумленный, но когда остановился, то был близок к оцепенению. Передо мною, поднявшись с места, с лицом в первое мгновение бледным, но затем красным, как пинон, стояла мадемуазель де Кошфоре. Я вскрикнул.

– Господин де Бери, – сказала она дрожащим голосом. – Вы не ожидали увидеть меня?

– Кого угодно, только не вас, мадемуазель! – ответил я, силясь вернуть себе самообладание.

– И все-таки вам должно было бы прийти в голову, что мы не захотим окончательно покинуть вас, – возразила она с укоризной, тронувшей мое сердце. – Было бы низостью с на-

шей стороны, если бы мы не сделали попытки спасти вас. И слава Богу, господин де Бери, наша попытка удалась нам, по крайней мере, в том отношении, что этот странный человек обещал пощадить вашу жизнь. Вы видели его? – продолжала она с живостью, сразу переменив тон, между тем как ее глаза расширились от страха.

– Да, мадемуазель, я видел его, – ответил я, – и вы правы, он пощадил мою жизнь.

– И...

– И отправил меня в заточение.

– Надолго? – прошептала она.

– Не знаю, – ответил я. – Боюсь, что на неопределенное время.

Она содрогнулась.

– Может быть, я принесла вам больше вреда, чем пользы, – пролепетала она, жалобно глядя на меня. – Но я думала помочь вам. Я все рассказала ему и этим, кажется, испортила все.

Слышать, как она обвиняет себя таким образом, несмотря на то, что совершила длинное и утомительное путешествие, чтобы спасти меня, добилась аудиенции у своего заклятого врага и, как я отлично понимал, унизилась ради меня, – было более, чем я мог вынести.

– Замолчите, мадемуазель, замолчите! – почти грубо воскликнул я. – Вы обижаете меня! Ваше заступничество сделало меня счастливым, и все-таки мне жаль, что вы не в Кош-

форе, а здесь, где, боюсь, у вас слишком мало друзей. Вы сделали для меня более, нежели я ожидал, и в тысячу раз более, чем я того заслуживал. Но теперь, во всяком случае, довольно. Я не хочу, чтобы парижские сплетни соединяли ваше имя с моим. Поэтому прощайте! Боже избавь меня сказать вам что-либо больше или позволить вам оставаться в том месте, где злые языки не пощадят вас!

Она с каким-то удивлением посмотрела на меня, но затем ее уста медленно разжались в улыбку.

– Уж поздно, – мягко сказала она.

– Поздно! – воскликнул я. – Как это поздно, мадемуазель?

– Поздно, потому что... Вы помните, господин де Бери, как вы рассказывали мне вашу любовную историю на Ажанском холме? Вы сказали, что ваша история не может иметь хорошего конца. На том же основании и я рассказала кардиналу свою историю, и теперь она уже стала общественным достоянием.

Я смотрел на нее так же пристально, как и она на меня. Ее глаза сверкали из-под длинных ресниц. Она вся дрожала, и все-таки улыбка озаряла ее лицо.

– Что же вы сказали ему, мадемуазель? – прошептал я, задыхаясь.

– Что я люблю, – смело ответила она, – и потому я не постыдилась просить его... даже на коленях.

Тут я упал на колени и прижал ее руку к своим губам. На мгновение я забыл о короле, кардинале, тюрьме, будущем, –

обо всем, за исключением того, что эта женщина, столь чистая и прекрасная, столь превосходившая меня во всех отношениях, любит меня. Но затем я опомнился. Я встал и отступил от нее под влиянием нового порыва.

– Вы не знаете меня! – воскликнул я. – Вы не знаете, кто я такой! Вы не знаете, что я сделал на своем веку.

– Нет, это именно я знаю, – ответила она со странной улыбкой.

– Да нет же, вы не знаете, – продолжал я. – И кроме того, нас разделяет это!

И я поднял письмо кардинала, которое упало на пол.

Она побледнела, но затем с живостью воскликнула:

– Откройте его! Откройте! Оно не запечатано!

Я машинально повиновался, с ужасом думая о том, что сейчас прочту в нем. Я даже не решался в первое мгновение прямо взглянуть на него, но затем стал читать. Оно гласило:

«По указу его королевского величества, господин Жиль де Бери, занимавшийся до сих пор государственными делами, удаляется отныне в поместье Кошфоре для безвыездного проживания в его пределах до особого распоряжения.

Кардинал Ришелье».

На следующий день мы обвенчались, а две недели спустя были в Кошфоре, среди темно-бурых южных лесов, между тем как великий кардинал, еще раз восторжествовавший над своими врагами, снова смотрел холодными и насмешливы-

ми очами на бесчисленных посетителей, толпившихся в его комнатах. Новый прилив благополучия длился для него на этот раз еще тринадцать лет и окончился только с его смертью. Свет получил свой урок, и до настоящего времени этот день, когда из всех друзей кардинала остался я один, называют «днем одураченных».